Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 3

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Марк БЕРКОЛАЙКО. **Жизнь между прологом и эпилогом.** *Повесть* 10
Татьяна РУСТАМЛИ. **Выйди из тьмы.** 31
Тамилла АХУНДОВА. *Рассказы* 57
Ляман БАГИРОВА. *Рассказы. Эссе* 72
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. *Новелла. Этюд. Эссе* 105
Виктор СЛИПЕНЧУК. **Крылатый боевой конь.** *Рассказ* 121
Александр ДИМИДОВ. **Голосом Жванецкого.** *Монолог* 131

ПОЭЗИЯ

Тамилла АХУНДОВА. *Стихи* 52
Ирэн ТАСАЛОВА. *Переводы из испанской поэзии* 101
Анне БУЛИЧ. *Стихи* 118
Вера ХАМИДУЛЛИНА. *Стихи и переводы* 127

ПУБЛИЦИСТИКА

АНАР. *Интервью* 3
Тофик МЕЛИКЛИ. **Штрихи к портрету Анара** 7
Низами МАМЕДОВ. **Яркая личность в истории азербайджанской философии** 67
Когда Музы не молчат 97

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 16.03. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2023г.

АНАР 85

Kulis.az 18 марта 2019 *интервью Фарида Гусейна с Народным писателем, председателем СПА Анаром*

– «Люди продолжают оставаться гордыми до получения первой премии. Как только они получают первую из ста наград, начинают жить в тоске по остальным девяноста девяти». Это цитата из ваших «Ночных размышлений». А жил ли в тоске по какой-нибудь награде сам Анар?

– Искренне ответить, Фарид?

– Да.

– Я никогда не мечтал получить какую-либо награду. Если получаю – радуюсь, благодарю тех, кто счел меня достойным, но я не то что бы не тоскую, но даже думать не думаю о каких-либо наградах. Ни сейчас, ни в молодости я не - рвался получить награды.

– Ваше детство прошло в эпоху Сталина. Вот люди могут спросить: «Что отняли у вас те годы?», а я хочу поставить вопрос иначе: «Что дали вам те годы?»

– В те годы я был школьником. Не могу сказать, что сталинские годы оказали непосредственно серьезное влияние на мою жизнь, но я хорошо помню детство и то время. Я никогда не любил Сталина. Когда он умер, учителя и ученики в школе плакали, но я не плакал и сохранял спокойствие.

– В рассказе «Конечно, встретимся» вы раскритиковали турецкие реалии. Не стали ли упрекать вас тамошние друзья после публикации рассказа?

– Нет, никто ни в какой форме недовольства не выражал. Потому что этот рассказ рожден моей любовью к Турции. У меня есть сатирический рассказ и об азербайджанских реалиях, «Молла Насреддин-66», сейчас я пишу и другие сатирические рассказы. Это вовсе не означает того, что я не люблю Турцию или Азербайджан. Я всего лишь раскритиковал некоторые неприятные, неприемлемые нюансы. Этот рассказ больше нравится проживающим в Турции азербайджанцам, так как и они сталкиваются с теми же проблемами.

– В романе «Шестой этаж пятиэтажного дома» вы уходите в такие глубокие детали, что у читателя невольно возникает мысль: произведение автобиографично. В этом романе есть автобиографические детали?

– В последние годы я редко провожу встречи с читателями, но раньше это случалось часто. И на каждой встрече меня спрашивали: с кого списана Тахмина? Но ни мои герои, ни героини ни с какого конкретного в реальности человека не списаны, это образы, возникшие благодаря прочитанным и услышанным историям, произведение – плод писательского воображения, фантазии. Раз это плод воображения, ни слова быть не может об автобиографических деталях.

– После 1980-х годов в вашем творчестве стал преобладать жанр документальной мемуаристики. Какая необходимость побудила вас обратиться к жанру документальных мемуаров?

– Мне стало казаться, что вымышленную историю могу написать как я, так и другой писатель. Но есть такие вещи, о которых могу написать только я, ибо именно я оказался свидетелем тех событий, жил с этими людьми в одном времени и пространстве. Поняв основательность и необходимость тех событий, я подумал, что они должны быть записаны и разделены с читателями. Я написал «Без вас», а потом книгу

о Назыме Хикмете «Как Керем», думаю, там отражены чувства, вызывающие в читателях теплоту.

– В рассказе «Сказка доброго падишаха» вы отразили идею того, как тоталитаризм приводит к абсурду. А в чем вы как писатель видите абсурд демократии?

– Черчилль говорит: «У демократии много изъянов, но человечество еще не изобрело устройства лучше». В России провели опрос на тему «Какого властителя вы бы хотели?» и первое место занял Сталин. А то, насколько Сталин далек от демократии, вы знаете сами. То есть демократию должен требовать народ, народ сам должен выбрать этот режим. Демократия порой приводит к распущенности. Свобода слова, свобода мысли далеко не всегда дают положительные результаты. Люди видят, что общество равняется на образ жизни шоу-бизнеса, и устают, и хотят, чтобы пришел кто-нибудь жесткий, как Сталин, и выкорчевал эти сорняки. Но эти же люди не понимают, что у такого режима есть и репрессии, что страна может превратиться в тюрьму и т.д. А что если демократия не есть желание большинства и страна управляется демократическими принципами? Вот в таких случаях и возникает абсурд демократии.

– Думали ли вы о падении советской империи, переводя произведение Анны Марии Матуте «Мы начали писать потому, что были недовольны…» и видя там падение фашизма?

– Я знал, что Советская империя падет, но не предполагал, что это случится так быстро. Тогда я перевел это произведение потому, чтоб люди знали о пошатнувшемся режиме. Думаю, люди поняли мой намек.

– Мне кажется удивительным, что цензура пропустила эту вещь. Как вы добились публикации?

– Наши цензоры были не столь умны, как московские. Они были глуповаты и не смогли уловить подтекст этой вещи.

– Всегда особо отмечают, что Анар был сыном Расула Рза и потому все двери ему были открыты, он был материально обеспечен и написал множество вещей. Но я хотел бы узнать – в чем заключалась ответственность быть сыном Расула Рза?

– Совет правления Союза писателей состоял из 40 членов. До смерти Расула Рза я даже не входил в совет правления. В каком смысле Расул Рза мне помог? В том смысле, что я рос среди книг, общался с интересными людьми. Но никто не может сказать, что Расул Рза взял и напечатал книгу Анара. Такие слова говорят самые подлые люди – он стал писателем потому, что родился в семье писателя. В писательских семьях рождается немало детей, и что, они все становятся писателями?! Что касается ответственности быть сыном Расула Рза и Нигяр Рафибейли, то эта ответственность присутствовала всегда, в том смысле, что я всегда старался быть достойным их высокого имени. Те, кому они приходились не по душе, относились и относятся с антипатией и ко мне. Кроме всего, прийти в литературу из родительского лона лучше, чем из-под пазухи чужих людей.

– Ваши книги выходят за рубежом, но вы никогда это особо не акцентируете, вам хватает коротких информационных заметок. Почему?

– Я не занимаюсь подобными вещами. Это мне не к лицу. Да и совесть иметь надо, газеты поднимают шумиху по поводу публикации за рубежом обычного рассказа, а большие дела замалчивают. Недавно меня избрали председателем Союза писателей Тюркского Мира, спасибо Парвин ханым, она написала об этом в «525-ой газете». А в других газетах даже информацию об этом не дали.

– В «Сказке хорошего Падишаха» есть один момент, поэт за день слышит столько стихов, что бросается со скалы. Та же тенденция присутствует в обществе и по сей день, все пишут стихи. Что нам делать, Анар муаллим, броситься со скалы?

– Проблема, о которой ты говоришь, повальное желание писать, есть и сегодня, но вот только со скалы никто не бросается *(смеется)*. Сегодня всё это выглядит гораздо отчетливей, так как много сайтов и газет, все могут печататься. За прозу берется не каждый, особенно те, кто осведомлен о ее сложности, но со стихами всё проще: сидит дома вечером один такой «поэт», кропает стишки, а утром голосит на весь мир, что он якобы поэт. К сожалению, предотвратить поток этих текстов невозможно, но литературная критика не обращает на это внимания, не отделяет зерна от плевел. Настали времена, когда всё решают деньги. Раз есть деньги, можно даже не писать самому, заказать другому книгу, затем заплатить и издать эту книгу, а потом за деньги организовать хвалебные критические статьи. Часть пишущих, я знаю, пишут только за деньги. Потому что если те, кто пропагандирует за счет денег свое творчество, не дадут денег, о них не напишут ни строчки. В 1930-х годах сверху спустили абсурдную идею «Литература ударников труда». Раз ты хороший слесарь, то обязательно должен быть писателем или поэтом. Под этим лозунгом в литературу пришли многие. Удивительно, что среди них были и талантливые, например, Мирза Ибрагимов. Однажды во время своего выступления рядом с Гейдаром Алиевым я привел этот пример и в качестве продолжения своей мысли сказал, что сегодня лозунг 30-х годов принял другую форму: «Тот, у кого есть деньги, должен писать, стать писателем». В наше время тот, у кого есть деньги, банки, виллы, объекты, думает: а почему бы не стать писателем?! Эта моя мысль очень понравилась покойному Гейдару Алиеву.

– Говоря о критиках, хочу вспомнить одну вашу мысль: «Некоторые писатели считают, что раз они не знакомы с каким-то писателем, то это вина того самого писателя. Но вне зависимости от открытия геологов – алмаз продолжает оставаться алмазом». Анар муаллим, довольны ли вы работой литературных геологов – критиков, проявляют ли они равнодушие к вашим алмазам – вашим произведениям? (смеется)

– Естественно, есть критики, которые знают, что алмаз есть алмаз, и они при необходимости проявляют внимание к моим произведениям. Но есть и такие, которые пишут и об угле, если им в карман опустить «алмаз» (*смеется*).

– Почему сейчас не пишутся рассказы вроде «Беседа женщины, работающей в гардеробе», почему больше пишут о прагматических сторонах любви?

– Сейчас все чувства ушли в виртуальность. Молодежь знакомится, признается в любви через интернет. Через интернет они собирают информацию – можно любить этого человека или нет. Увидев, что все параметры сходятся, они влюбляются и женятся. В нынешнее время такие рассказы, конечно же, выглядят сентиментально. Сюжет этого рассказа с точки зрения нынешней реальности – абсолютно далек, и если бы я взялся писать сейчас, то написал бы совершенно иначе. Я трезво оцениваю свой возраст, не в том смысле, что устал, силы иссякли, а в том, что понимаю: нынешняя молодежь сильно от нас отличается. Я бы даже сказал, что мы живем в параллельных мирах. Моему образу жизни не соответствует единовременно постигать мир реальный и виртуальный, жить параллельно в обоих.

– В некоторых текстах пишут, что в повести «Шанс» ощущается настроение «Чужого» Камю, в главном герое Фуаде ощущается экзистенция Мерсо. Есть и определенные сходства между «Мадам Бовари» Флобера и «Шестым этажом пятиэтажного дома». Давайте поговорим о влияниях на ваше творчество.

– Мне повезло еще и в том, что мои недруги глупы. Будь эти якобы выводящие меня на чистую воду глупцы чуть умнее, они говорили бы о других влияниях. Если взять этот принцип за основу, то можно найти сходства и между «Мадам Бовари» и «Анной Карениной». Большинство писателей читает Толстого, Флобера, Камю и, естественно, знают, что те писали. В этом смысле в моих произведениях нет прямых влияний, а общее влияние, конечно же, может иметься. В «Шансе» есть влияние не Камю, а дзенбуддийской философии. Могу привести конкретный факт: я всегда руководствовался философией делать добро и не ждать ответного. Дзенббудисты считают, что раз ты делаешь добро и ждешь награды за это, то ты всё же корыстен. Настоящее совершенство заключается в том, чтобы ничего не ждать, никакой награды за свое добро. В «Шансе» я старался по мере сил отразить эту идею.

– В «Ночных размышлениях» порой ощущается вера в загробный мир, а порой нет. Чем продиктован этот парадокс?

– Вера в загробный мир – утешение. Раз ты столько жил, думал и чувствовал, раз есть люди и мир, как всё это может взять и исчезнуть? Есть еще такая мысль, что человек не умирает, а принимает иную форму. Например, я, допустим, не умер, стал гранатовым деревом, в чем тут для меня смысл? То есть, если нет памяти, какой смысл жить в той либо иной форме?! Моя вера в загробную жизнь пошатнулась после одной простой мысли. Да, мы говорим, есть жизнь, есть мир, судьба, как все это может бесследно исчезнуть. Но, ладно, вспомни: ведь всего этого не было до твоего прихода в мир, вот так оно и исчезнет после твоей смерти. То есть тебя после смерти не станет точно так же, как тебя не было до рождения. Две эти противоположные мысли о посмертном существовании постоянно волнуют меня: когда хочу себя утешить, думаю, что тот мир есть. Но, когда смотрю на мир трезво, понимаю, что концы и начала теряются во мраке. Я верю в Бога. Знаешь, в чем парадокс? Если веришь в Бога, то должен поверить и в загробную жизнь.

– В «Шансе» у вашего героя Фуада нет времени для размышлений, для постижения связанных с ним истин. Думаю, среди ваших произведений наиболее пророческим оказался «Шанс». Человек не занят необходимой работой в мировом масштабе, но у него нет времени понять не только других, но даже самого себя. В наше время, когда интернет, социальные сети занимают чуть ли не каждого, современный человек не находит времени на размышления. Вы описали трагедию современного человека на много лет раньше.

– Совершенно верно, Фарид. Когда я писал «Шанс», еще не было всех этих проблем, но имелись заботы того времени. Теперь есть проблемы, о которых ты говоришь, и ты прав, говоря, что у современного человека нет времени на размышления. Герой «Шанса» предполагает встретиться с собой когда-нибудь, но не находит на то шанса. А современный человек на это даже не надеется.

– Анар муаллим, в повести «Контакт» речь идет встрече в космическом, метафизическом плане, вы верите в контакт с небесами, божественной силой?

– Да, верю. Повесть «Контакт» мне будто надиктовали. Некоторые ситуации я видел во сне. Порой мне казалось, что кто-то мне звонит посреди ночи, или видел во сне, что кто-то стоит над моей головой и считает «один, два, три…»

– В своем творчестве вы отражали в основном светлые стороны жизни. А в романе «Белый овен, черный овен» описана и темные грани жизни. Поговорим об этом.

– Это роман-утопия. То есть я описал то, каким бы хотел видеть будущее Азербайджана. Кроме того, в этом произведении указаны некоторые угрозы нашего будущего. К счастью, те трагедии пока еще не произошли, но некоторые зачатки видны. Надо сделать так, чтобы эти возможные угрозы не претворились в жизнь.

– Верите, что у каждого в жизни есть неизбежный номер в отеле – комната смерти?

– Наверно, есть. Не приведи Господь.

– Если вас разбудить среди ночи и попросить прочитать любимое стихотворение из Расула Рза, какое прочтете?

– Мое любимое стихотворение Расула Рза следующее, хотя оно пессимистично:

Говорят,
Вечера навевают печаль.
Говорят,
Черная ночь навевает тоску.
Говорят…
Говорят…
А как же полдни?
Днем
Мы нетерпеливо ждем
Наступления вечера,
Наступления ночи!..

А еще другое его стихотворение, неопубликованное, я потом его опубликовал:

Кому поведать о своем горе?
Мир полон людей.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АНАРА

В связи с 85-летием Анара, с которым мы уже знакомы давно, а дружим последние 40 лет, я решил написать несколько слов об этом замечательном писателе и общественном деятеле, выделив некоторые особенности его творчества и характера. Несмотря на то, что я долгое время жил в Москве, а он постоянно в Баку, наши с Анаром дружественные отношения никогда не прерывались, поскольку он часто приезжал в Москву, а я в Баку, и тогда продолжались наши бесконечные встречи, беседы, споры. Известно, что дружба не абстрактное, а конкретное понятие, поэтому я иногда задавался вопросом: на чем же зиждиться наши дружественные связи? Это, по-моему, во-первых, беспредельная наша любовь к Родине, во-вторых, к ее величеству литературе, которой многие годы мы честно и преданно служим, в-третьих, наша общая любовь к великому поэту XX века Назыму Хикмету и нашему бесценному памятнику культуры «Книга моего деда Горгуда» и т.д.

Не открою Америку, если скажу, что Анар – выдающийся прозаик-новатор. Его путь в литературу был предопределен самой жизнью. Родился он 14 марта 1938 года в семье известных поэтов Расула Рза и Нигяр ханым Рафибейли.

Вспоминая детские годы, Анар писал: *«Я рос в атмосфере литературных разговоров, у моих родителей была прекрасная библиотека… А какие гости у нас бывали! Отец очень близко дружил с Ильей Сельвинским, с Павлом Антокольским, с Арсением Тарковским, который переводил большую поэму отца и целый месяц жил у нас дома в Баку»*.

Разве этого недостаточно, чтобы с юных лет заразиться литературой. Зная все перипетии, сложности и даже опасность писательской деятельности, Расул Рза не хотел, чтобы его сын стал литератором. Однако Анар подает документы и, успешно сдав все экзамены, поступает на филологический факультет Азербайджанского государственного университета. Примечательно, что и первый его рассказ был написан

в студенческие годы и напечатан не где-нибудь, а в авторитетном литературном журнале «Азербайджан». Потом появляются многочисленные рассказы и такие замечательные повести, как «Юбилей Данте», «Шестой этаж пятиэтажного дома», «Я, ты, он и телефон», «Комната в отеле», «Белый овен, черный овен» и др. Все эти произведения и по стилю, и по содержанию были необычными, оригинальными, а главными героями являлись не самоотверженные представители трудового фронта, а простой человек с его заботами, мечтой, мыслями о сути жизни, любовью.

В 60-е годы Анар становится признанным лидером молодых и очень талантливых писателей-шестидесятников, которые стали основоположниками нового течения в азербайджанской литературе. Заслуга шестидесятников заключается в том, что они смогли уйти от принципов соцреализма и создать свои произведения в духе неореализма. Благодаря Анару и другим шестидесятникам в 60-70-е годы в нашей литературе появляются новые темы, новые герои, оригинальные выразительные средства и, самое главное, своеобразный литературный язык.

В формировании у шестидесятников нового художественного взгляда, без сомнения, значительную роль сыграла и хрущевская оттепель, которая с некоторыми ограничениями все же дала возможность воспользоваться свободой мысли, слова, и все это способствовало молодым писателям несколько по-иному воспринимать окружающую действительность. Примечательно, что именно в это время в стране официально появилась и абстрактная живопись, даже удалось устроить выставку этих произведений, которую затем благополучно бульдозером снесли. Кроме того, в шестидесятые годы появилась новая плеяда молодежи, которая больше слушала джазовую музыку, танцевала рок-н-ролл, твист, одевалась,… как сверстники из Запада, и потому называли их стилягами.

В то время на писателей-шестидесятников огромное влияние оказывала переводная зарубежная художественная литература, а также западные, в первую очередь, итальянские фильмы, снятые в стиле неореализма. Я хорошо помню те времена, когда после каждого увиденного итальянского фильма, например, «Ночи Кабирии» или «Рим в одиннадцать часов» и др. мы с друзьями, собравшись вместе, до утра шумно обсуждали их. Под влиянием увиденных фильмов мы начинали смотреть на окружающий мир несколько по-другому. «Когда меня спрашивают, – писал Анар, – кого я считаю своими учителями в мировой литературе, я всегда называю Феллини. Хотя он не писатель, но на мою прозу реальное влияние оказал именно он». Доказательством сказанному служат многочисленные его произведения, написанные в 60-е и последующие годы в духе неореализма. При этом следует не забывать, что на творчество Анара, который написал и книгу «Молла Насреддин-66», также большое влияние оказал великий Мирза Джалил Мамедгулузаде.

Впрочем, Феллини повлиял не только на литературную деятельность Анара, он возбудил у него и любовь к киноискусству. Чтобы постичь секреты кино, он поступает на сценарное и режиссёрское отделения Московского института кинематографии. После окончания института он активно работал и по сей день работает как режиссер и сценарист. По его сценариям сняты такие картины, как «День прошёл» (1971), «Деде Горгуд», «Тахмина» (1993), «Вестник рассвета» (2012) и т.д.

Примечательно, что произведения Анара, Эльчина, Вагифа Самедоглу, Акрама Айлисли, Фикрета Годжа и других шестидесятников вызывали острую реакцию со стороны писателей и критиков «старшего поколения». Это в какой-то степени закономерно, ведь во все времена новое, непривычное с боем пробивало себе дорогу в культуру. Благо, что у молодых писателей был свой журнал «Гобустан», которого редактировал Анар, где они могли аргументировано отвечать своим оппонентом. Следует отметить, что столкновение разных взглядов на литературу, на жизнь положительно влияло и на общественное сознание, которое постепенно начало трансформироваться.

Между тем известность Анара и его друзей расширялась, их произведения переводились на разные языки и издавались во многих странах.

Как известно, время – самый суровый и справедливый судья. В 80-е годы прошлого века известному в республике и за ее рубежами Анару приходят и признание, и слава. В 1987 году он избирается председателем Союза писателей Азербайджана, а два года спустя – депутатом Верховного Совета СССР. А после восстановления в 1991 году независимости Азербайджана, Анар в 1995-2005 годы был депутатом Милли Меджлиса. Именно в этот период он принимал самое активное участие в политической и общественной жизни станы. Я был свидетелем того, как Анар, Рустам Ибрагимбеков, Ариф Меликов и другие наши депутаты Верховного Совета СССР смело и аргументированно разоблачали планы армян, которые хотели присоединить исконно Азербайджанский район – Нагорный Карабах – к Армении.

В 1988 году впервые в истории Азербайджана, за его пределами азербайджанцы, проживающие в Москве, создали Общество азербайджанской культуры «Оджаг – Очаг» и после официальной его регистрации и избрания меня Председателем Общества, все члены организации включилась в активную политическую деятельность, которая была связанна с событиями в Нагорном Карабахе. Мы готовили и распространяли среди депутатов, советских и иностранных журналистов документы и материалы об истории Карабаха, организовывали встречи с депутатами Верховного Совета СССР. Анар часто приходил к нам в «Оджаг» и рассказывал, как идут дискуссии в парламенте и как наши депутаты дают отпор армянам. И мы, в свою очередь, пытались оказывать им посильную помощь. Зная Анара многие годы, со всей уверенность могу сказать, что какой бы пост не занимал, он как мыслящий интеллигент всегда честно выполнял свой долг перед обществом. Это его позиция отчетливо проявилась и тогда, когда некоторые силы из числа писателей и чиновников хотели разрушить Союз писателей Азербайджана. Используя с этой целью молодых, неопытных писателей, эти силы начали компанию против Анара и Союза писателей. Они критиковали его не за слабые художественные произведения, поскольку таковых не было, а за то, что он более 36 лет возглавляет Союз писателей Азербайджана. При этом они забывали, что Анар на эту должность избирался самым демократическим путем, решениями съездов писательского Союза. На последнем, состоявшимся в прошлом году съезде, участником которого был и я, все делегаты, за исключением двух, проголосовали за кандидатуру Анара. Большинство писателей знают, что исключительно благодаря решительности и авторитету Председателя удаётся до сих пор сохранить Союз писателей. В одном из интервью Анар сказал: «Мне бы не хотелось, чтобы после меня СПА распался. Хотя бы потому, что я посвятил этой организации 35 лет своей жизни… Союз писателей – это мое детище. Никто не хочет, чтобы после его смерти что-то случилось с его ребенком. Вот почему я хочу, чтобы тот, кто займет этот пост после меня, смог защитить и сохранить жизнь СПА. Несомненно, трудности будут, но что поделаешь, такова жизнь».

В заключении хочу сказать следующее: у нас в стране, к сожалению, истинных интеллигентов, таких, как Анар, не так много.

Они являются нашим национальным достоянием.

С юбилеем тебя, дорогой Анар.

Тофик МЕЛИКЛИ

Редакция журнала «Литературный Азербайджан» от всей души поздравляет нашего постоянного автора, великолепного писателя, горячо любимого Анара. Здоровья, радости, удачи!

МАРК БЕРКОЛАЙКО

Жизнь между прологом и эпилогом

Повесть

Пролог, часть первая: Александр Гройс во всей его гипертрофированности

Пролог – как лестница, по которой поднимаешься, предвкушая.

Как время, за которое пустая сцена заполняется людьми – еще не персонажами, но уже обещающими быть ими…

Таким прологом, придуманным Александром Гройсом в конце восьмидесятых для себя тридцатишестилетнего, можно считать пьесу, написанную без всяких видимых на то причин.

Написанную сразу и вдруг. Названную (со всей его страстью к парадоксам) «Падение индекса Доу-Джонса» – а ведь в тогдашней трехсотмиллионной стране о биржевых индексах что-то слышала едва ли тысяча-другая[1].

Главному герою Саша дал свое имя и свою же фамилию, которую перевел с идиш, изрядно гипертрофировав – Большущий. Впрочем, правильно сделал: не к Большому, но именно к Большущему могла ввалиться незнакомая девица и с порога возвестить «благую весть» о том, что они скоро поженятся. Буквально днями поженятся, ибо мессию, коим она беременна вот уже две недели, должна вынашивать не мать-одиночка, а мать-«законная жена».

А завершилась пьеса так:

(Александр Вертинский поет: «В синем и далеком океане,/ Где-то возле Огненной Земли,/ Плавают в сиреневом тумане/ Мертвые седые корабли…», но, словно бы вопреки этой жуткой картине конца мира, постукивает, раскачиваясь, колыбелька.

«Их ведут слепые капитаны…» – и вдруг Саша и Мария заговорили с нами из другого времени, когда тоже казалось, что корабли человечества ведут безнадежно слепые капитаны).

МАРИЯ. Он был так добр, тихий, старый плотник, что, едва увидев его, я, никому не нужная тощая девчонка, взмолилась: «Возьми меня в жены!» И он взял, и я почитала его безмерно, называя «Отец и муж мой», но когда повзрослела, греховное влечение привязало меня к чернобородому гончару. Он оглаживал груди мои, как оглаживают высыхающую глину – и чашами становились груди мои под его шершавыми ладонями.

Я зачала, а отец и муж мой радовался тому, что жена его носит в чреве своем чужого ему ребенка, и мастерил чудесную колыбельку… но Предвечному не угодно было рождение ребенка моего от гончара, мертвым родился ребенок мой от гончара, и я поклялась Предвечному, что отныне принадлежу Ему не только душою, но и телом – и никогда больше не коснется меня вожделеющая рука мужчины.

[1] Эта пьеса, написанная автором в 1989 году, была потом поставлена в нескольких студиях и молодежных театрах. Приятно также отметить, что одним из немногих, кто об индексе Доу-Джонса тогда не только слышал, а и знал, был легендарный мэр Баку Алиш Джамильевич Лемберанский, опубликовавший свои заметки об истории Нью-Йоркской фондовой биржи и о принципах ее функционирования.

САША. Я обрадовался, когда она сказала, что зачала от гончара, ибо, по моему разумению, нет на свете ничего более грустного, чем могущее плодоносить, но не плодоносящее дерево… И опечалился, когда она сказала об обете, данном ею Предвечному. Однако не отчаялся, понадеявшись на мудрость Его.

Прошел год – и весенним лунным вечером она вернулась, захмелевшая, с веселого праздника Пурим и сразу уснула. А я возился со своими деревяшками и иногда поглядывал на жену, посеребренную светом луны. Не знаю, какая сила вдруг заставила меня подойти к ней и положить руку на ее плечо, но помню, что подивился тому, какой молодой стала моя морщинистая рука, лежащая на посеребренном плече. Подивился, а потом испугался, почувствовав, что во мне, старом плотнике, чьим рукам привычна одна только гладкость – хорошо оструганного дерева, – начало пробуждаться мужское. «Боже, – попросил я, – перестань смеяться надо мной!» Однако Господь не услышал мою мольбу, или услышал, но в необъяснимой воле Своей не захотел ей внять. И я склонился над нею и заплакал от нежности, почувствовав еще хранящийся в ее грудях аромат, по которому, отлученные во младенчестве, мы тоскуем потом всю жизнь. «Боже, – молил я, – не допусти только, чтобы она проснулась! Не допусти, чтобы она проснулась и увидела меня – старого и нелепого!» И эту мою мольбу Он услышал, и я вошел в нее, как прохладным вечером входишь в Кинерет, еще хранящий дневной зной, – и тогда нет отдельно тебя, отдельно воды, отдельно земли и неба, а есть одно, огромное, имя которому – БОГ… А спустя два месяца она сказала мне.

МАРИЯ. Отец и муж мой! Вот уже два раза ко мне не приходили крови. Наверное, я в тягостях, отец и муж мой!

САША. Что ж, я завтра же начну делать колыбельку, и она будет лучше прежней.

МАРИЯ. Но ты, быть может, думаешь, будто я не сохранила верность Предвечному и была с каким-нибудь мужчиной? Нет, не была,верь мне, отец и муж мой!

САША. «Верю!» – ответил я. «Но тогда…», – сказала она и положила мою руку на свое чрево, уже тугое в начале своего плодоношения…

МАРИЯ. Но тогда, отец и муж мой, наверное, я от Бога зачала непорочно? Не Божьего ли тогда сыночка буду носитья в чреве своем?

САША *(после некоторой заминки).* Что ж, рассуждая логически, так оно и есть!

Александр Гройс книгочей завзятый, но о написанном до упадка Византии говорит восторженно, а о созданном позже – с неким сочувствием:

– Все эти шедевры подтверждают, увы, тот грустный факт, что мы, рожденные после гибели греко-римской цивилизации, унаследовали от варваров их вульгарную пассионарность, мешающую понять природу вещей и суть событий.

Однако, говоря «мы», явно рисовался, ибо пассионарность, – ни вульгарная, ни любая иная, – ему свойственна не была, в результате чего бездействие он всегда предпочитал действию. Но неверно полагать, будто Гройс бесстрастен: ему, наряду с *холодными наблюдениями острого ума*, не чужды и *горестные заметы чуткого сердца*[1], однако все это лишь тихо побулькивает в нем на медленном огне финского темперамента и под острым соусом еврейского скептицизма.

Он не закричал ни разу в жизни. Его матушка, пепельно-седоволосая сдобная блондинка из семьи обрусевших, но сохранивших чистопородность финнов, говорила, что даже грудничком он лишь кряхтел однотонно и наставительно, словно бы уча уму-разуму и ее, и все человечество разом.

[1]Александр Пушкин : «… Ума холодных наблюдений/ И сердца горестных замет» – вступление к «Евгению Онегину».

Зато криклив был его отец, инвалид войны, потерявший в боях 45-го, уже в Германии, правую руку – почти по плечо.

Левшой так и не стал, с мстительной радостью согласившись на почти полную беспомощность.

Расписываясь, ставил вместо подписи не крест, но с трудом вычерченный *могендовид*, поясняя при этом задиристо, что, чудом выжив, поверил в Бога. Как ему, Фаддею Израилевичу Гройсу, положено, в еврейского.

Ему это прощали. Ему вообще все прощали и даже шептались в военкоматах, что только такие вот безбашенные могли почти еженощно ходить в вылазки за «языками», попутно «беря на ножи» парочку фрицев. Да и ладно, мол, что за спрос с ночного сторожа – орденоносца и инвалида? И когда хилые домишки в центре города, в одном из которых он жил сызмальства и откуда отправился на войну, едва успев перед этим забежать в ЗАГС со своей сдобной невестой, пошли под снос, ему в двенадцатиэтажной башне, на этом месте выстроенной, дали аж две квартиры: двухкомнатную на него с женой, и однокомнатную – холостому сыну.

Но он все кричал, выхаркивая ярость, переполнявшую его с той самой секунды, как узнал в армейском госпитале, что правую руку, – такую сильную, хваткую и умелую, с такой красивой наколкой, – выкинули на помойку. Излился на неметчину, которая, словно бы назло ему, дивно расцвела на почве, удобренной его давно разложившейся плотью. А потому в любом слове поперек, сказанном ему дома ли, на улице, на базаре или на базе, которую охранял, представляя, будто это очередная его ночная вылазка, ему чудился окрик: «Хальт! Хенде хох, рус Фаддей! Байдес, байдес!»[1]

Но хрен вам! Он не отходчивый «рус Фаддей», он злопамятный еврей Фаддей, чье имя хоть и переводится с древнееврейского как «похвала», но который в одобрении вашем не нуждается, а в ответ на «Хенде хох!» мечет нож.

Что?! Нечем метать, правой руки нету?! Тогда получите мат из луженой глотки!

Гройс, стало быть, если именовать его уважительно – не просто Саша, а Александр Фаддеевич, а потому не то чтобы чтит, но, по крайности, не отвергает роман «Разгром» своего почти тезки Александра Фадеева; с названием всеобъемлющим, ибо слова гром-разгром-погром рифмуются идеально; последнюю фразу которого: «Нужно было жить и исполнять свои обязанности» Гройс превратил в заповедь. Достойную занять место на скрижалях Завета: «Исполняй свои обязанности **до** грома-разгрома-погрома, **во время** грома-разгрома-погрома и, если уцелеешь, то **после него**».

Долго искал обязанности, которые исполнять бы хотелось, то есть вне набора, предлагаемого детскими садами, школами, вузами, профсоюзами, партийными органами и разрешенными ими конфессиями. И рассуждал логически: «Каждый человек обязан делать что-то лучше всех живущих.Так в чем это «что-то» для меня? В шахматах? – смешно! Выше нынешнего уровня кандидата в мастера мне не подняться. В математике? – еще смешнее, коль скоро живы, слава Богу, Владимир Арнольд и Лоран Шварц! Нет, надо найти нечто такое, на что и претендовать-то никто не захочет…».

И, достойный автор «одиннадцатой заповеди», нашел это «нечто» там, куда никто никогда не заглядывал: натренировался сказочно быстро решать в уме уравнения второй степени, причем с дробными коэффициентами, причем над полем комплексных чисел, причем с извлечением квадратных корней с точностью до первого знака после запятой.

Он не поразил мир этим умением, не снискал славы – так ведь и не мечтал о ней!

---

[1]Записанное кириллицей немецкое «Стоять! Руки вверх, русский Фаддей! Обе, обе!»

Гройс возник в нашем институте, заняв не взывающую к высокому служению должность заведующего лабораторией вычислительной математики. Поясню: десятилетиями в помещении кафедры громоздились два больших сейфа с арифмометрами «Феникс» – на них группы будущих инженеров отрабатывали навыки приближенных вычислений – и одновременное функционирование двадцати пятитридцати железных чудищ превращало математику из тихого поиска истины в грохочущее производство ответа.

И наконец – ура! – «Фениксы» были заменены на калькуляторы, считавшиеся тогда сложными микроэлектронными устройствами, которые нельзя хранить прямо на кафедре, в торчащих у лаборантского стола сейфах. А потому оборудовали отдельную аудиторию с металлической дверью и решетками на окнах, в которой те же сейфы и разместили. Это нешумное хозяйство стало называться лабораторией вычислительной математики, при ней возник материально ответственный за сейфы и их содержимое Александр Гройс, а потом в его подчинении появились две работавшие посменно лаборантки, выдававшие калькуляторы под залог студенческих билетов или зачеток, но материально совершенно безответственные.

Однако негоже было им маячить там, где проводились лабораторные занятия по методам Гаусса, Адамса, Риччи, хорд, касательных – а потому к большой аудитории притулилась узенькая комнатка, в которую едва поместилмсь стол заведующего, стол лаборантки, канцелярский шкаф, набитый бумажным хламом, и вешалка, вжимавшаяся в угол, как приживалка. А не вжиматься, скособоченная, не могла, ибо, не поддерживаемая с двух сторон стенами, тут же грохалась оземь с висящим на ней Сашиным пальто. Если же на вешалке вместо тяжелого пальто висела легкая дубленка, то упав, она оказывалась на полу с картинно раскинутыми рукавами – и тогда казалось, будто рухнувшая навзничь возбужденная фемина пытается объять необъятное.

Эту дубленку носила лаборантка Оксана, любовница председателя одного из районных судов нашего миллионного города. Странно, что услада сердца столь заметного человека, успевшая, кстати, получить за годы услаждения заочное юридическое образование, не стала судьей в том же суде – но то была примета советской эпохи: мифы о пуританской скромности вождей обязывали вождишек к хотя бы показной строгости нравов. Однако именно за это я на тогдашнее время не в обиде (и Гройс, полагаю, тоже), поскольку Оксана была вполне компанейской (по части выпить) и неглупой (по части пофлиртовать) барышней.

А в какую стерву-судью могла бы она превратиться – Бог весть!

Познакомившись со «свежевыпеченным» завлабом, я сразу понял, что он обладает воспетым Львом Толстым умением обеспечивать бесперебойную работу чего-то, не надоедая этому «чему-то» своим излишним присутствием – другими словами, глаза Саша никому не мозолил, но и соскучиться по нему не успевали. В частых наших разговорах он блистал цитатами, афоризмами и парадоксами, а его умение решать в уме квадратные уравнения я не поленился проверить: вел вычисления на микрокалькуляторе, но Гройс назвал ответ раньше, чем тот появился у меня на дисплее.

… Лескова почитаю великим писателем, однако его Левшу всегда жалел – как и любого, чьи способности применимы лишь в чем-то бесполезном, будь то прилаживание к лапкам дурацкой механической блохи еще более дурацких подковок или решение в уме уравнений второй степени… Все так, однако выяснилось, что еврейско-финский ригорист Саша хитрее наивного русского умельца – он все же овладел и полезными навыками. Часто слыша от него, что на месте Родины он вдвое срезал бы себе, никчемушному, и без того нищенскую зарплату, мы однако не знали, что наш завлаб – еще и дворник в соседствующем с его домом детском садике. Что весною и летом уже в шесть утра он подметает дорожки, подбирает забытые панамки и игрушки, смывает с аляповато-сказочных домиков и уродливых ракет следы удовлетворения срочных детских надобностей.

Что зимой проклинает ночные снегопады, но в те же шесть утра убирает снег с дорожек, утаптывает площадки вокруг снеговиков и обновляет им носы принесенными из дома свежими морковками, не забывая позавтракать одной из них – слегка подмороженной и оттого еще более хрусткой.

Что благословляет затяжные дожди, делающие за дворника его нелегкую работу… но при всем при этом еще и занимается с учениками, постепенно становясь на редкость умелым репетитором.

Как Гройс понял, что именно такие обязанности есть те самые свои из «одиннадцатой заповеди», не знаю, но сейчас часто слышу истории о том, как успешно занимается он математикой и физикой с внуками тех, с кем занимался этими предметами десятилетия назад. Его бешеная востребованность зиждется на волшебном умении за два-три года сделать из безнадежно отстающих «почти отличников», а крепенькие ребятки и девчатки, пройдя его «обработку», блистают потом на олимпиадах и неформальных собеседованиях в Вышке, физтехе и МГУ.

Он бесконечно терпелив, он щедро хвалит даже тех, кто всего лишь не ошибается при умножении на единицу (похвалы, которые презирал скандалист Фаддей-отец, превратил в «гормоны роста» златоустый Фаддеевич-сын), короче говоря, Александр Гройс – это Песталоцци и Ян Амос Коменский наших дней.

В том-то и особенность нынешнего сбивчивого хода мировых часов (а бывал ли он когда-нибудь ритмичным?), что такие Гройсы получили возможность быть свободными хоть где-то: на клочочках меньше Касриловки[1], финской фермы или эстонской мызы… Впрочем, дадим слово ему самому.

– Рассуждая логически, – таков вечный запев его речей, – люди участвуют в так называемой общественно-политической жизни лишь затем, чтобы лизнуть или укусить жопу кого-то вышестоящего.

– Рассуждая логически, – так продолжает свои речи Гройс, – для Запада традиционно невозможно первое, для России – второе, и разница между желанием облизать властительную жопу и стремлением ее укусить есть единственное отличие авторитаризма от демократии.

– Тем не менее, я люблю Россию! – так завершает недозволенные речи Александр Гройс, не желающий ни лизать жопы, ни кусать их. – Хотя бы за то, что она не мешает мне в очередной раз перечитывать Тита Лукреция Кара и решать в уме квадратные уравнения.

Обратите внимание: о том, что жизнь его наполнена полезной работой, что «хлеб» его не чёрств (а берет он за академический час занятий едва ли не меньше всех в городе), – ни слова! И ведь это не из уничижения, а именно что из гордости!

И оттого еще, что Александр Гройс – гипертрофированный парадоксалист!

Пролог, часть вторая: Светлана Курбская во всей ее красе

Нет, пожалуй, все же не во всей, ибо красота Светланы Курбской, – очередной Сашиной лаборантки, появившейся в его жизни буквально через неделю после того, как им была написана пьеса «Падение индекса Доу-Джонса», – так вот, эта изумляющая красота настолько не зависела от освещения, времени года, времени суток, погоды, портновских, куаферских и визажистских изысков, что казалось, будто где-то – в подтексте, за кулисами, за кадром – есть ее обильный источник. Альтернатива, сформулированная Николаем Заболоцким, в этом случае утрачивала «или-или», и появлялось непривычное для России «и-и» – то есть были сосуд, совершенство коего замечалось сразу, и огонь, в нем мерцающий.

[1]Касриловка – еврейское местечко на Украине, в котором мучились, но радовались жизни многие герои Шолом-Алейхема.

Однако теплота от этого огня не ощущалась – так не был ли он бенгальским?

– Ни в коем случае! – разглагольствовал Гройс, сам не куривший, но любивший размять язык в том уголке коридора, где смолили кафедральные. – Ведь воспевая звезды, мы не сетуем на то, что они, пылающие, не согревают нас в мороз! Вот так же, любуясь Светланой, я понимаю: пламя бушует, но «не здесь». Яркость ее глаз родом из того далека, расстояние до которого измеряется десятками световых лет.

– Ты – задержавшийся в развитии юнец! – рубанул с плеча доцент, полный тезка самого невезучего из всех русских царей. – А взрослая жизнь гласит: любая баба, хоть с яркими глазами, хоть вообще безглазая, либо уже даёт кому-то, либо скоро даст именно мне!

В том, что доцент, которому в институте давно вручили если не право первой брачной ночи, то уж бессрочную лицензию на внесезонную охоту, считает Светлану своей законной добычей, Саша не сомневался. Но втайне надеялся, что та увернется и от одиночных выстрелов умелого охотника, и от его же веерного огня. И радовался, зная, что пока уворачивается – ведь «попадание» могло состояться только на холостяцкой квартире самого Гройса, ключ от которой всегда женатый и горько о том сожалеющий тезка царя уже целый месяц не просил…

А в конце концов хмуро поведал:

– Дала. Но по морде. Так что теперь атакуй ты, Керубино хренов! Вы с нею два сапога пара, авось спаритесь!

И, утешившись этим нехитрым каламбуром, отправился читать лекцию.

Поздоровался, но Курбская не ответила, и он понял, что не ощущаем ею ни как физическое тело, ни как начальственный голос.

Она сидела за столом у окна лаборантской и, оторвавшись от книги («Опять какой-нибудь роман, да еще и на английском» – понял Гройс), вглядывалась в просвет между двумя институтскими корпусами так, будто ждала появления чего-то очень важного.

То был очень узкий просвет, но он все же позволял «вклеить в кадр» трамвайную остановку, отчего ожидание не казалось таким уж безнадежным – и когда два сцепленных вагона, наконец, подкатили, Светлана подалась к окну так, будто бросилась в один из них.

В первый, наверное, подальше от лаборантской, к которой была приписана, да и вообще от всего, не способного к движению…

Вагоны же, подхваченные благословенной силой электричества, укатили куда-то за кадр, к невидимому мосту, к другому берегу…вот и следующий трамвай тоже укатил без нее… а Гройс, наблюдая за этими «попытками бегства» куда-то, где жизнь, несомненно, иная, вот только рельсы по ней проложены все те же, думал, что сравнение Светланы с пылающей звездой было навеяно ему Космосом.

Что он, безусловно, найдет когда-нибудь более точное сравнение, но сейчас вдвойне обязан рассуждать логически, ибо в поле его зрения возникла женщина «не от мира сего». Потому обязан, что от такого возникновения и сам он стал «не от мира сего», а значит, замена прежней жизни-бездействия на новую жизнь-действие неизбежна.

И, повесив пальто на припавшую к одной из двух стен угла вешалку, Гройс приземлился не за свой «руководящий» стол, а подсел к лаборантскому. Машинально прочитал на обложке книги «To the Lighthouse»[1], и, положив свою руку вплотную к ее руке, будто бы устремился к тому самому маяку.

Но Светлана отодвинулась, приникнув к стене не хуже вешалки, и, сделай Саша еще одну попытку чем-то как-то соприкоснуться, она, несомненно, вспрыгнула бы на

[1]Вирджиния Вулф «На маяк» – один из самых выдающихся романов в мировой литературе.

подоконник. Однако никакого соприкосновения больше не случилось, ибо Саша понял: доцент, тезка царя, признанный стратег сексуальных агрессий, недоучел, что даже если Светлана – сапог, то он, Гройс, – валенок, а потому ей заведомо не пара.

Тут прозвучал вопрос:

– Если вы, Александр Фаддеевич, хотите сделать мне предложение, то нельзя ли обойтись без нелепых телодвижений?

Саша собрался ответить с обезоруживающей правдивостью, что предлагает в ближайшую субботу сходить в кино, потом посидеть где-нибудь, а потом поехать на пару часиков к нему. Нет, конечно, можно и на три часика, но она же все равно скажет, что слишком поздно, и ее матери и дочери пора укладываться спать; есть, правда, вариант заполучить этот несчастный третий час за счет отмены кино, но ведь фильм, каким бы убогим он ни оказался, даст благодатную тему для разговора в кафе или в ресторане, а о чем с нею говорить без темы, подаренной самым массовым из искусств, он не знает, ибо за три месяца совместной работы ни на одну его шуточку, ни на один парадокс она не хихикнула и даже не улыбнулась; конечно, рассуждая логически, можно не тратить время на кафе или ресторан, но тогда придется готовить ужин самому, при этом тема для беседы появится неисчерпаемая: пересолил? переперчил? перетомил на огне или в маринаде? однако если его стряпня ей не понравится, то его же старания в постели не понравятся после этого вдвойне…

И не успел, по вечной медлительности своей, сказать ни слова, она опередила:

– Я имею в виду предложение руки и сердца.

Конечно, особо азартные особы – из тех, кого раньше называли «огонь девка», а ныне переименовали в «зажигалок», постреливали в Гройса глазками и подрагивали рядом с ним попками, то есть экспериментировали, снедаемые любопытством: неужели возможно и эту флегму раскочегарить, и этот сухарь разжевать? Убеждались, что да, можно. Раскочегаривали, разжевывали… и выплевывали. И Гройс на них не обижался, поскольку понимал, как бесит их то, что словоизвержение после оргазма доставляет ему удовольствие едва ли не большее, нежели не-слово-извержение во время оного.

А потому, услышав **такое**, воззрился на Курбскую потрясенно. Что это, она считает их пожизненный союз в принципе допустимым?! О, будь у него красивый баритон, он спел бы, как Онегин: «Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел…», однако ни баритона, ничего-то другого внешне красивого у него не было, а хорошие мозги – они внутри…

Поэтому не запел, а заговорил – правда, серьезнее, чем обычно.

– Света, долгое время мы с матерью думали, что странности отца – из-за его инвалидности. Но лет десять назад попался умный врач, который предположил, что все отцовские подвиги и ордена не только оттого, что он – прирожденный человек войны; что потеря руки наложилась на какие-то его наследственные шизоидные отклонения и усилила, удвоила в нем сталинскую страсть к тиранству, сталинскую неспособность жалеть и сочувствовать. Мама умерла год назад, а перед смертью рассказала, что он в первый же вечер знакомства ее фактически изнасиловал, прижав к какому-то забору и едва не придушив. Правда, наутро поволок в ЗАГС, что, впрочем, было еще большим насилием. В любви объяснился так: «Не скули и не дрейфь, со мной не пропадешь!» – и на этом его запас добрых слов для нее, для меня, да и вообще для всего человечества был исчерпан. Когда понял, что у нее рак, проворчал: «Сбегаешь?! Надоело мне борщи варить и жопу подтирать?» – и прощание с женой, с которой прожил пятьдесят лет, этим ограничилось. Нам с нею повезло, как кощунственно бы это ни звучало, что рука у него была одна, а то частенько бы нам быть битыми… В общем, после разговора с тем врачом провел я исследование и обнаружил, что подобная патология в отцовском роду встречалась довольно часто. Вот так… Ясно, что я – в мать. Но, рассуждая логически, не исключаю, что пока в

мать, что гены отца вдруг могут проявиться. А уж о детях мне и думать запрещено… Стало быть, предложение руки и сердца я вам никогда не сделаю. И никому не сделаю.

Не знал, что еще сказать, да и не понадобилось – заговорила она:

– Александр Фаддеевич, у меня не было больших надежд на мой прежний брак, и когда он выродился в абсолютную пошлость, я спокойно и без надрыва решила: чем так, лучше никак. Но знаю, что в нашем гипотетическом союзе вы были бы идеальным мужем, а я – идеальной женой. К несчастью, этот союз невозможен…и, как говорится: «Ну что же? Прикажете плакать? Нет так нет!»[1]. Спасибо за откровенность и честность, но так же честно предупреждаю, что вне брака отношений с мужчиной, даже с таким добрым и умным, как вы, для меня не существует. Если считаете, что после этого разговора работать нам вместе будет трудно, то готова уйти.

… – Символично, что ты вспомнила о рыжем Мотэле из Кишинева, – Гройс теперь почти шептал, – из города, в котором в начале века разгулялся гром-разгром-погром. Еще символичнее, что мы с тобой одинаково увешаны отлитыми из одиночества и неприкаянности веригами[2], что они одинаково тяжелы для нас обоих, а их позвякивание звучит в наших ушах одинаково тоскливо…

И хотя слова шелестели неразборчиво, она услышала все сказанное и поняла все недосказанное.

«Под каждой крышей свои мыши» – это, пожалуй, лучшее, что можно сказать о многообразии судеб, каждая из которых имеет оттенки, способные превратить «сюжеты для небольших рассказов» в захватывающие новеллы.

У отца Светланы Курбской, ведущего конструктора на предприятии, выпускавшем двигатели для третьих ступеней ракет-носителей, «мыши» попискивали о том, что родом он не из «простых крестьян», как излагал в анкетах, а является дальним потомком князя Андрея Курбского, некогда получившего от грозного русского царя проклятье, а от легкомысленного польского короля рыцарство и обширные земли на Волыни: много болот, еще больше лесов и мало угодий[3].

Мать Светы, технолог на том же секретном заводе, умоляла мужа о таком происхождении забыть, дабы люди из «первого отдела» правду о происхождении в его глазах ненароком бы не прочитали. Но ведь и самой нужно было изо всех сил стараться не слышать шуршания своих «мышей» и не помнить, что ее собственные родители, коих она в анкетах называла буровым мастером на бакинских нефтепромыслах и домохозяйкой, были из молокан[4] – в Закавказье это считается совершенно нормальным, а в бдительном Воронеже могло аукнуться.

Итак, осторожно помалкивая, семья жила в двухкомнатной «сталинке» на третьем этаже расположенного на тихой улице дома – одного из тех, по тем временам роскошных, что образовали разве что не обнесенный забором микрорайон почти «секретных» работников завода. В школе Светка-Света-Светлана слыла, как говорил в популярном фильме истекающий сладострастием актер Этуш, спортсменкой, комсомолкой, отличницей – но не «просто красавицей», а красавицей на уровне мифов и легенд. В общем, чудом из чудес она не только слыла, но и была!

[1] Иосиф Уткин «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исайе и комиссаре Блох».
[2] Вериги – цепи и кольца, которые носили на голом теле монахи-аскеты.
[3] Когда Иван IV начал безжалостно преследовать своих бывших друзей и соратников, реформаторов Алексея Адашева и дьяка Сильвестра, князь Андрей Михайлович Курбский, полководец изумляющей храбрости и мастерства, явленных им во время завоевания Казанского ханства и в битвах первого, счастливого этапа Ливонской войны, вынужден был бежать в Польшу. В письмах царю он гневно обличал его тиранство и жестокость, что и позволило некоторым историкам называть князя «первым русским диссидентом».
[4] Молокане – последователи одного из направлений так называемого духоборства (духовного христианства). В Российской империи были отнесены к «особенно вредным ересям», преследовались, и в первой половине XIX века началось их массовое переселение в Закавказье. Название направления связано, по-видимому, с тем, что его последователям разрешено пить молоко и в дни постов.

И родители, ослепленные дочерью, перед самым выпускным, – словно бес их попутал! – рассказали ей, что чудесность ее есть результат удачного смешения кровей Рюриковичей, польских магнатов, русских духоборов и неведомых им красавцев-азербайджанцев…

Что ж, если они хотели, чтобы у дочери изменились и крыша, и мыши, и судьба; если они намеревались, как сейчас говорится, вынести ей мозг, то это вполне удалось: прежний, наполненный советской фальшью, был взрывом самосознания вынесен, а вместо него появился другой, собранный из стойкого неприятия тиранства (спасибо вам, князь Андрей Михайлович!) и внешне незаметного, но упорного отвращения к власти любых иерархов – хоть комсомольско-коммунистических, хоть церковных (а за это поклон предкам духоборам!).

Первым следствием чего был категорический отказ, хотя платье уже было сшито и босоножки куплены, пойти на выпускной, где ей должны были под дружные и чуть завистливые аплодисменты вручить золотую медаль. И аргумент был таков: «Противно пить, когда не хочется, есть, что не хочется, танцевать, с кем не хочется. Давайте лучше проведем эти дни на природе».

И с той самой минуты, относясь снисходительно к людским грешкам типа лжи во спасение, алкоголя ради забытья, адюльтеров от пустоты бытия и курения за компанию, для себя все это исключила. И это не был постриг – просто решила, что noblesse, действительно, oblige[1], стало быть, допустимое для быка недопустимо для Юпитера.

На турбазу, куда они трое приехали, а точнее, под благовидным предлогом сбежали от выпускного, вскоре примчался и Олег, сын главного конструктора ракетного завода. Окончив год назад ту же, что и Светлана, школу, он окончательно уверовал, что удался в мать и способностей к чему-либо логичному и точному у него нет. Зато склонности мчать, глиссируя, по водам комсомольско-партийной болтовни – хоть отбавляй, а потому поступил не в политех, о чем мечтал отец, а на истфак университета.

Ухаживать он умел, и там же на турбазе Светлана согласилась выйти за него замуж. Но не то стало главным, что избранник не противен, не глуп и не беден, а то, что в «прежней», не наполненной аристократизма духа жизни она с ним уже целовалась и даже допустила один раз, чтобы все было. А потому noblesse, о котором узнала всего неделю как, обязывало если не к самопожертвованию, то хотя бы к компромиссу.

Родителей Светланы её выбор сделал счастливыми; родители Олега не протестовали – избранница, несомненно, хороша и сословно своя. Но два условия все же выдвинули: учиться невеста должна чему-то одновременно и светскому, и практичному – что? факультет романо-германской филологии? годится, иностранные знать полезно, коль скоро старчески безмозглые вожди перемёрли, и повеяло, наконец, очередным «liberte». И второе: не оставаться Курбской – слишком звучные фамилии хороши для прославленных первых: Королев, Гагарин, Леонов; «Чернорукова» же гораздо скромнее, но пригодно как раз для надежных вторых!

Во Дворце бракосочетаний она разрыдалась. Некоторые присутствующие умилились возвращению доброй традиции: как же девушке уход из отчего дома не оплакивать? – и только мать догадывалась, как разрывала сердце Светланы необходимость превратиться из Курбской в Чернорукову, потерять ощущение знатности рода и своего долга перед ним. Любви же, помогающей подобной ране зарубцеваться, не было – и чем горячее были поздравления, чем богаче подарки, тем сильнее ощущалась Светланой временность этого брака.

Однако поначалу все складывалось превосходно: двухкомнатная квартира в

[1]Noblesseoblige(франц.) – благородство (благородное происхождение) обязывает.

одном из все тех же домов, месяцы необременительной беременности, во время которой были с чарующей легкостью осилены два (!) курса РГФ, конечно, без привычных пятерок, но вполне достойно, – и вот она, дочка Варька, которая пищит и плачет так музыкально, что чудятся лучшие залы мира и дочь… за роялем? за дирижерским пультом? поющая «Casta Diva» лучше Марии Каллас (если это возможно)? – но какая разница, главное, что царящая и блистающая… ах, какая все же жалость, что не Курбская, а Чернорукова! А муж, Черноруков-младший, перешедший на заочный и уже глиссирующий в одном из райкомов комсомола, по-прежнему не противен и не глуп, вот только больше прежнего чужой, чуждый.

Еще три года минуло, комсомольцы уже вовсю заколачивали деньги, поставляя в страну компьютеры, оргтехнику и контрафактный коньяк «Наполеон», а Олег все глиссировал…И весной 1989-го, когда они, собравшись в кои-то веки в кино, проходили мимо здания, в котором областные наместники тщетно пытались сомкнуть пальцы, дабы власть не сыпалась из их пригоршней, как прокаленный солнцем песок, муж, залоснившись от самодовольства, сказал:

– Знала бы ты, скольких комсомолок здесь перетрахали!

– В том числе и при твоем участии? – холодно поинтересовалась она.

– Вот-вот! – взвился Олег ожидаемо… знала ведь, как такой ее тон его бесит. – Даже из ревности не спускаешься со своего пьедестала, торчишь на нем, как этот еврей-монголоид на своем! – и указал на памятник, традиционно водруженный перед традиционно помпезным зданием.

Она мысленно прочертила прямую в направлении, указываемом бронзовым вождем, и понеслась по ней, как невидимый самолет. Набрала высоту довольно быстро и увидела на вершине аристократического духа плакат: «Скоро опять станешь Курбской!» – свеженький такой плакат, гораздо более яркий, чем привычные и уже потускневшие «Слава КПСС!».

… То было время, когда всё провозглашаемое с трибун оборачивалось прямой своей противоположностью. «Ускорим развитие экономики!» – и та раз за разом получала несовместимые с жизнью раны; «Сохраним Советский Союз!» – и тот укладывался в гроб с пугающей мир поспешностью. Зато обещание, данное плакатом Светлане, выполнилось в точности: ранним летом того же года, вернувшись с дачи не семичасовой, а пятичасовой электричкой, она обнаружила мужа в постели с комсомолкой невысокого, прямо скажем, пошиба. «Уровень райкома! Все, что получше, разбирают обком и горком», – подумала мельком, а вслух сказала:

– Продолжайте, продолжайте! Не буду вам мешать.

И принялась собирать вещи. Варькины и свои.

С того дня видела Чернорукова-младшего всего один раз – в суде, где их развели, а ей позволили обрести прежнюю фамилию. Зато в родительскую квартиру, куда она вернулась с Варькой, часто приходил Черноруков-старший. Деды – генеральный и ведущий конструкторы – отправлялись с внучкой гулять, радуясь ее баловству не меньше, чем безотказной работе третьих ступеней; потом сидели за рюмочкой и толковали-горевали о том, что ракетное двигателестроение хиреет. А когда окончательно захирела и страна, ведущий конструктор признался генеральному в княжеском своем происхождении.

– А! – прореагировал тот. – Теперь понятно, откуда в Светке твоей столько гонора. Нет, мы, Черноруковы, ей не ровня, ведь сколько раз жена меня на шашнях ловила, пару чашек-тарелок в морду запускала – и как не было ничего.

– А! – прокомментировал Курбский. – Теперь понятно, в кого твой Олег такой ходок… Но почему, кстати, алименты от него скудные?

– Потому что он – вечно нетрезвое ничтожество. Но не горюй, я уже для Варьки-Светки довольно много отложил. В валюте. Зря я, что ли, генеральный?

– Да и я кое-что успел, – ответил ведущий, – зря ты, что ли, премии мне не по чину выписывал?

… Но вскоре умерли, почти в один день, и в этом им повезло – не увидели, как завод, которому за третью ступень сам Гагарин после полета спасибо сказал, стал заурядным, а потом полудохлым.

А вот Светлане и матери ее пришлось тяжко, и хотя накопленная дедами валюта позволяла в нищету не свалиться, бедность стала привычной.

Еще через четыре года в какой-то пьяной разборке был до смерти забит Олег… казалось бы, мать его, потеряв мужа и сына, должна была бы сблизиться с Варькой, ее бабушкой и матерью – но нет, предпочла продать роскошную воронежскую квартиру, вполне достойный загородный коттедж и перебраться в Москву, к сестре, вдове одного из тех советских маршалов, кто воевал средненько, зато умел восторженно вспоминать о героизме Брежнева.

А Светлана, со своим никому не нужным дипломом РГФ и в провинции мало применимым оксфордским английским, устроилась работать под Сашино крыло, точнее, при Сашиной бескрылости.

Впрочем, кажущейся бескрылости, поскольку учеников у него становилось все больше… правда, в лаборатории появлялся все реже – да и кому они были нужны, его появления? Им, как ни странно, бурно радовалась только Оксана, изливавшая Гройсу свою изболевшуюся душу.

– Мой-то-о-о, – жаловалась она, почему-то раскачиваясь при этом, как еврей на молитве, – чем больше на взятках богатеет, тем мне с ним трудне-е-е! Раньше боялся меня людям показывать, а теперь, когда всем все по фиг, с женой развелся, и свобода моя тю-тю-ю-ю! У России ее появилось жри – не хочу, а у меня – дефицит, прикинь! Вот ведь дурой была, когда его пилила, что со мной нигде, кроме койки, не быва-а-ет! Царапало, видишь ли, что со своей законной везде таскается, но ведь и у меня самой была тогда возможность пошалить. Да хоть с тобо-о-о-й, если б приспичило-о-о! А теперь подыхаю от скуки на судейских-прокурорских тусовках, адвокатов на них не зовут, а они ребята-то суперские, было б с кем и язык почесать, и перемигнуться. И ревнив-то как стал козел мой старый, того и гляди, слежку за мной устано-о-о-вит! Но я ж умная, Гройс, я придумала пристроить Светку к какой-нибудь другой «вашей чести», чтоб ходить потом на те тусовки каждая со своим козлом, но вместе. – Тут ее причитания и качания закончились, и она зачастила, как профессиональная сводница. – Подговорила друга сердечного, подкатил он как бы случайно с одним бугром из областного суда, и повезли мы Светку домой, якобы по дороге. Бугор водителя отправил восвояси, сам сел за руль и подругу мою рядом усадил. Помолодел, прикинь, лет на десять: тачку ведет, как Шумахер грёбаный, Светке комплименты отвешивает, а она возьми, да и спроси: «Сколько вы за свою карьеру оправдательных приговоров вынесли?» Бедняга аж икнул от неожиданности: «Ни одного, – блеет, – а зачем?» «Ну, раз незачем, тогда остановите машину, я выйду!» И вышла. И пошла. Курточка старенькая, джинсы дешевенькие, на сапоги без слез не взглянешь, а все встречные мужики, на нее взглянув, спотыкаются. Не знают, дурни, что красоты у нее на миллион баксов, а бабского ума – ни на цент!»

В 95-м Гройс из института ушел, здраво рассудив, что маячить там за прежние скудные, а теперь еще и часто задерживаемые деньги незачем. Готов был пойти хоть чернорабочим на стройку, но вот что удивительно: чем быстрее из-под ног народа уплывала почва, тем сильнее он цеплялся за прежние мифы о неких знаниях, которые неведомо как, но чудодейственно вывезут, вытащат, спасут. И даже самый тупой криминал начинал верить: «бабки» работают только тогда, когда что-то «петришь», например, в области финансов и кредита.

В общем, не «Учиться, учиться и учиться!», как завещал Ленин, но «Знать, знать и знать!», как вколачивала жизнь.

Но что именно знать, кроме входящих в моду астрологии, хиромантии и черной магии? – и тут Гройсу, как ни странно, помогла бывшая советская школа. Эта покойница так успешно прививала ребятне почтительный страх перед математикой, что, изживая былые комплексы, все торгующие, ворующие, «кидающие» и «обувающие» жаждали научить своих деток и внуков этим клятым «иксам» и «игрекам».

Еще английскому – и Саша часто думал о том, какой бы славной обучающей парочкой они со Светланой стали бы…

Но какое там! Изредка сталкиваясь в лаборатории, они и смотреть друг на друга избегали, помня, как угнетающе безнадежны были их взаимные признания.

И он ушел из института, даже не попрощавшись…

Между прологом и эпилогом: общая крыша, общие мыши, общая судьба

Восьмидесятилетний орденоносец Фаддей Израилевич Гройс был избран габаем – старейшиной недавно отреставрированной синагоги. Вознесенный на эту вершину, он приравнял свой былой героизм к неукоснительности в соблюдении повелений и запрещений иудаизма, в результате чего каноны кашрута, шабата, Песаха и прочего обратили на себя всю его яростную категоричность. И если, орал он Саше, одни еврейки из «Хэсэда»[1] вычищают до блеска его квартиру, а другие хлопочут у плиты, то он, недостойный сын-полукровка, обязан, бросив никчемные свои дела, искать то, что считается кошерным.

Вот Саша и искал, унаследовав от матери ее желание «выскочить из окопа»– пусть просто из дома, пусть даже навстречу смерти, лишь бы прочь от разрывающих барабанные перепонки воплей.

Искал – и весной 2003 года, перебегая из гастронома в гастроном, был схвачен в объятья выпрыгнувшей из роскошного авто дамой.

– Ну, ты – тормоз, Гройс! – хохотала Оксана. – Это же я! Пять лет, как «мадам его честь»! Здорово экстерьер улучшила?!

Замечательно улучшила! – и Саша не отказал себе в удовольствии пообниматься с ароматной феминой, следя все же, чтобы его раздутые пакеты не касались ее светлого пальто. Но она, воздадим ей должное, на такую ерунду внимания не обращала: потряхивала бывшего своего начальничка и награждала его любовными тумаками холеных кулачков.

– Как же я по тебе соскучилась! Хороший ты человек, Гройс, таких больше не производят! И Светка хорошая, а ее я, прикинь, совпадение какое – позавчера видела! Полный аут у нее, Гройс! Варька на первом курсе хоро-дирижерского, семнадцать лет и семнадцатая неделя беременности. Еще и веселится при этом, дура такая: «Ты, мать, меня, непутёвую, от непутевого мужа в восемнадцать родила, и я в восемнадцать рожу. Но от хахаля, тоже непутевого. А мне надо классным хормейстером становиться, так что деться, мам, тебе некуда, придется с моим ребеночком помучиться, пока я творческих соков набираться буду». И вот что Светке в этом ауте делать, когда еще и мать ее стала прихварывать? С работы уходить? На одну материнскую пенсию четыре рта кормить? Заикнулась я, было, не надо ли ей сейчас чего подкинуть – так она меня ответным взглядом на конюшню отправила, голой спиной плетки отведать… Гройс, алё, куда намылился? Пойдем посидим, здесь ресторан «Лермонтов» рядом.

[1]Хэсэд (в переводе с древнееврейского «Милость») – система еврейских благотворительных организаций. В разных городах в названии участвует также имя какого-нибудь ветхозаветного персонажа, например, в Петербурге «Хэсэд Авраам», в Воронеже «Хэсэд Нехама» и т.д.

– К ней намылился, – сказал Гройс.
– Во дела! Так я ради такого тебя подвезу.
– Нет, – взмахнул Саша пакетом, тем, что полегче. – Я подъеду на трамвае.

Вышел на той остановке, что видна из окна лаборантской.

Не сомневался, что Светлана в него в эту секунду вглядывается неотрывно, и знал, что она сейчас спешно натягивает куртку и несется по лестнице с четвертого этажа.

Потому и задержался на ступеньках перед входом, чтобы успела.

Вышла, даже выскочила.

Ничего логичного в происходящем не было, сплошь гипертрофированность и смещение реальности – так что автор Саша, написавший когда-то подобного рода пьесу, вел себя, как её персонаж Саша: говорил одно, думал другое, а делал третье.

Говорил:

что, рассуждая логически, ей придется уйти с этой бессмысленной работы. Но устроиться на другую, серьезную – значит, дома бывать реже, сильно уставать и по сути бросить внука или внучку на свистушку Варьку и больную мать, а такая парочка – это фактически «произвол судьбы». Поэтому он считает себя обязанным ей помогать, ничего – и это необходимо усвоить накрепко! – не требуя взамен. Помощь выразится в ежемесячном пособии в семьсот долларов (при острой необходимости можно подкидывать и тысячу), но на какое-нибудь еще его участие в их жизни рассчитывать не стоит, поскольку он с утра до позднего вечера будет заниматься с учениками и рыскать по городу в поисках кошерных продуктов для старика отца, Фаддея Израилевича Гройса. Который – дай ему Бог здоровья! – бодр, энергичен и, по-видимому, хочет спровадить сына в лучший мир много раньше, чем сам туда соберется.

Думал:

что, рассуждая логически, ее красоту описать невозможно. Форма носа, разрез глаз, рисунок губ, овалы щек, линии шеи, дивные пропорции «телесно-плотско-влекущего» вместо дурацких «90-60-90» – все это может быть другим, но при этом она все равно останется как то, ради чего существуют нелепая страна, суетный мир и преходяще ликующий весенний день. Что в романе «На маяк» нет ни единого слова, уточняющего внешность миссис Рамзи, но все повествование – о красоте, которую она несет как **то**, ради чего выстроено мироздание… Потому и умирает так рано и неожиданно – ведь если **то** начнет увядать, то следом увянут цветы, невыносимый муж, трудолюбивая и недаровитая подруга художница, а также собаки всех пород, кошки всех мастей, рыбы всех расцветок и птицы всех высот полета… но миссис Рамзи уходит внезапно, красота ее исчезает, не успев поблекнуть, **то** просто перестает быть, а взамен просто начинают быть война, смерти детей, обветшалость дома и обрушение мироздания, в котором остается единственная прочность – маяк на острове, куда доставляют все же бутерброды с сыром и шерстяные носки, связанные миссис Рамзи еще тогда, когда слов «хрупкость» и «кратковременность» ни в чьём лексиконе не было.

Что написанное так и о таком не может быть прекрасно, но оно прекрасно.

Как не может быть прекрасна стоящая перед ним женщина тридцати пяти лет, измученная своею крышей, своими мышами и судьбой, в старенькой курточке, дешевых джинсах и сапогах, на которые без слез не глянешь – но она прекрасна…

И он нашел, наконец, образ того огня, что мерцает – нет, сейчас пылает в ее глазах.

Делал:

пытался еще раз устремиться на маяк, чтобы превратить жизнь-бездействие в жизнь-действие, и именно в этом она, не вмешиваясь в его словоизвержение и мыслебурление, ему помогла, спросив:

– Рассуждая логически, вы, Александр Фаддеевич, все же делаете мне предложение руки и сердца?

И он ответил:

– Рассуждая логически, да!

В ЗАГСе на вопрос, желает ли она взять фамилию мужа, Светлана ответила:

– Не взять, а присоединить. Хочу быть Курбской-Гройс.

Государева тетка пожала плечами и только было заговорила от имени Российской Федерации, но ее прервал Саша:

– Подождите! Рассуждая логически, я тоже имею право изменить фамилию! Обращаюсь в вашем милом лице ко всей Российской Федерации и прошу впредь именовать меня Гройс-Курбским.

Напросившаяся в свидетельницы Оксана заржала, губы Светланы благодарно приникли к Сашиным губам, а тетка возмутилась:

– Перестаньте целоваться, я еще не объявила вас мужем и женой!

– Ни фига, зачем переставать?! – возразила «мадам его честь». – Они и так почти четырнадцать лет откладывали это со дня на день!

Столкнувшись с Сашей месяца через два после его женитьбы, я обнаружил, что теперь-то пассионарности в нем явно выше нормы.

– Помнишь, – почти кричал (кричал!) он, – я утверждал, будто каждый из нас рождается для того, чтобы делать что-то лучше остальных, и для меня этим лучшим считалось умение быстро решать в уме квадратные уравнения?! Так вот, ничего подобного! Объясняю: Светлана Курбская, ставшая недавно Курбской-Гройс, уик-энды проводит у меня на двенадцатом этаже, горячая вода до которого редко поднималасьи при Советской власти, и еще реже поднимается теперь. Я, ставший недавно Гройс-Курбским, развожу кипяток в большом зеленом тазу и очень теплой водой поливаю жене голову из голубого ковшика – на срединный пробор, в точке глобального максимума, струей постоянной толщины. Что ты смеешься, дурак?! Дьявольски трудно, чтоб ты знал, терпеливо, ковшик за ковшиком, направлять в одну и ту же точку струю постоянной толщины! У Светы очень густые волосы, но она утверждает, что даже под душем ей не удавалось промывать их так хорошо, понял?! В общем, оказалось, что мое истинное предназначение – лить из голубого ковшика очень теплую воду на доверчиво склоненную женскую головку!

Странно вот что: существуя в основном по своим квартирам, с разными крышами и мышами, судьбу свою эта чудная пара делала все более общей!

Эта чудная пара: Светлана Курбская-Гройс, в тридцать шесть выглядевшая краше, чем в тридцать пять, а в сорок, чем в тридцать шесть, и Александр Гройс-Курбский, напрочь забывший о смолоду обретенной репутации всё понимающего старца, – еще раз подтвердила, что быть вместе гораздо важнее, чем быть рядом.

Варька выбор матери горячо одобрила, тут же стала называть новоявленного отчима «папа Саша», подсуетилась и еще до родов сменила фамилию Чернорукова на Курбская-Гройс. Родила в декабре 2003-го мальчишку, записала его Александром, после чего в мире, наряду с некрикливым Александром Гройс-Курбским, появился Александр Курбский-Гройс, орущий трубно.

В их «медовый год», с понедельника по пятницу каждой недели Светлана честно работала домохозяйкой и бабушкой. Можно даже сказать, отпахивала на совесть, однако в субботу утром целовала внука, дочь и мать с выраженьем на лице: «Свободна, наконец!» – и упархивала к мужу. Уму непостижимо, сколько дел на двенадцатом этаже успевала она переделать, пока он репетиторствовал, переходя-перебегая с одного урока на другой, и, возвращаясь домой, Саша восхищался: квартира блестит, все постирано, многое выглажено, а кухня – неиссякаемый источник ароматов.

Далее, пока в чайниках закипала вода, шел короткий обмен вчерашне-сегодняшними новостям (позавчерашние и более ранние обсуждались, – спасибо мобильникам, – с понедельника по четверг). Потом Саша разводил кипяток в ритуальном зеленом тазу, Светлана вручала мужу ритуальный голубой ковшик – и происходило то, что язык отказывается назвать «головомойкой», а клавиатура – «мытьем головы». Наитие же подсказывает, что творилось священнодействие.

Далее она мылась, а он еще раз кипятил воду, уже для себя; потом мылся он, а она сушила волосы и не просто «приводила себя в порядок», но опять же священнодействовала, пока он подвывал тихонько, мучаясь двумя видами голода.

Потом ужин, во время которого один из видов голода удовлетворялся полностью, зато другой становился непереносимо острым; а далее… но опустим занавес, негоже создавать впечатление, будто мы подглядывали!

… В воскресенье – неспешное пробуждение и неспешное погружение в то, за чем мы договорились не подглядывать. Потом испуганные возгласы:«Пора вставать, совсем с ума сошли!», но вместо того – потягивания, позёвывания и беседа – покуда накатившая потребность уединиться в туалете не вышвыривала их в жизнь грубее, чем вопль «Подъем!» в тюрьме или казарме. Но оказалось, что когда впереди свободные полдня и вечер, то жизнь, в которую вышвырнули, – это море, в которое, держась за руки, сиганули с мола, пирса или невысокой скалы. И поначалу оторопь от глубины, а потом вода становится дружелюбной помощницей во всем: хочешь плыть – плыви, хочешь нырять – ныряй, хочешь ничего не делать – так не делай ничего, поглядывая в небо и слегка шевеля конечностями…

Днем прогулка, если погода хороша; вечером театр или концерт, если обещают поразить чем-то, ради чего стоит пожертвовать милым их сердцам уединением – и как может такое воскресенье не воскресить для исполнения изматывающих обязанностей?

А следующий год, в начале которого умер отец Саши, стал, как ни дико это звучит, еще более медовым. Впрочем, нет ничего дикого в том, чтобы сказать вслед ушедшему «Спасибо» – вот и Гройс-Курбский мысленно поблагодарил отца за то, что не будет более донимать скандалами, и простил его за мать, не узнавшую подобное счастье до последнего своего вздоха.

Община просила, чтобы габая хоронили в строгом соответствии с ритуалом, но Саша возразил, что ортодоксом Фаддей Израилевич стал в последние десять лет жизни, а человеком войны был со времен своей полу-уголовной юности. И впервые за все время существования еврейского кладбища на нем прозвучал прощальный воинский салют, и Саше почудилось, что из закрытого гроба донеслось ответное позвякивание орденов и медалей – как будто отец глубоко вздохнул, удовлетворенный залпами, еще более громкими, нежели его вопли.

И этот гром повлек за собою не разгром-погром, а их противоположность: жизнь пошла-поехала еще бодрее и веселее. Освободилось время, которое Саша тратил на поиски кошерных продуктов и на какой-никакой уход за инвалидом войны, так и не смирившимся с тем, что наступил мир. Стало возможным набрать еще четырех учеников, но появился свободный вечер, который можно было проводить не под командные окрики отца, а в доме у Светланы, где Саша охотно играл с тезкой, любезничал с тещей и уговаривал падчерицу ценить не только хоры – объекты творческих устрем-

лений, но и хористов-хористок, эти объекты формирующих. Описывал участие хоров в античных спектаклях и мистериях так красочно, что Варька слушала, по-детски приоткрыв рот, и сердилась на мать, бабушку и сына, которых любила бы еще сильнее, догадайся они не отвлекать папу Сашу от рассуждений о самом для нее важном.

Во-вторых, Светлана организовала ремонт квартиры свекра, переселила в нее Сашу, его однокомнатную удачно продала и с гордостью князя Андрея Курбского продемонстрировала выписку из мужнина банковского счета. Но главное, на двухсуточное житье у Саши-старшего ей стало возможно брать с собою иногда Сашку-младшего, тем паче, что пацанёнок бывал от этого счастлив и, слушая разглагольствования деда, развивался гораздо быстрее, нежели от общения с косноязычными нянями.

А потом, уложив на ночь «мелкого» в спальне, подпирали дверь в большую комнату громоздким креслом, в котором (или прямо на полу) воплощались в семейное счастье лучшие страницы «Камасутры»…

И еще: в новую квартиру, на четвертый этаж, горячая вода поднималась – так что же, побоку зеленый таз, голубой ковшик и священнодействие? Э, нет! Вода добиралась до крана, изрядно потеряв в напоре, а потому таз и ковшик остались при деле, и лишь для чайников «вышло послабление».

Да и в последующие годы не было в браке Гройс-Курбский – Курбская-Гройс ни капли горечи, хотя медом жизнь зачастую не казалась. В 2007-м ненадолго слегла мать Светланы – и умерла, почти не причинив хлопот и сожалея лишь о том, что муж не успел порадоваться правнуку, и не довелось ей побывать в Алтыагаче, городке в Азербайджане, развившемся из села, основанного ее предками молоканами в тридцатые годы XIX века. «Там, говорят, красиво, – повторяла она Светлане, – розовые горы, розовое озеро, густой лес. А еще в Баку есть сквер, называется Молоканский… Ты обязательно должна это повидать, и Варя тоже, и Сашка, и Саша… Поклонитесь всему этому от меня».

И они, справив сорок дней, поехали – как раз в сентябре, когда погода в Азербайджане благословенна. Поклонились, восхитились, заехали ненадолго в Грузию, где тоже восхитились и где Варя, слушая хоры, рыдала и повторяла слова Баха о том, что такое пение – это коллективное общение с Богом…

А потом, в 2008-м, уже со слезами ярости, заявила матери и отчиму, что не желает жить в стране, которая осмелилась воевать с **так** поющим народом.

– Варенька, рассуждая логически, – вяло возразил Гройс, – в гитлеровской Германии осталось много великолепных оркестров, но ведь и мы, и союзники, не принимая это во внимание, громили ее нещадно.

– Не рассуждай так, Варя, – вступила Светлана, и впервые за дни, прожитые в браке, Саше показалось, что с ними говорит сам князь Курбский. – Оркестр, подчинившийся запрету на исполнение Чайковского, Малера, Равеля и прочей неарийской музыки, превращается в умеющий музицировать сброд, который надо громить наряду с прочим сбродом. Поезжай, доченька, о Сашке не беспокойся, вырастим.

– Конечно, – поспешно согласился Саша, – обнулим мой счет, накупим евро, первый год нужды знать не будешь, а там посмотрим…

Но долго «смотреть» не пришлось: Варька, с ее поначалу куцым, но быстро крепнущим немецким, почти сразу пристроилась на небольшую зарплату в детскую хоровую студию… а уже в самом конце декабря 2012-го прислала сыну и родителям ссылку на запись Рождественского вечера в знаменитом Кельнском соборе, где руководимые ею детский и мужской хоры исполняли «O, Tannenbaum» и «Stille Naght, heilige Naght»[1].

[1]Рождественские песни на немецком языке.

И Сашка целовал то бабушку, то деда Сашу, плакавших вместе с собравшимися в соборе, когда детские голоса, словно бы подброшенные ввысь басовыми вздохами мужского хора, зазвучали с раздирающей сердце нежностью.

Варька стала после этого европейской, а потом и мировой знаменитостью. Ее наперебой зазывали приглашенным хормейстером лучшие капеллы и оперные театры мира, благодаря ей вне России появились постановки «Бориса Годунова», «Хованщины» и лучших опер Римского-Корсакова с их мощными хоровыми фрагментами.

Звонила из самых разных «точек на глобусе», залетала на несколько дней в родной город, тараторила, как обожает маму и папу Сашу, утешала сына, что терпеть ему всего лет несколько, зато потом будет учиться хоть в Геттингене, хоть в Сорбонне – «только языки учи!»

Она щедро делилась заработанным, и Саша, в принципе, от половины, а то и больше учеников мог бы уже отказаться. Но разве можно не исполнять своих обязанностей, а жить результатами «исполнения обязанностей» приемной дочерью? Попрежнему, но теперь уже стильно одетый, ходил, а не ездил по ученикам. И не жевал на улице захваченный из дому бутерброд, а заглядывал в рестораны. Еда там, в сравнении со стряпней жены, была так себе, но съедал он все «подчистую», а потом, стесняясь своего несоответствия обстановке, оставлял по-купечески размашистые чаевые. И думал: «Я говорил ей когда-то, как тосклив звон наших вериг, отлитых из неприкаянности и одиночества. Зато теперь от нас исходит веселое звяканье колокольчиков, которые вешают на шеи швейцарских коров, выпуская их на зазеленевшие альпийские луга!»

И этот образ нравился ему гораздо больше всего афористичного и парадоксального, придуманного ранее.

Эпилог, часть первая: после грома-разгрома-погрома

Проклятым для них (и только ли для них?) оказался 2014 год. Во вторник 29 июля, ровно через сто лет после объявления императорской Россией всеобщей мобилизации, Светлана сообщила мужу, что у нее онкология.

Взяв полуторанедельную паузу в исполнении контракта, из Аргентины примчалась Варька.

– Вот и хорошо, что папа Саша тебя вызвал, – встретила ее мать, – сразу заберешь сына. И не надо предлагать мне лучшие клиники Германии, Израиля или Штатов. Дело даже не в том, что забросать будущую могилу купюрами не удавалось еще никому, а в том, что я с детства терпеть не могла убегать, зная, что меня все равно догонят. И ты, кстати, такая же, поэтому в «ловитки» никогда не играла. А ты, Саша, играл?

– Вот еще, – пробормотал Гройс, – ведь это требовало действия.

И Варька вскоре уехала, и Сашку увезла, благо, ничьего согласия испрашивать на это не требовалось – второй родитель в свидетельстве о его рождении зафиксирован не был, поскольку исчез бесследно.

Гройс-Курбский отказался от всех учеников и стал отменной сиделкой, хотя Светлана до последнего дня обихаживала себя сама – *канцер* к потомице рыцаря, князя Курбского, оказался по-рыцарски великодушен. Поэтому долго хватало таблеток кеторола, и лишь в последние три недели пришлось перейти на инъекции.

А Саша все это время любовался красотою жены – как костром, который перед тем, как исчезнуть, взмётывает столб пламени в непреклонно черное небо; как маяком, который особенно ярок в чудовищную бурю.

После похорон Варька встала перед Гройсом на колени.

– Папа Саша, я вела себя, как эгоистичная сука. Дай возможность искупить, поехали со мной! Мы с Сашкой пылинки с тебя сдувать будем… Хочешь, я тебе женой стану? Как мама…

– Нет, Варенька, «как мама» могла быть только мама. А не «как мама» – это для меня «никак». И не казни себя, мы исполняли свои обязанности **во время** грома-разгрома-погрома, а теперь, уцелевшие, будем исполнять **после**.

И исполняет вплоть до сегодняшнего дня. Летом недельки на две-три наезжают Варька с Сашкой. Живут в «сталинке», и продавать ее Варька категорически не хочет – как можно без гнезда, старого, но все равно родного? Гройса с собой больше не зовет, но, обнимая на прощанье в аэропорту, шепчет: «Ах, папа Саша, папа Саша, как же я маму понимаю, что ты для нее единственным стал…». Вернувшись домой, Саша разглядывает в зеркале свое ветшающее лицо и удивляется: «Вот **это** признавать единственным?! Рассуждая логически – сущее безумие!»

И приступает к исполнению обязанностей… вот только переход от бездействия к действию дается ему все труднее. Часто занимается не за деньги, которых скопил достаточно, а подобно нищим дореволюционным студентам – «за харч»; мамы учеников и учениц – как правило, те, что посимпатичнее и подомовитее, – кормят его обедом (все лучше, чем в ресторанах, хотя до Светланы всем им – как до небес) и, прощаясь, накладывают в контейнеры что-нибудь вкусненькое на ужин.

Так что к плите своей он теперь почти не подходит, разве что ради чая-кофе.

В одно из воскресений месяца за ним заезжает на своем «Лэнд Ровере» Оксана, и они отправляются в ее загородный коттедж. Там обедают, потом он усаживает давно уже перенесшего инсульт «его честь» в инвалидное кресло и везет на долгую прогулку. А Оксана идет рядом и тарахтит о всякой всячине, например:

– Телевизор стало смотреть невозможно. Такое впечатление, будто газы у всех у них проникают из брюха прямо в мозг и гортань! Раньше на экране были сплошные «говорящие головы», а теперь сплошняком – пердящие рты.

Гройс согласно кивает головой, но думает при этом о своем, например: «У нас есть министерство обороны, но тогда кто же ведает нашими многочисленными нападениями?»

И «его честь» думает о своем, например, о том, как донимают его порывы ветра с каплями дождя, однако он не позволит себе на эти пакости злиться. Ведь Верховный суд разъяснил, что у природы нет плохой погоды, и не учитывать его мнение – не процессуально. И спроси его тот зануда, что толкает сейчас коляску: «Все ли ваши приговоры были справедливы?», он ему ответит: «Они были безукоризненно процессуальны!»

… А на прощанье Оксана непременно говорит:

– Переселился бы ты, Гройс, в мою хату, бросил бы по ученикам таскаться и по Светке вздыхать. Не думай, мне от тебя не трах нужен, а чтоб было с кем поговорить по-человечески.

А он неизменно отвечает:

– Мне, милая,сейчас легче трах изобразить, чем говорить по-человечески!

Эпилог, часть вторая: «Где-то возле Огненной Земли…»

Эпилог – это как лестница, по которой спускаешься, готовясь – и одной из ее ступенек стало 22.02.2022. Это нарочито симметричное сочетание двоек и нулей ничего доброго не сулило, но именно в этот день семидесятилетний Саша вдруг решил, что в исполнение его обязанностей входит написание то ли повести, то ли пьесы, в которой имена героини и героя придумывать не придется, а ключевая глава будет посвящена близкому к Рождеству вечеру 2014 года.

Саша сказал тогда жене, что заметил, как она несколько раз морщилась от боли, и слышал, как попискивает – тише, впрочем, любой их общей мыши, а она, еще пытаясь быть легкой в общении, ответила, что гордится глазастостью и ушастостью мужа.

И ловкостью дочери, которая умудрилась пристроить несколько ампул с чудодейственным обезболивающим в декорации какого-то приехавшего в Москву на гастроли театра, – гордится тоже.

Но что, наверное, пора все же делать укол, поскольку боль, если честно, донимает черт-те как сильно.

И Саша подошел к туалетному столику, на котором горела лампа под синим абажуром, сменявшим обычный матовый плафон во дни и ночи чьих-нибудь болезней – он появился в их доме лет десять назад, когда жена вспомнила, что когда-то синий свет считался стойкой защитой от бактерий, микробов и вирусов.

Подошел – и принялся подготавливать инъекцию, приговаривая:

– Чуть-чуть потерпи – и часа четыре спокойного сна тебе обеспечены. А среди ночи встану и сделаю еще укол.

– У меня есть замечательная идея, – сказала Светлана тем своим тоном, который всегда побуждал искать истинный смысл произносимого. – Зачем нам просыпаться среди ночи – мне скулить, а тебе хлопотать? Вколи сейчас двойную дозу – и мне будет обеспечен долгий крепкий сон.

Саша, стараясь унять дрожь в руках, отложил в сторону шприц.

Повернулся к кровати:

– А мне что будет обеспечено?

– Спокойствие… Через некоторое время…

– Не на-а-до!!!

Это он прокричал – и куда делась его страсть к парадоксам, его вечное стремление облекать все обыденное в форму непременно «изячную», с виньеткой и упаковкой? И не принял он во внимание, что не бывает в жизни человеческой крика напраснее – неважно, к кому он обращен: к маме, врачу или Богу.

– Я тебя умоляю…

Откуда она взяла силы стать на миг предком своим, Андреем Михайловичем Курбским? Как смогла произнести «***Я тебя умоляю…***» на манер приказа, которым князь послал свежий полк в проем взорванной крепостной стены – и люди пошли, уповая на то, что защитникам города еще страшнее.

Пошли, веря, что во все будущие времена их будут поминать во всех, какие есть, церквях… но не в силах предугадать, что чаемое ими поминание сведется к разудалой песне пьяного монаха[1].

Или все не так? Или всего только на секунду поддался Саша той силе, что исходила когда-то от князя Курбского и сохранилась даже в отдаленных его потомках?

Может быть, отодвинул он подальше пятиграммовый шприц и взялся за десятиграммовый потому, что вспомнил, как в октябре 41-го, когда танковой и моторизованной дивизиям СС оставалось до Москвы полсуток не очень спешного хода, а дорогу им не преграждал никто, кроме трех тысяч плохо вооруженных и совсем еще «зеленых» подольских курсантов, на их не подготовленные для длительной обороны позиции приехал почерневший от понимания ужаса ситуации Жуков. И сказал: «Ребята, я вас умоляю, продержитесь хотя бы трое суток».

[1]«Как во городе было во Казани».. Пушкин в «Борисе Годунове» тактично привел лишь эти слова, но в одноименной опере Мусоргского исполненный пьяной удали монах Варлаам поет ее целиком. И действительно, в тексте о погибших нет ни слова – в нем, в основном, о том, как страдал Грозный, уязвленный упорством защищающих город «злых татар». Что-то это нам ныне, весною 2022 года, напоминает, не правда ли?

«И кто знает, – думал Саша, набирая жидкость из двух ампул, – может, не продержались бы они, и не была бы спасена Москва, если б известный своей крутостью генерал рявкнул бы привычное: «Приказываю!» Но он сказал: «Я вас умоляю», и вроде бы даже голос его тогда дрогнул».

А когда шел к кровати навстречу благодарной улыбке жены, то решил, что если она, получив двойную дозу сильного наркотика, вдруг испугается и скажет, что еще не хочет **так** засыпать, то ему не останется ничего иного, как сделать такой же укол себе и уснуть вместе с нею… Но она не испугалась, а только попросила:

– Ляг рядышком.

И когда он лег, придвинулась поближе, коснулась его холодной руки своею пылающей рукой и сказала:

– Ты когда-то обещал рассказать, какое сравнение для моих глаз придумал у входа в институт, в ту самую минуту, когда между нами все наконец решилось. Все недосуг было рассказать, да? Но теперь-то время пришло?

И он заговорил, как всегда, увлекаясь – ведь говорение сладостно, когда его слушает она или ныне далекая Варька, или уехавший с нею полгода назад Сашка… и какая жалость, что его никогда не слушали собравшиеся вместе все его любимые, включая несправедливо рано ушедших тещу и маму…

САША. Да, правда, пришло время рассказать, как 20 сентября 1819 года принаряженная работница табачной фабрики Лусия, известная всей Севилье красотой и буйной склонностью к любви и скандалам, явилась на берег Гвадалквивира, дабы помахать батистовым платочком вслед отплывающему в Бог знает какую даль линейному кораблю «Princessa».

Зрелище, – конечно же, отплытия, а не помахивания, – обещало быть из редких. Тем паче, что случайно оказавшийся рядом крепкого телосложения сеньор с навсегда обветренным лицом учтиво отрекомендовался бывшим моряком, тяжело раненным при Трафальгаре[1], и пояснил: торжество посвящено трехсотлетнему юбилею начала кругосветного плавания адмирала Фернана Магеллана, хоть и португальца, но именно Испании доставившего честь открытия шарообразности Земли.

– Чего-чего Земли? – не поняла Лусия.

– Шарообразности, – повторил бывший моряк. – Видите ли, превосходная моя сеньорита, Земля, по которой ступают ваши божественные ножки, кругла, как ваши же божественные щечки.

– Вот еще, – фыркнула Лусия, – если она так кругла, то почему мы по ней ходим, не падая?! Я, сеньор, – твердая в вере католичка, и ваши заслуги перед Испанией не помешают мне сообщить Святейшей инквизиции о только что услышанном святотатстве!

Но не отошла и не отвернулась, ибо невесть о чем толкующий бывший моряк выглядел как кабальеро, достойный любви. Много достойней, нежели имевшиеся у нее раньше «дружки»: один – дезертир и контрабандист, другой – неудачливый, спивающийся матадор.

– Так-так-так, – перебила его жена уже не таким надломленным голосом, а рука ее уже отдала Сашиной руке часть своего горячечного жара. – Ты, дорогой мой, украл у Мериме его историю?

– Как можно?! Это он, а потом еще и Бизе, надуманными цыганскими страстями, хабанерами и сегидильями всему миру голову заморочили. Мне ли не знать, как все происходило?! Ведь Лусия, чье имя переводится с испанского как «свет», – это была ты, Светлана, а моряк Алехандро с обветренным лицом – я!

[1]В битве близ мыса Трафальгар эскадра Нельсона разгромила не просто французский, а объединенный франко-испанский флот.

– Извращенец, – усмехнулась Светлана уже сквозь дрему, – не знала я, что ты все одиннадцать лет любил во мне севильскую шлюшку...

САША. Протестую! Вовсе она не шлюшка, а потенциально очень нравственная сеньорита! Просто жизнь ее до того дня так по-дурацки складывалась… Впрочем, моряку Алехандро на ее моральный облик было плевать, он под ее взглядами чувствовал, что земля – неважно, шарообразная или плоская, – швыряет его сбоку-набок и вверх-вниз, как волны у мыса Трафальгар.

Но – вопреки этой жестокой качке – все рассказывал, рассказывал, рассказывал…

Что в шарообразности Земли уже не сомневаются ни Его Святейшество папа, ни все кардиналы католического мира.

Что долгих два года Магеллан направлял свою эскадру вдоль восточного побережья Америки на юг, упорно на юг, веря, что есть пролив из Атлантического океана в другой, еще необъятнее.

Что боялся радоваться, когда удалось свернуть круто на запад, ибо не знал, не упрутся ли корабли в какие-то Сатаной подсунутые скалы. Но нет, на тридцать восьмой день они вышли на простор Великого океана.

Что и сам он, Алехандро, проплыл по извилистому проливу, названному именем славного адмирала, и свидетельствует: нет и не может быть мест мрачнее. И единственное там спасение от безумия – ночные огни слева по борту. Это, да будет превосходной сеньорите известно, костры, которые разжигают индейцы, но Магеллан счел их вырывающимися наружу языками вулканического пламени и решил, что этими спасительными маяками сам Господь направляет моряков во мраке беспросветных ночей. Потому-то сей архипелаг и назван Огненной Землей.

– И в ваших глазах, превосходная сеньорита, те же спасительные маяки…

И умолк, не зная, как закончить монолог…

Но за него это сделал гром пушек, салютующих линейному кораблю «Princessa», спускающемуся по Гвадалквивиру, дабы пуститься в великий путь эскадры Магеллана.

И этот гром не рифмовался с «разгром-погром», а звучал, как перезвон колоколов в честь будущего венчания Лусии и Алехандро…

Подумал, что Светлана его уже не слышит, но она вдруг спросила:

– Как ты думаешь, мы узнали друг друга с первого взгляда?

– Да, – ответил Саша, – рассуждая логически, так оно и есть.

Через полчаса, когда дыхание жены стало неслышным, Саша поднялся и включил верхний свет. Светлана чуть улыбалась, будто говоря: «Ты не очень-то горюй, ведь через сто семьдесят лет мы опять узнаем друг друга с первого взгляда!»

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

Выйди из тьмы

Битва света и тьмы – это на самом деле
борьба между глупостью и невежеством.
Свет не сражается – он просто светит.

Ветка в саду тебя робко коснётся – это я.
Женщина, мимо пройдя, улыбнётся – это я.
Солнечный луч скользнёт по стене – это я.
Дождик оставит слезу на окне – это я.
Чайка над бездной морской прокричит – это я.
Кто-то в соседскую дверь постучит – это я.
Вслед тебе ветер что-то шепнёт – это я.
За горизонт звезда соскользнёт – это я.
Запах сирени ворвётся сквозь вьюгу – это я.
Стая над крышами двинется к югу – это я.
Я – в каждом вдохе твоём и в улыбке,
В каждой победе и в каждой ошибке.
Буду землёй под твоими ногами,
Тенью невидимой за облаками,
Небом раскинусь над головой –
Я никогда не расстанусь с тобой.

*

Что есть Счастье?
Я Есть.
Что есть Любовь?
Я Есть.
Что есть Свет?
Я Есть.
Что есть Бог?
Я Есть.

*

Не я люблю – мною любят.
Не я свечу – мною светят.
Не я смотрю – мною смотрят.
Не я дарю – мною дарят.
Не я дышу – мною дышат.
Не я пишу – мною пишут.

*

Это не шрамы на моей израненной душе – то опознавательные знаки на карте моей звёздной судьбы, по которым я отыщу дорогу Домой.

*

– Что-то с жизнью моей не так.
– А ты уверен, что это твоя жизнь?
– Но я же в ней!..
– Если ты заберёшься в чужой дом, он же от этого не станет твоим.

*

Получив свои первые раны от родителей, человек уже просто не может остановиться, вновь и вновь взывая к миру о боли.

*

Каждое утро Я надеваю это тело и выдаю Себя за неё. А ночью сбрасываю его, чтобы вновь стать звездой и возвратиться на небо.

*

Выбирая между смертью и бессмертием, человек неизменно выбирает смерть, причём очень медленную, длиною в целую жизнь.

*

Я строю воздушные замки, прокладываю мосты между мирами и возвожу храмы из молитв и дворцы из разноцветных облаков. Земные сооружения временны. Мои строения – вечны.

*

Ты говоришь, что не веришь в Чудо?
А я говорю, что это оно в тебя не верит.

*

– Кто стучится в мою дверь?
– Это я, твоя Свобода.
– Чего ты хочешь?
– Хочу подарить тебе Вечность.
– А что потребуешь взамен?
– Твой страх.
– Страх?!
– Да, страх стать свободным.
– Но почему?
– Свобода и страх не уживаются вместе.
– Страх был моим верным спутником многие годы. Мы сроднились, стали с ним одним целым. А тебя я совсем не знаю. Не знаю, что с тобой делать, как обращаться. Страх защищал меня от мира. А ты… Сможешь ли ты меня защитить?
– Ты не будешь нуждаться в защите. Я дам тебе Силу, Мудрость, Любовь.
– Боюсь, в моём жилище слишком мало места для всех твоих даров. Проходи мимо, Свобода. Я не могу тебя впустить. Стучись в другие двери.

*

Человек! Ты сын Божий, а не раб! Но я обращаюсь к человеку, а не к животному в человечьем обличье.

*

Предмет нашей гордости всегда приближает нас к человеческому и удаляет от божественного.

*

Если ты не слышишь голос Земли и биение её сердца,
Если не видишь Истину в каждой травинке и в каждом камне,
Если ночами не летаешь над крышами, проникая в чужие сны,
Если не помнишь звёздный язык и разучился на нём говорить,
Если не чувствуешь, как свою, боль подстреленной птицы,
Если не переполнен любовью к миру и забыл дорогу Домой,
То с тобой, человек, в самом деле что-то не так!

*

Жизнь загадала мне загадку – у неё моё имя, моё тело, моя судьба. Я разгадываю её год за годом, но никак не в силах разгадать.

*

Кто-то скажет: «Каков я, таковы мои мысли и чувства!»
А я говорю: «Каковы твои мысли и чувства, таков ты!»
Имеющий уши – да услышит!

*

Человек! Почему тебе легче принять собственную глупость и заурядность, чем свою гениальность и неповторимость?

*

Человек! Почему Его дары становятся для тебя тяжким бременем? Не потому ли, что ты не способен распорядиться ими, а они распоряжаются тобой?

*

Люди! Единственное, в чём вы действительно можете соперничать друг с другом, так это в степени вашего невежества и в уровне вашего безумия. Всё остальное – суета сует…

*

Этот мир слишком мал, чтобы вместить все Его дары, вручённые мне при рождении.

*

Человек! Строительный материал, из которого создана твоя реальность, – это твои мысли и чувства.

*

Я покину Землю незаметно.
Сотру с зеркал свои лица,
Развею по ветру свои речи,
Отпущу на волю свои чувства,
Возвращу тишине свои мысли,
Отдам океану свои слёзы.
Я с собой заберу мою Вечность.
Я с собой заберу мою Память.
Я с собой заберу мой Закат.
А миру оставлю Свет.
А миру оставлю Тайну.
А миру оставлю Любовь.

*

Не ты выбираешь мысли – мысли выбирают тебя.
Не ты выбираешь чувства – чувства выбирают тебя.
Ты не властен над своими мыслями и чувствами –
Они имеют власть над тобой.

*

Я воздвигла стены из мыслей и слов и за ними скрылась от мира толпы.

Я осталась с собою один на один, но Безмолвие Пустоты настигло меня изнутри.

*

Я – Пустота.
Я – Ничто.
Я – путь в Никуда.
Я – бездна, разделяющая проявленное и непроявленное.
Я – граница между мирами.
Я – мост, соединяющий слово и безмолвие.
Я – сила, скрепляющая Творца и Творение.
Я – зримое и незримое.
Я – мёртвое и живое.
Я – тело и ум, душа и чувства.
Я – Свет и Тьма.
Я – вечность и мгновение.
Я – Источник Сущего.
Я – сама Любовь.

*

Человек! Ты предал самого себя. Ты позволил мыслям и чувствам завладеть твоим телом и совершать поступки, за которые расплачивается твоя душа.

*

Люди! Почему вы чаще призываете своих демонов, чем своих ангелов?!

*

Покидая этот мир навсегда, я крикну на всю Вселенную: «Жизнь только начинается!» А она отзовётся эхом: «Жизнь никогда не заканчивается!»

*

Никогда не поздно вернуться в детство, если не с багажом мудрости, то хотя бы с ношей ошибок и заблуждений.

*

Только камни умеют притворяться мёртвыми.
Только люди умеют притворяться живыми.
Только боги умеют притворяться камнями и людьми.

*

Некоторые ангелы научились притворяться, что у них нет крыльев, и выдают себя за людей. Они сами забыли о том, что они ангелы. Но я узнаю их по голосу души и по сиянию глаз.

*

Человек! Что ты заберёшь с собою в Вечность? Ведь всё, что ты имеешь, принадлежит твоему телу и уму, а их придётся оставить на Земле.

*

Тело твоё – либо могила, в которой погребена душа, либо храм, в котором пребывает святой дух.

*

Никогда не забывай о том, что ты живёшь под небом, наполненным звёздами. Но такое же звёздное небо ты носишь с собой.

*

Магия Слова такова, что доверенное бумаге, оно навсегда связывает Посылающего, передающего и принимающего.

*

Люди! Почему вы ищете свои половинки снаружи, а не внутри?

*

Другой не в силах наполнить тебя снаружи, если ты пуст внутри.

*

Ум так глупо устроен, что самые простые вещи – самые трудные для понимания.

*

Человек! Почему чем больше богатства ты собираешь, тем беднее становишься?

*

Самый короткий путь к Богу – внутри, а не снаружи.

*

Всегда происходит не то, что должно произойти, а то, что происходит. Чувствуешь разницу?

*

Самый правильный путь – всегда самый короткий. Но самый короткий путь – не всегда самый правильный.

*

Человек! Вера не облегчает твой путь и не спасает от глупости, но без веры нет пути, есть только глупость.

*

Мудрость не защищает от ошибок – она превращает их в знание и опыт.

*

Мудрость, скорее, родится от союза опыта и глупости, чем ума и логики. Второй союз либо бесплоден, либо производит на свет только мёртвые идеи.

*

Очень трудно притворяться мёртвой в окружении тех, кто только притворяется живыми, особенно если хочешь найти среди них действительно живых.

*

Я не тело в мёртвом пространстве, я – живое пространство в теле.

*

Нашу участь решает,
Судьбой управляет,
Жизнью играет,
Смерть приближает,
Приговор исполняет
Мёртвый хромой циферблат.

*

Только твоя собственная неразумность не позволяет тебе понять, что каждый атом в мире разумен.

*

Быть мстительным, злобным и жестоким может себе позволить лишь святой, но позволяет себе только мстительный, злобный и жестокий человек.

*

Человек! Твои ошибки могут иметь самые чудесные последствия, если ты перестанешь называть их ошибками.

*

Всё решает твоя реакция на фразу: «Мир держится на тебе».

*

Смысл скрывается только в непознанном. В познанном он раскрывается.

*

Научись дорожить тем, что нельзя увидеть, услышать и потрогать.

*

В твоих ошибках, промахах и поражениях мир нуждается ничуть не меньше, чем в твоих успехах, достижениях и победах.

*

Бог вещает не только через пророков и праведников.

*

То, что мы любим и ненавидим в других, всегда присутствует в нас самих, даже если мы не способны это увидеть.

*

То, что я считала карой небес, оказалось даром небесным. И причиной были не мои земные грехи, а моя сила духа. Эта сила заставила меня принять то, от чего иные отказались. Ведь страдание ради спасения другого – благословение, а не проклятье.

*

Я заглянула в зияющую рану в своей душе – и увидела сияющий свет Истины.

*

Человек! Ты научился благодарить мир за препятствия, которые он воздвигает на твоём пути, ведущем в пропасть?

*

Мир любит тебя настолько, насколько ты любишь себя сам.

*

Если женщина не становится ведьмой, то она остаётся извечной жертвой либо мужчины, либо социума, либо собственной глупости.

*

Небеса для нас – не конечный пункт назначения, а так же, как этот мир, – всего лишь перевалочный пункт в бесконечном странствии в Неведомое.

*

Человек! Ты ограничен своими мыслями, но это не самое худшее. Это вовсе не твои мысли, но и это не самое худшее. Это мысли невежд и идиотов, но даже это не самое худшее. Ты отказался от своей безграничности – вот что самое худшее.

*

Едва я помрачнела – и набежали тучи.
Я горестно вздохнула – и тут поднялся ветер.
Я залилась слезами – и сразу хлынул дождь.
Я зарыдала в голос – и гром загрохотал.
Я только успокоилась – и выглянуло солнце.
Я улыбнулась миру – и мир мне улыбнулся радугой с небес.

*

Человек! Если ты на Земле, то ты уже Избранный. Избранный Небесами. Вопрос только в одном – для чего. Но на него можешь ответить только ты.

*

Я вдыхаю Бога и выдыхаю Бога.
Я вдыхаю Жизнь и выдыхаю Жизнь.
Я вдыхаю Любовь и выдыхаю Любовь.
Я вдыхаю Свет и выдыхаю Свет.
Я вдыхаю Вечность и выдыхаю Вечность.
Миры проходят через меня, рождаясь и умирая.
Я точка, из которой всё исходит и в которой всё исчезает.
Да пребуду Я вовеки веков!
Да пребудет со Мной Мирозданье!

*

Не события вершат твою судьбу, а твоё отношение к ним.

*

Все дороги ведут к себе самому. Даже бездорожье.

*

Не переставай любить человека даже тогда, когда ты его ненавидишь.

*

Ты всегда на пути к Нему. Или есть место, где Его нет?

*

Мы все перейдём ту черту, за которой для нас уже не будет тайн. Очень немногие – при жизни. Остальные – после смерти. С кем ты, человек?

*

Ты уже вспомнил, зачем пришёл в этот мир? Что тебя в нём держит, кроме инстинкта выживания?

*

Скольких ты успел сделать счастливыми? А скольких несчастными?

*

Из боли, гнева и обиды ты можешь сотворить Любовь. А можешь Любовь превратить в боль, гнев и обиду. Ты великий алхимик, человек!

*

Мир небесный наполняет тебя Любовью изнутри. Но что ты выплёскиваешь наружу, в мир земной?

*

Одни выплёскивают наружу яд, другие – противоядие. Догадываешься, которых больше? А из каких ты, человек?

*

Все твои цели и смыслы – для тела, не для души. Сама душа есть смысл и цель.

*

Смысл, извлечённый из живой плоти пульсирующего сердца и переданный бумаге, подобен нарисованной птице, которая не способна ни петь, ни летать, ни продолжить род.

*

Мой путь не ведёт к храму – ведь я и есть храм.
Мой путь не лежит к Свету – ведь я и есть Свет.
Мой путь не направлен к Богу – ведь я и есть Бог.

*

Люди страшатся кары, не понимая, что уже покараны.
Люди страшатся безумия, не понимая, что уже безумны.
Люди страшатся нищеты, не понимая, что уже нищи.
Люди страшатся смерти, не понимая, что уже мертвы.

*

Тело – только инструмент для души. Хотя невежды убеждены в обратном.

*

Сказано: «Доброта спасёт мир. Красота спасёт мир. Любовь спасёт мир».

А я говорю: «Зачем спасать мир, который всему назначил цену – и доброте, и красоте, и любви?»

*

Как много говорящих! Как мало глаголющих…
Как много пишущих! Как мало писателей…
Как много именитых! Как мало имеющих…
Как много признанных! Как мало призванных…
Как много одариваемых! Как мало одарённых…
Как много творящих! Как мало творцов…
Как много пустых! Как мало наполненных…
Как много выдумок! Как мало откровений…
Как много подобного! Как мало истинного…
Как много ума! Как мало души…
Как много от скудости! Как мало от избытка…
Как много слов! Как мало смысла…

*

В сравнении со священным таинством ухода человека в Вечность, который буднично именуется «смерть», вся земная суета кажется ничтожной и незначительной. Но именно она является той величайшей божественной мистерией, которая буднично называется «жизнь».

*

У всех моих ошибок – моё имя.
У всех моих даров – моя плоть.
У всех моих побед – моя сила.
У всех моих потерь – моя боль.
У всех моих слов – моё дыхание.
У всех моих откровений – моя душа.

*

В жизни нет незначимого и незначительного. Каждый миг бесценен, полон смысла и одухотворён божественной музыкой вселенского оркестра, где любая фальшивая нота не остаётся незамеченной.

*

Счастье никогда не приходит в дом, где уже есть всё, кроме счастья. Оно живёт в домах, где нет ничего, кроме счастья.

*

Моё желание – это желание Бога.
Моё страдание – это моё страдание.
Моё побуждение – это побуждение Бога.
Моё заблуждение – это моё заблуждение.
Моё достижение – это достижение Бога.
Моё поражение – это моё поражение.

*

Человек! Ты либо мастер своей судьбы, либо жертва жизненных обстоятельств.

*

Люди! Вам не удастся заставить меня мыслить, чувствовать и реагировать по вашим правилам. Я уже смирилась с вашей слабостью и с вашим невежеством. Смиритесь же и вы с моей силой и с моим знанием.

*

Дух Истины в каждое сердце стучится,
Но не в каждое сердце способен вместиться.

*

Не мы приходим в этот мир, чтоб изменить его, – это мир входит в нас, чтоб изменились мы.

*

Мы ничего не должны этому миру, ведь мы отдаём ему всё, что имеем: чистоту, молодость, радость, красоту, жизнь. Он обирает нас до нитки и равнодушно передаёт в руки смерти.

*

Странные и удивительные существа люди! Они ищут снаружи то, что спрятано внутри. А самое удивительное, что некоторым из них даже удаётся найти искомое!

*

Если ты ещё не научился прощать всякого, кто причинил тебе зло, то ты пока всего лишь заготовка человека и тебе только предстоит им стать. А для того, чтобы, простив, оправдать и благословить виновника, тебе необходимо пробудить в себе бога.

Теперь ты понимаешь, почему Земля просто переполнена заготовками? Но стоит она всё же на человеках и держится на богах.

*

Как ты умудряешься потерять любовь, если её источник у тебя внутри?

*

Человек! Какие препятствия ты предпочитаешь преодолевать на пути к заветной цели – внешние или внутренние?

*

Что страшнее – зло, оснащённое знанием, или добро, вооружённое невежеством?

*

Когда ты в последний раз молился за чужого, как за своего? А за своего ты когда-нибудь молился? Как ты разделяешь людей на своих и чужих? И каких больше? Ты с меньшинством или с остальными? А мог бы ты отказаться от разделения? Что тебе мешает? А ты готов преодолеть эту помеху?

*

Может ли сравниться боль и страдания Иисуса, распятого на кресте, с болью и страданиями его матери, стоящей рядом?

*

– Что может сравниться с болью матери, потерявшей своё дитя?
– Боль Вселенской Матери, потерявшей целую планету своих детей, отрекшихся от Неё и ставших друг другу врагами.

*

Покидая этот мир, ты ничего не теряешь, если то, чем ты владел, было действительно твоим.

*

Всё уже давно случилось, и ничего нельзя изменить. Мы отыграли свои роли и покинули сцену, мы только делаем вид, что импровизируем жизнь.

*

Сердце – это единственный храм, в котором обитает Бог. Все остальные земные храмы населены богами, придуманными людьми.

*

На базаре мирском мы себя продаём,
За гроши, за бесценок свою жизнь раздаём.
По мгновенью года мы бросаем под ноги,
И уводят в безвестность нас земные дороги.

*

Мы теряем себя по годам и по жизням, а находим и собираем по мгновениям.

*

Человек! Знай себе цену! Но не в купюрах и не в словах, а во вселенных и в вечностях!

*

Любовь и творчество – это состояние души. Любить, как и творить, можно лишь в одиночку. Любовь вдвоём – не более чем слияние тел, а творчество вдвоём – всего лишь соединение умов.

*

О, погружённое в сон человечество! Сколько крови и слёз пролито вами в этом бесконечном сне! Немногие бодрствующие безуспешно пытались разбудить вас. Но вы продолжали спать, сражаясь во сне за добро и зло, калеча и убивая друг друга и там же, во сне, умирая поверженными и побеждёнными собственными сновидениями.

*

Если ты дошёл до конца Пути, значит, ты даже не ступал на него, ибо Путь никогда не заканчивается.

*

Если ты не сумел обрести Себя, то память – это всё, что у тебя осталось.

*

Звёздам не принадлежит небо – небу принадлежат звёзды.
Людям не принадлежит Земля – Земле принадлежат люди.
Но душе принадлежат и люди, и небо, и Земля.

*

Нельзя потерять то, что тебе не принадлежит. Но каждый день люди теряют время, теряют любовь, теряют жизнь.

*

Человек! Ты настолько слеп, глуп и невежественен, что называешь своей жизнью только краткий миг пребывания на Земле в тесной клетке физического тела.

*

Только Любовь – проявление истинной силы. Всё, что ей противостоит, – проявление слабости, выдаваемой за силу.

*

Не каждый представитель рода человеческого является сыном Божьим. Правда в том, что на планете больше слуг и рабов Божьих, чем Его детей.

*

Глупцы всегда ищут Любовь за пределами самих себя. И некоторым из них даже удаётся её отыскать и какое-то время порадоваться своей находке.

*

Принято считать, что не из-за чего на Земле не пролито так много крови и слёз, как из-за Любви.

А я утверждаю, что кровью и слезами пропитана Земля наша из-за гордыни человеческой, которую только выдавали за Любовь.

*

Твоё сердце – это обитель Божья. А ты бездумно вручаешь его карликам в обличье человечьем.

*

Ты и вправду думаешь, что тело и ум – это всё, что досталось тебе от Бога?

*

Я посылаю свои молитвы Богу Отцу, устремив взор в далёкие небеса, а откликается на них Богиня Мать, живущая в моём сердце.

*

Ложью насыщается ум.
Правдой утоляется сердце.
Истины жаждет Душа.

*

Судите меня не по тем законам, по которым живёте вы.
Судите по тем, по которым живу я.
Ваши законы – от человеков. Мои – от Богов.
Ваши законы – от права и от долга. Мои – от Любви и от Совести.
Ваши законы – от правды. Мои – от Истины.
Ваши законы – от разделения. Мои – от Единства.
Ваши законы – от времени. Мои – от Вечности.
Ваши законы изменятся. Мои – останутся.

*

Изменить мир можно только Любовью. Единственное, что мы действительно способны сделать для планеты, – это любить и благодарить за любовь.

*

Человек! Ты проживаешь две жизни: одну внешнюю, принадлежащую миру, другую, внутреннюю – лишь тебе одному. И только тебе решать, какая из этих двух – настоящая, а какая – не более чем её тень.

*

За восходом неотвратимо наступает закат. Но и за закатом неизбежно следует восход.

*

Сказано: «Красота спасёт мир».
А я говорю: «В мире слепцов красота бессильна и бесполезна».

*

Внутри тебя не хмурый день.
Внутри тебя не пасмурное небо.
Внутри тебя – не затмение солнца.
Внутри тебя – вечная ночь.
Сомневаешься?
Закрой глаза и убедись сам.

*

Есть ли у тебя что-то своё, если даже твоё тело тебе не принадлежит, если даже твои мысли тебе не принадлежат, если даже твоя планета тебе не принадлежит?

*

– На что ты тратишь свою жизнь?
– Я строю лестницу в небо.
– Зачем?
– Хочу вспыхнуть ещё одной звездой.
– Для чего?
– Не для чего, а почему. Чтобы не стать могильным камнем.

*

Память – это всё, что у нас есть. У неразумного большинства – это память о прошлом, у посвящённого меньшинства – о будущем.

Если ты не относишь себя ни к тем, ни к другим, отбрось и то, и другое и живи в настоящем – быть может, станешь тем, кто хранит память о вечном.

*

Сказано: «Человеку нужен человек».

А я говорю: «Человеку нужен только Он Сам, пребывающий в Вечности, за пределами времени и пространства. Всё остальное – игры его собственного разума».

*

Ты всегда получаешь не то, что заслуживаешь, а то, на что соглашаешься.

*

В моём мире слово, написанное или сказанное, вслух или мысленно, обладает силой творить реальность.

Человек! А что значит слово в твоём мире?

*

Если судьба каждого человека – всегда маленькая или большая трагедия, то почему тогда судьба человечества выглядит не как цепочка трагедий, а как одна большая человеческая комедия?

*

Человек взрослеет
Телом, разумом, душой.
Тело взрослеет годами.
Разум взрослеет жизнями.
Душа взрослеет вечностями.

*

Гнев и обида – состояния неразвитого сознания. Благодарность и смирение – признаки зрелой души.

*

Либо ты играешь с разумом в игру под названием «я – душа», либо он ведёт с тобой игру под названием «ты – тело».

В первом случае в финале игры ты обретаешь бессмертие, сохраняя власть над разумом. Во втором – ты теряешь всё, включая разум.

*

Ничто так не отпугивает счастье, как необходимость соответствовать чьим-то ожиданиям, в том числе и своим собственным.

*

Скромность и простота – господа таланта, но не его слуги.
Усердие и трудолюбие – спутники таланта, но не его господа.
Гордыня и высокомерие – палачи таланта, но не его спутники.

*

Человек! Ты думаешь, что твои чувства – это отклик на происходящее с тобой.
А я утверждаю, что происходящее с тобой – это отклик на твои чувства.

*

Мы страшимся высоких и сильных чувств. И этот парализующий страх делает нас мёртвыми и бесчувственными.

*

Избавься от всего ненужного в своей жизни, прежде чем жизнь избавится от тебя самого.

*

Существует три способа взаимодействия с миром: первый – ты принадлежишь миру, второй – мир принадлежит тебе, и третий – ты в мире, но не от мира сего. Первый способ – для слепцов, второй – для зрячих, третий – для святых и безумцев.

*

Человек! Никогда не отдавай последнее, если отдаёшь не из желания оказать помощь, а из желания получить благодарность.

*

Бог судит тебя не по тем поступкам, которые ты совершил, а по тем чувствам, которые толкнули тебя на эти поступки. Поступки – в ведении мира. Чувства – в ведении Духа.

*

– В этой битве ты на чьей стороне?
– Я там, где нет битвы.
Я там, где нет сторон.
Я там, где нет меня.
Там есть только Я.

*

Я тот, кто соединяет в себе
Небо и Землю,
Живое и тленное,
Дух и плоть,
Зверя и Бога,
Мгновенье и вечность,
Хаос и смысл,
Пустоту и наполненность,
Творца и творенье,
Тьму и Свет.
Я – Человек.

*

Признание собственного величия свидетельствует лишь о его отсутствии.

*

Одна строка, наполненная светом вдохновения, ценнее тысячи страниц, пропитанных потом усердия.

*

Есть люди, которые умеют читать. Есть люди, которые читают. И есть люди, которые способны читать.

Первые – это те, которые освоили чтение. Вторые – те, которые этим пользуются. А третьи – те немногие, которые читают за пределами слов.

*

Я утверждаю, что человек способен летать по воздуху, проникать через стены, ступать по воде и проходить сквозь огонь. И только страх перед собственным могуществом не позволяет ему это делать.

*

Человек! Я говорю: «Ты есть причина, способ и достижение».

А ты живёшь так, словно ты – начало, продолжение и конец.

*

Не ищи ничего за пределами слова, ибо слово по сути своей беспредельно.

*

Человек! Как можешь ты считать себя полноценным и завершённым твореньем, если сознанье твоё заперто на замок в клетке этого мира, а ключ безвозвратно потерян?

*

Ничто так не обнажает душу человека, как его отношение к книгам и к животным.

*

Для невежественных представителей рода человеческого потребность творить добро всегда оборачивается вынужденной необходимостью.

*

Когда Любовь уходит, она забирает с собой всё, хотя тот, кого она обобрала и покинула, замечает только физически осязаемую часть потери.

*

Человек! Знай: ты сам устанавливаешь пределы своим возможностям, чтобы спрятаться за ними от своей собственной пугающей беспредельности.

*

О, человек! Какими только ничтожными мыслями и никчемными делами ты ни заполняешь свою жизнь, лишь бы забыть о неотвратимости смерти!

*

Ты получаешь не то, что хочешь,
И не то, что заслуживаешь,
А то, чему соответствуешь
Мыслями,
Чувствами,
Словами,
Поступками.

*

В человеке всегда живёт кто-то второй – зверь или зверушка. Один из этой неразлучной пары рано или поздно непременно берёт верх, захватив власть над телом и сознанием. И не всегда этим захватчиком оказывается человек.

*

Человек! Ты бережёшь высокие слова для особого случая. Но ведь твоё пребывание здесь – тот самый Особый Случай!

*

Истинное взросление наступает тогда, когда взрослеет душа. Увы! Многие, дожив до глубокой старости, покидают этот мир духовными эмбрионами.

*

Печально, когда умирают тела. Но страшно, когда умирают души.
Особенно если тело ещё двигается, думает, рассуждает, а душа уже мертва.

*

Совсем неважно, воюешь ты с миром снаружи или внутри. Важно то, что ты участвуешь в войне.

*

Если твои страдания не привели тебя к Нему, то ты напрасно страдал.

*

Если ты не проложил к Нему путь при жизни, то как надеешься оказаться у Него после смерти?

*

Мы прячем друг от друга свою Вечность. Но иногда она прорывается к нам брошенным невзначай словом и ударяет в самое сердце, разбив ледяной панцирь страха и вспыхнув священным огнём Любви.

*

Люди пребывают во мраке до последнего вздоха, а за порогом смерти их потерянные для Вечности души, вырвавшись на свободу, зачарованно летят сквозь пространства и времена на манящий Свет, чтобы сгореть в нём, как глупые ночные мотыльки.

*

Тех, кого порождает Время, оно же и убивает. Но над бессмертными сынами Вечности оно не властно.

*

Чем лучше узнаёшь человеческую породу, тем больше хочется иметь дело не с людьми, а с их душами.

*

Эта планета – не первое, не последнее и не единственное место в Мирозданье, где ты ещё встретишься с каждым из тех, с кем тебя навечно связало и сотворённое добро, и причинённое зло.

*

Я знаю, это не Жизнь обернулась ко мне лицом – это я всегда стояла спиной к Жизни.

*

Люди покидают этот мир с неутолимой печалью в сердце, так и не получив ответов на мучающие их вопросы. Беда одних – в том, что они не ищут ответов в книгах. Беда других – в том, что они ищут ответы в книгах.

*

Я не принадлежу уму – ум принадлежит мне.
Любовь не принадлежит мне – я принадлежу Любви.
Сила не принадлежит мне, но и я не принадлежу силе.
Я свободна от силы.
Свобода – единственная сила, которой я подчиняюсь.

*

Жизнь так быстро заканчивается, что мы так и не успеваем вспомнить, зачем она началась.

*

Человек! Вступая в диалог с миром, помни: он ничего тебе не должен, это ты ему задолжал!

*

Чудо не нуждается в твоей вере в него – это ты нуждаешься и в вере, и в чуде.

*

Один нуждается в самом чуде,
Другой – в его объяснении,
Третий – в его разоблачении.
А чудо ни в ком не нуждается.
Оно проявляется или не проявляется.
И каждый получает то, что пожелает:
Один – чудо,
Другой – объяснение,
Третий – разоблачение.

*

Если ты нашёл смысл жизни, поделись им с миром. Он уже давно в нём нуждается.

*

Говоря «мой мир», человек подразумевает всего лишь собственную зону комфорта.

*

Сила и величие слова в том, что оно способно как осквернить тишину, так и наполнить её высочайшим смыслом. Но само слово наполняет собой тот, из чьих уст оно исходит.

*

Чтобы повлиять на ход пьесы под названием «жизнь», мы постоянно ищем смены внешних декораций. При этом внутренние – не меняются до самого финала, который бывает предрешён с первого момента нашего появления на сцене.

*

У меня есть спасение от любой потери.
У меня есть защита от любой напасти.
У меня есть укрытие от любой беды.
У меня есть утешение в любом горе.
У меня есть прощение за любую ошибку.
У меня есть награда за любую боль.
Что это? Любовь.

*

У этой Вселенной – имя моё,
Но не то, которое известно всем,
А то сокровенное, что знаю лишь я.
Эта Вселенная – моё воплощение.
В ней – мой источник, моё вдохновение
Она – мой Дух, к нему – возвращение.

*

Предавший, обидевший и оскорбивший тебя в ответе за свои деяния, но не за твои чувства.

*

– В чём смысл жизни?
– Не в чём, а в ком. В тебе, человек!

*

Твои мысли – это единственные тиски, которые держат тебя в рабстве у этого мира.

*

Красота спасёт мир. А что спасёт его обитателей?

*

Увы! Для абсолютного большинства представителей человеческого стада материального вполне достаточно, чтобы чувствовать себя людьми.

Но и духовного недостаточно, чтобы быть Человеком.

*

Осудить и одобрить меня волен всякий.
Однако понять меня может только равный.
А узнать меня способен только избранный.
И оценить меня в силах только посвящённый.
Но благословить меня вправе лишь любящий.

*

У Бога множество имён, и одно из них – твоё.

*

Если камни и деревья с тобой не разговаривают, это вовсе не означает, что они не умеют говорить. Это значит, что ты не способен их слышать.

*

Будь собой! Но прежде узнай, кто ты.

*

Что толку мечтать о дальних странах и капитанском мостике на корабле своей судьбы, плавая в луже?

*

Глубина, на которую ты можешь опуститься, не превышает глубину лужи, в которой ты барахтаешься.

*

Мне радостно, страшно и печально. Радостно за богов. Страшно за людей. Печально за животных.

*

Сказано: «Каждый в своём мире одинок».

А я говорю: «И это замечательно. Зачем мне в моём мире толпа идиотов? Ведь у мудрого есть свой собственный мир».

*

Свобода – это состояние души. Тело – в пожизненном рабстве у мира.

*

Ах, как мы заблуждаемся, думая, что наш мир рассчитан на вечность, а тело – на срок! Всё как раз наоборот. Но глупое тело, послушно следуя за умом, быстро стареет и умирает.

*

Человек! Твоя жизнь – это падение либо в бездну человеческой глупости, либо в пропасть человеческого ума. Подняться можно, лишь оттолкнувшись от всего человеческого и устремившись к божественному.

*

Я в наследство получила ум, талант и красоту, но моей жизнью всегда управляли те, кому достались только глупость и жадность. Ведь глупость и жадность – хозяева этого мира. Но я приобрела мудрость, а перед ней они бессильны.

*

Гомо сапиенс – это принадлежность к биологическому виду, но не к роду человеческому. Как же мало на планете среди экземпляров вида представителей рода!

*

Человек! Если животные для тебя только пища или угроза, то ты пока ещё сам животное, а не человек.

*

Колесо есть не только у фортуны, но и у злого рока. И крутишь его только ты сам.

*

Человек! Твоя смерть начинается при жизни. Твоя жизнь заканчивается, так и не начавшись. Ты семя, брошенное в Землю, которое не проросло и не стало колосом.

*

Ты никогда не потеряешь своё. Если это случилось, значит, прежде оно перестало быть твоим.

*

Люди! У каждого из вас есть право на вечность. Но вы пользуетесь только своим правом на смерть.

*

Человек начинает умирать тогда, когда ответов у него становится больше, чем вопросов.

*

Несовершенство одного из его обитателей делает несовершенным весь мир.

*

Некоторые несчастные глупцы считают, что просторы Вселенной начинаются за пределами их тела.

Некоторые счастливые безумцы утверждают, что просторы Вселенной умещаются в их сознании.

*

Зона комфорта – это зона смерти. А люди продолжают считать, что смерть начинается за пределами их зоны комфорта.

*

Оставленные мной следы непременно приведут тебя к Свету, но это будет мой Свет…

ТАМИЛЛА АХУНДОВА

Дом Марины

Памяти М. Цветаевой

Тот, кто ночью – поэт.
М. Цветаева

Стоит уютно старый дом
В Борисоглебском переулке.
Живет душа Марины в нем.
Шаги, пришедших к ней, не гулки.

Крыльцо его из-за угла
Идущий сразу замечает.
И к ночи спущенная мгла
К стенам его не приникает.

Вечерних окон теплый свет
Тем, кто постарше, сердце греет.
Рояля звук – ему в ответ
Проникновением робеет.

Лицо в «церковной тишине»
С портрета взором оживляет.
Строку, так памятную мне,
Забытой грустью наполняет.

Трагизм насыщен полнотой
Событий, в жизнь ее вошедших,
Любви дороги извитой,
В судьбе ответа не нашедшей.

Со скрытой болью рождены
Все доверительные строки.
В неволе чувств обретены,
Для наших душ – не одиноки.

Но не обыденная суть –
Раскрыть словами силу духа.
Понятной формы выбрать путь,
Не утомительный для слуха.

И, погружаясь в тайный мир
Поэта сломленных желаний,
Роднишь с собою свой кумир,
Приняв безудержность страданий!

Душа актрисы

Посвящается Шафиге Мамедовой

Талантом кто дарован свыше,
Кому в искусстве жить дано,
Избранник тот пусть зов услышит,
Исполнит то, что суждено.

Давно оставила ты сцену,
Хоть с нею счастлива была.
Но духа творческого смену
С щемящей болью приняла.

Тоскует зритель, вспоминая,
В каких ролях блистала ты.
Всегда и всюду узнавая
Его любимые черты.

Теперь загружена делами.
В них темперамент твой горит:
В идеях, мыслях, и ночами –
Без сна спокойного кипит.

Родным себя ты посвятила.
Прекрасно это – спору нет.
Но этим нас не удивила –
В твоей натуре сам ответ.

Ты – мать и верная супруга,
Студентам – лучший педагог.
А мне – душевная подруга –
Читаем вместе «между строк»...

Но все ж, в душе твоей – подмостки...
Кулисы... занавес... портал...
Оваций бурных отголоски...
И в ожиданье – полный зал!

Тень

На пустыре, за домом, на углу
Тень залегла, сгустившись, небольшая.
Прижавшись к постаревшему стволу,
Она под ним кручинилась, ветшая.

Когда-то он, «красавец», во весь рост
С зеленой кроной – рослый и могучий,
Держал в ветвях своих немало гнезд:
В них птичий щебет строил ряд созвучий.

Та тень «красавцу» жизнь берегла:
Корням, прохладой влагу сохраняла.
Листва над ней дышала и цвела.
Лишь отцветая, тень ту устилала.

В те времена, раскидываясь вширь,
Она под ним лежала, тихо млея.
Теперь стареть стал бывший богатырь:
Бросал другую тень, пред ней благоговея.

К зиме иссох он, ствол его прогнил.
Весной теперь листвой не покрывался.
Он тень свою на волю отпустил.
Сам, твердо стоя, гордо возвышался.

Худела тень, теряя много сил,
Испытывая страх уничтоженья.
Была в пыли – ей мир весь стал не мил,
Но не исчезла, укрепив смиренье.

Сквозь высохшие ветви брезжит свет…
Та тень, сквозь них прогалинами скрючась,
Похожа стала на сухой скелет,
Приняв исчезновенья горе-участь!

2021 год, ночь 31 декабря, день, утро 1 января

Эти…

Благодарю чужих и очень близких,
Тех, кто мне в след косой бросали взгляд.
За тот предел, который дал мне искру,
За тот урок, что стал теперь мне свят.

Благодарю непреданных, неверных
За долгие пустые вечера.
За тех, кто предпочел сидеть в тавернах,
За Я – теперь, а прошлое – вчера.

Благодарю и молодых, и старых
За неспособность искренне любить.
За безответность чувств и в долях малых –
За неуменье преданность ценить.

Благодарю юнцов, мужчин и женщин,
Тех, у кого пустой духовный мир.
За айсберг безразличья их, без трещин,
За их снобизм и знатности кумир.

Я их благодарю за те уроки,
Которые мне ныне помогли.
Дала я им пожизненные сроки,
Чтоб «эти» все из чувств моих ушли!

Молитва

Не дай, Господь, мне заболеть,
Когда не рядом друг!
Напрасно ждать его, радеть,
Надеяться на вдруг.

Не дай, Господь, уйти в тот миг,
Когда со мной чужой.
И не печален его лик
Грядущею бедой.

Не дай, Господь, в последний час
Вдруг с болью ощутить,
Что рядом был недобрый глаз,
Но надо всех простить.

Не дай, Господь, покинуть мир,
Когда совсем одна.
Поняв, – развенчан твой кумир
И верой ты бедна.

Дай силы мне унять мой дух,
Когда в смятенье он...
Молю, Господь, не будь же глух,
Придя в последний сон!

Времена года

Зима все снегом одевает.
Ночам он белизну дает.
Кусты, деревья покрывает,
На стеклах кружева плетет.

Метели, вихри на природе...
Огней не видно у дорог.
Скользит нога на гололеде,
Дыханье прячется в платок.

Все ждут конца зимы с надеждой –
Венца студеных, темных дней.
Так лень же, каждый день одеждой
Себя укутывать теплей.

Луч солнца глянет – все уж рады.
И ждут... Весны грядет пора.
Все ж нет прекраснее награды,
Чем отдых, сборы у костра!

Идет весна, мороз сгоняя.
Тепло и солнце – все цветет...
Но летний зной весну сменяя,
Струит жарой по телу пот.

Загар, песок, река иль море.
Твой отдых – он в кругу друзей.
С утра на пляже, вечер в сборе –
И время мчится веселей.

И вновь в мечтах таится осень:
Прохлада, легкий ветерок…
Но тут дожди, зонты все носим –
И все ж до ниточки промок.

Пора тревог, пора сомнений,
Пора сонливости с утра.
Ленивость прежних устремлений,
Опустошенности пора.

Скорей б зима уж наступила!
Морозный воздух чист и свеж.
Вновь снежным полем застелила
Мир светлых, радужных надежд!

Сон

Мне приснился зимний вечер…
синий лед…
Просто случай наша встреча
В Новый год.
Мы столкнулись и упали
на катке.
Задержал ты руку мне
в своей руке.

Снова сон: осенний вечер…
мы в саду…
Расставаясь, говоришь мне:
«Я приду…»
Ощутила я, не веря, –
не придешь…
Но была приятна мне
такая ложь.

Снится вновь: осенний вечер…
ты и я.
Наш малыш в коляске рядом…
мы – семья.
Жить без снов с тобой
Я больше не могу.
С верой в вещий сон
те встречи берегу.

#

В чудной сказке
Полюбила я тебя.
В снах с тобой
Теперь живет
мечта моя!

Рассвет туманный

28 мая 2021 г.

Жизнь без любви – рассвет туманный.
В нем мгла, не греет солнца луч.
Он предвещает день обманный,
Который чувством не кипуч.

И в этот мрачный день, ненастный,
Сплетает память в узелок
Печаль с тоской любви прекрасной,
Что прожила свой краткий срок.

Жизнь без любви – закат туманный.
Не умиляет лунный свет.
А ночь теперь, как гость незваный.
Не спит душа, храня тот след!

РАССКАЗЫ

Воздушные замки

А тот, других кто больше знает,
От знаний этих и страдает.

I

Еще несколько минут – и она увидит его! Какое счастье! Боже мой, как прекрасна жизнь! Впервые она полюбила!

Они встретились, как обычно, на квартире, которую снимал он. Маленькая, чистая, уютная квартира. Все для двоих...

Она смотрела на него. Как он красив! Как красив и добр, благороден и нежен. Как она любит его, а он любит ее. Она чувствовала его дыхание, он слегка дремал...

Она думала, думала...

«О чем ты мечтаешь?» – вдруг услышала она его голос.

«О тебе, только о тебе...»

«Но я рядом с тобой, о чем же мечтать!»

«Я все равно всегда мечтаю о тебе, даже если мы вместе...»

«Прости, но мне сегодня надо уйти пораньше, у меня очень важные дела», – не дослушав ее, произнес он.

«Да, да, конечно, – торопливо ответила она, – я понимаю».

Было около пяти часов вечера, была осень, и на улице смеркалось. Холодный, пронзительный ветер срывал одежду с прохожих. Начинался дождь...

Она посмотрела в окно. «Ты не промокнешь? – спросила она. – Если хочешь, возьми мой свитер, он мужской. Я люблю мужские свитера – у меня их много. Оставь его себе и не беспокойся, я не замерзну – у меня плащ, а ты в одном костюме...»

«Да не беспокойся, пожалуйста, так, – несколько раздраженно сказал он, – мне не холодно!»

Через минуту, надев пиджак и подойдя к ней, он сказал:

«Я, пожалуй, пойду, мне пора... Я позвоню...» – и, поцеловав ее в щеку, вышел из квартиры.

Она допила свой кофе, вымыла несколько тарелок и чашек, осмотрелась... Как здесь хорошо, как хорошо ей с ним...

Позвонив, она вызвала машину, которая должна была ждать ее через квартал. Ей не хотелось, чтобы водитель знал место, где она была. Надо было быстро добежать до следующего квартала и не намокнуть, а то шофер удивится и не поймет, почему его вызвали в другое место.

«Да Бог с ним, – подумала она, – пусть думает, что хочет, какая разница!»

И все же у нее было какое-то чувство неловкости. Она – такая солидная женщина, а он – молодой парнишка, и вдруг поймет, что она идет со свидания, нет, как-то неловко. Когда, сев в машину, она увидела удивленное выражение лица своего водителя, то, виновато улыбнувшись, сказала:

«Я перепутала адрес своей приятельницы, мы давно не виделись, а у нее дома я вообще не была сто лет...»

Он молча посмотрел на нее через зеркало, а она отвела глаза.

«Совсем не умею врать, и зачем надо было что-то объяснять ему. Как глупо!»

Машина подъехала к ее дому.

«Надо было заехать на работу», – подумала она, но поняла, что сегодня работать не сможет.

Она жила одна в большой квартире. Ей шел тридцать седьмой год. Родители умерли около десяти лет назад. Когда они были еще живы, дом ее был теплым и уютным. Они встречали ее всегда в хорошем настроении. Отец с матерью очень любили друг друга, и отношения у них были исключительные: полное согласие со всем.

Она была единственным ребенком. И все же ее никогда не баловали, а любовь и понимание всех ее поступков она чувствовала всегда. Очень редко бывает так, когда у родителей с детьми такие отношения. Оба они были научными сотрудниками, и любовь к науке передалась ей.

В юности она была достаточно привлекательной девушкой, и за ней пытались ухаживать многие, но слишком серьезный характер мешал ей, и она так и не стала встречаться ни с кем.

Она любила свою науку и была просто одер- жима ею. В двадцать семь лет защитила кандидатскую, в тридцать пять – докторскую. Теперь, будучи заместителем директора научно-исследовательского института, она должна была через неделю лететь в Париж на конференцию. Говорила по-французски она не так хорошо, как по-английски, и поэтому немного волновалась. Да еще нужно было не спать несколько ночей и лучше подготовиться к выступлению...

Ей нужно было думать о поездке, но она все время думала о нем.

За полгода знакомства она так определенно и не узнала, чем он занимается и где работает. Также она не знала ничего и о его личной жизни...

Конечно, он отвечал на ее вопросы, но уклончиво, отшучивался и намекал, что работает в каком-то засекреченном учреждении, живет один, не женат, что он – очень занятой человек. Однажды, когда она спросила, какой вуз он закончил, технический или гуманитарный, он показал ей диплом об окончании Политехнического института.

Ей нравилось, что он не болтлив, несколько скрытен (таким должен быть настоящий мужчина), и она считала его работу очень важной.

Его любовь к ней – настоящая любовь! И хотя он не говорил о женитьбе, но все его поведение и определенные фразы доказывали, что он любит и, конечно же, они будут вместе.

Она тоже не говорила ему о своей работе, так как думала, что ему может не нравиться ее ответственная должность. Да он особенно и не спрашивал ее о работе. Она знала, что мужчины не очень любят умных и деловых женщин; и поэтому боялась его разочаровывать.

Обычно они виделись один-два раза в неделю. В одну из ближайших встреч она собиралась сказать ему о поездке в Париж и вообще рассказать о себе, рассказать, что ей предлагают стать директором НИИ...

«Наверху» очень ценили ее знания, умение общаться с людьми, руководить ими. Она всегда умела находить общий язык с товарищами по работе. Да и с друзьями она была открытой и мягкой, и они тянулись к ней.

Она решила рассказать о себе все-все. Теперь, когда он стал ей родным, дорогим человеком, она не могла, не посоветовавшись с ним, принять жизненно важное решение.

«Да, она обязательно сделает так, как решит он. Если он будет недоволен, если он будет расстроен, а она только почувствует это, то откажется от предложения стать директором и даже уйдет со своей должности – замдиректора, перейдя на менее ответственную, чтобы уделять больше времени ему, заботиться о нем. Ей так хотелось, чтобы он был счастлив с ней».

Лежа в кровати, она снова и снова вспоминала, как увидела его впервые, как познакомилась с ним. Она улыбалась, вспоминая его слова, когда он заговорил с ней.

Это было весной. Она зашла в магазин и решила купить продукты сразу на неделю, чтобы больше не думать о покупках.

Он стоял у прилавка рядом с ней и вдруг сказал:

«Так почему же вы такая худенькая, если так много едите?»

«А, может быть, я покупаю на большую семью», – с виноватой улыбкой ответила она.

«Не думаю, – как-то очень мягко сказал он, – у вас такой одинокий вид».

«А вы, по-видимому, психолог, – заметила она. – Если так, то сразу можете все понять».

«Так, значит, я верно понял, тогда позвольте вам помочь и подвезти домой. У меня машина, и я точно знаю, что вы без сопровождения».

«Нет, нет, спасибо, я доберусь сама, мне здесь недалеко».

«Вы, что, собираетесь идти пешком с этими сумками? Я не позволю. А ну-ка, без капризов».

Стоящий за прилавком продавец, вдруг подключившись к их беседе, улыбнувшись, сказал:

«Да не беспокойтесь вы, мы все в этом магазине хорошо ее знаем».

А он, уже схватив ее покупки, шел к выходу. Она, даже не поняв, что происходит, как-то подчинившись его властной натуре, покорно пошла вслед за ним.

II

Выйдя из подъезда, он почувствовал, как холодный ветер хлестнул его по лицу. Подойдя к углу дома, где проезжали машины, он стал ловить такси...

...Раздражение все больше и больше охватывало его. Свою машину, когда они встречались, он никогда не брал, чтобы никто из знакомых случайно не увидел ее стоящей у дома, где вот уже много лет он снимал квартиру.

«Надо было дождаться, чтобы первой ушла она, и забрать у нее второй ключ, сделав вид, что потерял свой», – подумал он.

Да, он, конечно же, сглупил, не сделав этого сегодня, ведь тогда придется еще раз встретиться из-за ключа. Он окончательно решил больше не видеться с ней...

...Остановилось такси... Через пятнадцать минут он уже входил в подъезд своего дома. Дверь открыла молодая, красивая, полноватая женщина и тут же подбежали двое подростков, десяти и тринадцати лет. Он обнял их и спросил: «А где девочка?»

«Она сейчас у соседки, играет с ее дочкой, я позвоню, и она тут же придет. Целый день сегодня спрашивает, когда ты вернешься», – сказала женщина.

«Хорошо, хорошо, не волнуйся, пусть играет», – ответил он.

«Будешь есть – сегодня твой любимый обед?» – спросила жена.

«Да, конечно буду, я очень голоден, целый день ничего не ел, ты же знаешь, что я люблю есть только то, что готовишь ты», – мягко сказал он.

В квартире было очень чисто, уютно, светло. В столовой на буфете в вазах из богемского стекла стояли искусственные цветы, лежали фрукты. Огромная хрустальная люстра сверкала множеством огней. На мозаичном паркетном полу повсюду лежали ковры. Он сел в бархатное кресло у телевизора, включил его и потянулся. На огромном экране замелькали кадры какого-то американского боевика.

Сейчас уже не было ни раздражения, ни усталости, а лишь приятная слабость в мышцах... Он задремал...

На громкий звук телевизора он приоткрыл глаза и увидел на экране какую-то красивую женщину. Она напомнила ему о том, что по соседству живет молодая, очень привлекательная девушка. Она всегда поглядывала на него.

«Надо будет завтра подождать ее и подвезти, из нее вышла бы классная любовница», – пронеслось у него в голове.

И тут он снова вспомнил о ней! Той, с которой решил расстаться. «Ну зачем она нужна мне, что притягивало его к ней эти последние полгода?»

Было странное чувство, ранее испытанное им в молодости, когда он учился в институте: тогда его тянуло к общению со своими сокурсниками – отличниками, которые учились сами, без «поддержки родителей». Их заумные разговоры и интересы были непонятны ему и чужды, но что-то в этом было такое...

Он знал, что был очень даже неглуп от природы. А прочитав несколько книг известных авторов, таких как Ремарк, Хемингуэй, Цвейг, понял, как надо разговаривать и общаться с женщинами, и умело очаровывал их, будучи внешне интересным мужчиной.

Его отец, которым он гордился, всегда добивался своего и прилагал все усилия, чтобы сын походил на него. Отец всегда платил за все: за поступление в институт, за экзамены и зачеты, и даже за прогулы...

Да, погулять он любил, да и гулял он красиво, благо деньги отец давал на все, зная, что у сына никогда не появятся дурные пристрастия. И действительно: пил он умеренно, по ночам всегда возвращался в родительский дом и женился так, как посоветовал отец.

Он любил и уважал своих родителей: мать – добрую, милую, прекрасно ведущую хозяйство женщину, и отца, всегда умеющего трудиться, заслужившего большое уважение в кругу родных, друзей и на работе. Конечно, он, отец, не занимал ответственной должности и не имел научных званий, но прекрасно умел зарабатывать деньги, и делал это всегда так, что никто и никогда не упрекнул его в каких-то «темных» делах. В последнее время отец приватизировал огромный продуктовый магазин, где ранее многие годы был директором. Теперь все это хозяйство принадлежало их семье, а именно ему – единственному сыну. А отец, передав ему свои дела, ушел на заслуженный отдых.

Он знал, что будет во всем походить на отца.

III

Когда он увидел ее в магазине, то сразу же понял, что она одна из этих «интеллигенток».

Но... вечно грустное лицо, задумчива, молчалива!

«И среди «них» есть, наверное, разные. Видимо, она не так умна. Это, конечно, ничего. Зачем ему умная любовница, да и вообще – женщина не должна быть умной, но и не глупой до такой степени, что просто не о чем с ней говорить».

Вот как-то он заговорил о футболе, но она только кивала головой. Ну, да ладно, футбол не женское дело. А вот еще: принес два журнала с последними моделями одежды и новейшими драгоценностями, она и тут вяло среагировала – только из вежливости перелистала пару страниц...

Да как же женщину не интересует мода и украшения? Да, действительно, очень скучна и слишком задумчива. Но о чем же она все время думает, если ее ничего такое не интересует?

А как приятно бывало раньше на свиданиях с другими поболтать, покушать вместе, выпить...

Сколько раз он привозил полную сумку продуктов и напитков, но она ничего не ела. Только маслины и пила кофе. Один только раз выпила за весь вечер рюмку коньяка. А уж водку – ни за что... «Да, просто не понимает смысла его жизни – уж очень скучна!»

...Его мысли прервал мягкий, нежный голос жены: «Садись, дорогой мой, к столу, я уже накрыла и все положила, обед остывает».

«Как хорошо дома! Как я люблю свою семью, детей... Какая у меня чудесная жена. Она делает все, как моя мама, и даже внешне чем-то похожа не нее...»

Он был очень доволен своей жизнью.

Переодевшись в дорогой спортивный костюм, он сел к столу...

Раздался звонок мобильного телефона.

«Сейчас я приеду, только пообедаю и приеду, – сказал он и строгим голосом добавил, – ждите».

Через полчаса, перед выходом, оглядев себя в зеркале холла, он подумал, что ему идет его спортивный костюм. Не переодевшись, спустился вниз, сел в «Мерседес» последнего выпуска и отъехал.

В кабинет он вошел через дворовой вход собственного продуктового магазина. Работники, увидев его из зала магазина, засуетились. «Налить вам чай?»

«Нет, спасибо, я только что пил дома», – сказал он.

Через приоткрытую дверь своего кабинета он увидел, как к прилавку подошла стройная, молодая женщина в строгом костюме, одетая совсем не так, как теперь одеваются молодые.

«Как хороша собой, какая фигура... – подумал он, но тут же спохватился, – нет уж, хватит с меня этих «интеллигенток»...

Зашел его заместитель и, плотно прикрыв дверь за собой, передал ему пакет с выручкой.

«Сегодня хороший день, – сказал он, – вообще у нас, слава Богу, все как всегда хорошо».

«Да, сегодня, действительно, хороший день», – подумал он и, потянувшись, зевнул.

Эпилог

Она проснулась среди ночи: лил дождь. Что-то непонятное творилось в ее душе – чувство неопределенной тревоги и тоски сжимало ей сердце...

Она почувствовала, что подушка мокрая от слез. «Боже мой, почему я плачу, – подумала она.

– Но ведь все хорошо, так почему же такая тоска и боль...

Наверное, приснился дурной сон...»

Вечер на двоих

Не в суете повседневной
Смысл и сущность даны.
Тайны души и вселенной
Мы постигать рождены.

I

Сгущались сумерки. Была середина лета. Из-за жары на улицах было безлюдно.

Она шла по узкой улочке легкой, быстрой походкой. Дом ее был в нескольких кварталах. Чем ближе она подходила к нему, тем больше замедлялся ее шаг.

Неожиданно она почувствовала, как за грудиной появилось неприятное ощущение – больно сжалось и заныло сердце. В последнее время оно часто напоминало о себе.

«В сумочке есть лекарство, – подумала она, – но там всегда такой беспорядок, и в темноте я ничего не смогу в ней найти».

У нее было пристрастие к порядку, но только не в сумочке, в которой царил вечный хаос. Там лежали как бы совсем ненужные мелочи: бирюза, подаренная подругой на счастье, медальончик с ее знаком по гороскопу, засушенный цветок, который она сорвала в парке в далекой стране, но эти мелочи были дороги ей, как память о чув- ствах, которые взволновали ее когда-то.

«Не буду искать лекарство, все равно не найду, приму дома, – подумала она. – Может, я слишком быстро иду, еще эта жара, просто дышать нечем, потому себя плохо чувствую».

Она совершенно не переносила жару.

«Мой дом совсем близко. Скорее пойду домой... Домой?! Но я не хочу...»

Она замедлила шаг.

«Мне надо идти домой, но я не хочу, совсем не хочу домой...»

Мысли путались, но одна из них возвращалась все время.

«Неужели я, действительно, не хочу идти домой – я не люблю свой дом?» –

Она ужаснулась ей.

Нет, нет, она знала, что любит его, любит наводить в нем порядок, создавать уют, красиво расставлять вещи: переставляя мебель, каждый раз как бы оказывается в новой атмосфере, но в своем доме.

Как приятно потом вечером посидеть в уютном уголочке, устроившись в кресле, взять блокнот и записывать в нем свои мысли, чувства... стихи. В последние годы она стала писать стихи и рассказы. В эти минуты она жила полной жизнью, где грусть переплеталась с ощущением чего-то неопределенного. Это был мир ее мечтаний, желаний, мир неизведанного, прекрасного...

Нет, она любила свой дом... Но это было раньше, а теперь?.. В последние годы ее уже не радовали ни вещи, к которым она привыкла, ни уютные уголки с цветами...

Сейчас она просто знала, что должна идти домой. Если бы она могла пересилить, перебороть это чувство, чувство долга, глубоко коренящееся в ее натуре.

Когда-то несколько лет назад, будучи за границей, гуляя, она забрела в парк и, присев на скамейку, подумала:

«Я посижу здесь, а потом пойду, куда глаза глядят, и моя жизнь станет совсем другой – прекрасной, сказочной. А, может, она станет ужасной и случится что-то страшное...» – мелькнуло у нее. Но страха она не ощутила.

«Разве женщина может уйти из дома, бросить семью, детей, отречься от того, что ей предначертано природой: быть хозяйкой очага, матерью, любить своих близких, семью, любить?

Любить! как долго можно любить, не разочаровавшись?! Но такая любовь существует! Только где она существует?! В самом человеке, в природе... Она может существовать только в двух людях и только тогда, когда они оба способны глубоко, преданно и постоянно любить. Оба, но не один из двух... А если только один из двух, то он еще более одинок, чем те одинокие люди, у которых не было такой любви...»

Закололо сердце.

За поворотом был ее дом. Она вошла в подъезд. Лифт не работал, и ей пришлось пешком подниматься на восьмой этаж.

У двери своей квартиры она услышала знакомые звуки...

Вместе с ней в этом доме жила ее семья: ее муж и взрослые дети. Но их никогда не было дома. Каждый жил своей жизнью: в делах, разъездах, развлечениях... Может быть, вина в этом была и в ней, но она не чувствовала и не понимала этой вины, так как всегда очень старалась создать теплый семейный очаг... Но этот дом так и не стал им...

Дома, как всегда, никого не было. Но родные, любимые существа были рядом. Они так радовались ее приходу: кружились вокруг нее, отбегая и принося к ее ногам игрушки, виляли хвостиками, дергали за подол юбки, кусали сумочку, царапали туфли своими лапками, повизгивая от удовольствия. Она, наконец, вернулась к ним, пришла домой! Как они были счастливы!

Как могут быть счастливы животные и как не могут быть счастливы и довольны жизнью люди. Но почему? Ведь у людей есть разум, и они понимают все в тысячу раз лучше, чем животные. Многие люди чувствуют все очень сильно, умеют радоваться, умеют переживать, страдать, но любить? Любить верно и навсегда, как умеют любить животные. Может, людям мешает разум? Тогда зачем он им дан? Лучше б его не было, но они бы умели любить по-настоящему!..

II

Она села в кресло, стоящее в холле около телефона. Маленькие собачки тут же примостились рядом с ней: в эту минуту она остро ощутила свое одиночество. Ей вдруг так захотелось, чтобы в эту минуту рядом с ней оказался очень родной и близкий ей человек...

Очень хотелось пить...

«... Надо все же пойти выпить воды и лекарство», – тут она вспомнила, что еще не выпила его.

Было тихо, прохладно, работал кондиционер. Так не хотелось вставать с кресла и идти за водой в другой конец квартиры. Она откинулась в кресле и прикрыла глаза. Воспоминания нахлынули на нее...

Много лет назад ей нравился один человек. Он был умен, тактичен и хорошо понимал ее. Они часто разговаривали о работе, о пустяках, обо всем. У них было так много общих интересов. Им всегда не хватало времени: хотелось говорить, общаться еще и еще. И она видела, что, как и ей, ему было интересно и приятно с ней. Они говорили, смеялись, что-то обсуждали и снова смеялись. И в эти минуты на душе у нее было так легко и хорошо...

Потом он уехал по работе в другой город.

Она не видела его с тех пор, но часто думала о нем, вспоминая их беседы, его голос, его взгляд: когда он с нежностью смотрел на нее...

«Как давно это было! Где он теперь?!»

Ей очень захотелось, чтобы сейчас он оказался рядом с ней, захотелось увидеть его, услышать его мягкий голос...

Думая о нем, она почувствовала какую-то необычайную легкость во всем теле, исчезли чувство жжения за грудиной и боль в сердце. Стало вдруг так хорошо!

«И все же мне надо принять мое лекарство, – подумала она, но, может, позже: так не хочется вставать с кресла...»

Приятная слабость разлилась во всем теле...

III

Сегодня он решился. Да, он окончательно решил сказать ей... Сказать, что любит ее, любит очень давно: всю жизнь! С тех пор, как впервые увидел ее, как помнит каждое ее слово, каждый ее жест, ее глаза и волосы... Как всегда думал о ней...

Он расскажет ей, что год назад умерла его жена, взрослые дети давно живут за границей со своими семьями, но он не поехал к ним жить, несмотря на их уговоры. Скажет, что теперь он совершенно один: один в своем пустом доме. Он скажет, что всегда мечтал прожить с ней свою жизнь!

Нет! Он просто скажет ей, что любит ее и любил все эти годы, но не решался признаться, потому что она замужем, у нее семья – она не одна!

Но теперь все равно... надо признаться сегодня... сейчас...

Он снял трубку и позвонил ей...

Эпилог

В ее квартиру долго и упорно звонил телефон... Но там уже некому было снять трубку...

Э с с е

Ветер

Сильный ураганный ветер, который поднялся накануне вечером, бушевал на улицах города. Раскачивая плафоны уличных фонарей, дребезжа стеклами в раскрытых окнах, он разбивал их, разбрасывая осколки по мостовым. Вздымаясь, он раскручивал столбы пыли и песка в воздухе и сбрасывался с высоты на землю, кружа сухой листвой на асфальте.

Ветер рвал и метал!..

На какое-то мгновение, переводя дух, притомившись, он, заискивающе стелясь по земле, ласково обнимал ноги прячущихся от него людей, осторожно покалывая кожу песком... и тут же, новым порывом взлетал ввысь, стуча жестью на крышах домов.

С неистовостью он вновь обрушивался вниз, переворачивая и опрокидывая предметы, прижимаясь к стенам домов обрывками бумаг и мелкого мусора.

Норд играл и веселился, пугая завыванием одиноких прохожих, которые, прикрывшись шарфами и капюшонами курток и плащей, пытались, хоть на короткое время, укрыться от разбушевавшейся стихии в подъездах домов.

Обжигая лица, ветер песком хрустел на зубах, забивался в ноздри, слепил глаза и оседал на волосах. Проникая под одежду, Норд прилипал к влажным телам и, пресытившись, надувался парусом...

Опустевшие улицы мрачно обнажали тускло освещенные переулки с зияющими выбоинами и ямами...

Город

На склонах холмов, опоясывающих полуостров, просыпался город у моря.

Пронизывая светлеющую высь неба густым частоколом, теснились узкие станы новых высотных построек. Отгораживая лучи восходящего солнца, они накрывали своей тенью низину, в ложе которой расположился центр города, построенный в лучших традициях архитектуры начала прошлого столетия.

Соперничая великолепием фасадов, старинные здания классических форм, стиля «модерн» и других, примыкали один к другому, гармонично дополняя друг друга, составляя единый ансамбль.

Широкие улицы и проспекты центра, ответвляясь узкими улочками, извилистой лентой взбирались от подножия холмов, петляя между старыми приземистыми домами. Тяжело упирая землю массивной каменной кладкой, еще стойкие, но уже с неказисто-щербатыми стенами и покосившимися ветхими рамами, едва удерживающими тяжелые ставни, они покорно ожидали неизбежного разрушения, поочередно уступая новостройкам издавна пригретые места обитания.

Бронзовые и гранитные памятники в городских парках, скверах и на площадях, освещаясь бликами рассвета, ежеминутно меняющего их очертания, движением форм оживляли свое прошлое, создавая призрачное ощущение сказочной нереальности существующего, чтоб позднее: в ясном освещении дня, умиротворенно замерев, утвердить привычное величие.

Старинную крепость – историческое ядро города – с ее уникальными памятниками: храмами, дворцом, постоялым двором и иными шедеврами зодчества венчала «Девичья башня» – память периода зороастризма.

Погруженная в тяжкую обездвиженность легендарным прошлым – трагической гибелью юной влюбленной, бросившейся с ее высоты в морскую пучину от неразделенной любви, – она тоскливо протягивалась к морю, омывавшему когда-то ее основание, но покинувшему ее, отступив от берега.

Крепостная стена, оттеняясь серым асфальтом дороги, граничила с набережной, обнимающей полукругом морскую бухту, вдоль берега которой тянулись аллеи приморского бульвара.

Его вековые платаны, стройные сосны, великолепные лавры, раскидистые оливковые деревья и множество других растений, высаженных человеческой рукой, превращали бульвар в заповедник растительного мира.

На укромных скамейках, в пятнистой тени ветвей плакучих ив, склоненных над зеленовато-плеснеющей поверхностью прудов, зябко поеживаясь от утренней прохлады, прижимались влюбленные.

Легкий ветерок, теребя розовые лепестки олеандра, возбуждал их едва уловимый аромат, смешивая его с запахом моря.

Хрупкая предрассветная тишина спящего города то и дело разбивалась грохотом и бабаханьем мусорных баков, которые опрокидывали дворники в вызывающе ярко-желтых куртках, громко перекликаясь.

Бесцеремонно выставляя напоказ свою убогую значимость, они, по-хозяйски подбоченившись, небрежно сметали с пыльных тротуаров пустые коробки, окурки и другой мусор, безучастно отгоняя от стен домов уныло примостившихся бездомных собак и кошек, вздрагивающих от страха при каждом звуке.

Крадущийся туман, застилающий пустынные улицы легкой пеленой, постепенно исчезал, растворяясь в воздухе.

Лениво пробуждаясь от усталой дремы, одиночными звуками шуршащих по асфальту шин, город постепенно оживал, загораясь светом ламп в темных окнах, в ожидании людского потока.

Море

Плавно покачивая на поверхности застывших чаек, море накатывало волну на мягкий песок, жадно впитывающий ее солоноватую пену, и, просачиваясь вглубь, влажно поблескивало мелкой ракушкой.

Разливаясь по пустынному берегу, оно, отхлынув, увлекало за собой в тайные глубины бесчисленные песчинки и едва приметные живые моллюски, отчаянно цепляющиеся за ускользающее морское дно.

Умиротворенно стихая, море замирало, выдавая лишь трепещущей рябью бесконечное стремление насыщать неутолимую бездну набегающей на берег новой волной.

Бархатистая прибрежная насыпь возвышалась дюнами, в извилинах которых грудами, величаво опершись друг на друга, таились лоснящиеся валуны, лениво развалившиеся на песках.

Обреченные вечной нетленностью, они, растрескиваясь под лучами палящего солнца, рассыпались галькой среди засохших кустов, лишенных живительной влаги, вдали от морского прилива.

Легкий шелест прибоя загадочно нашептывал таинства жизни, бесконечно верша ее движение...

Тамилла Ахундова *– врач-психиатр, публицист, поэт, имеет музыкальное образование. Родилась в г. Баку, Азербайджан, в семье архитекторов, инженеров и врачей. По окончании медицинского вуза работала 30 лет врачом-психиатром, из них 18 лет преподавала в медицинском вузе на кафедре психиатрии. В последующие годы – заведующая отделением Клинической психиатрической больницы, далее главный врач той же больницы. Врач высшей категории. Имеет научные статьи в области медицины и психологии.*

Творческая деятельность – с 1995 года. Литературный псевдоним «Сона».

Член Союза Писателей Азербайджана с 2002 г. Член Союза Писателей России с 2016 г. Член Союза Писателей Москвы с 2016 г. Лауреат литературных премий: «Знамя Азербайджана» и «Золотое перо» – 2015 г. «Поэт года» – 2016 г. Почетный член Союза журналистов. Возглавляет клуб «Арт-Ложа "Т"». На стихи автора написаны песни, романсы и т.д. Музыка к некоторым создана Тамиллой Ахундовой. За годы литературной деятельности были проведены творческие вечера:«9 лет Раздумий» – г. Баку – 2006 г. Азербайджанский Государственный Театр Музыкальной Комедии. Дом-музей М. Цветаевой – г. Москва – 2012 г. Музыкальная Академия – г. Баку – 2013 г. Бард - клуб «Гнездо Глухаря» – г. Москва – 2016 г. И в клубе «Арт Ложа "Т"» – г. Баку – неоднократно. Изданы книги: «Наедине» – 1998 г. «Свет и Мир Вам» – 2003 г. «Порой» – 2005 г. «Капель» – 2011 г. «Кабалетты» – 2021 г. В Энциклопедии «Женщины Азербайджана» – автобиография и деятельность Т. Ахундовой. Во многих периодических изданиях опубликованы статьи о творчестве Т. Ахундовой.

e-mail: tamilla.akhundova@gmail.com

НИЗАМИ МАМЕДОВ

Эссе профессора Низами Мамедова, постоянного автора нашего журнала,посвящено жизни и творчеству выдающегося философа,внесшего весомый вклад в развитие интеллектуальной культуры, общественной мысли Азербайджана в непростое советское время – академику Фирудину Касум оглу Кочарли. Фирудин-муаллим родился 28 декабря 1920 года в селе Исалы Гядабейского района. В 1939 году окончил Гянджинский педагогический техникум. С 1939 по 1945 год был учителем сельской школы. В 1950 году с отличием окончил отделение философии исторического факультета Азербайджанского государственного университета. С 1950 по 1953 год был аспирантом философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.С 1953 по1958 год был преподавателем Азербайджанского государственного университета.С 1958 года был заведующим сектором, с 1967 по 1985 год – директором Института философии и права АН Азербайджанской ССР. После ухода с должности директора до конца своей жизни работал в этом институте. Ушел из жизни Фирудин-муаллим 6 июня 2005 года.

ЯРКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Памяти академика Фирудина Касум оглу Кочарли

Философия – такая область знаний и человеческой деятельности, где личностный фактор имеет определяющее значение. Подлинный философ – это всегда неординарная личность.

В истории азербайджанской философии много выдающихся имен. Во второй половине XX века в эту когорту органично вошел Фирудин Кочарли. Он стал лидером азербайджанской философии, а его блестящие выступления в средствах массовой информации по различным вопросам культуры содействовали тому, что Фирудин-муаллим долгие годы ассоциировался в Азербайджане с образом мыслителя.

Получив философское образование в Баку и Москве, одаренный исследовательскими и организаторскими талантами, обладая незаурядной природной интуицией в понимании новых веяний в общественной мысли, Фирудин-муаллим внес неоценимый вклад в развитие философии в Азербайджане. Руководя Сектором философии Академии наук, затем Институтом философии и права, он сделал все возможное для развертывания как историко-философских, так и новейших философских исследований в республике, для систематизации и подготовки к изданию многотомной истории философии Азербайджана. Пристальное внимание он уделял работам по социальной философии, философии политики и межнациональных отношений. Особо следует подчеркнуть его роль в формировании в Азербайджане плеяды высококвалифицированных кадров и в постановке исследований в области философских вопросов науки и техники.

Личные научные интересы Фирудин-муаллима были многогранны, но они всегда в той или иной форме оказывались связанными с историей и культурой Азербайджана. Это и всестороннее осмысление роли просветительства в истории страны, и выявление особенностей секуляризации различных форм общественного сознания, предпосылки и условия гармонизации межнациональных отношений и целый ряд других проблем философии. Особую ценность имеют его исследования о генезисе демократической мысли в Азербайджане, становлении и развитии философских

взглядов Мирзы Фатали Ахундова, Узеира Гаджибекова, Джалила Мамедкулизаде, Наримана Нариманова.

Сложность решаемых Фирудин-муаллимом задач становится понятной, если вспомнить, что еще в начале 50-х годов был закрыт философский факультет Азербайджанского государственного университета, поэтому философскими исследованиями профессионально могла заниматься ограниченная группа ученых почтенного возраста.

Фирудин-муаллим нашел тогда оригинальный выход, казалось бы, из безнадежного положения. Он, по существу, организовал непрерывную систему получения философского образования представителями Азербайджана посредством целевой аспирантуры в Москве. Ежегодно ему удавалось посылать в Москву 3-4 аспирантов. Это было блестящее решение, сейчас именно эти кадры и их ученики определяют лицо азербайджанской философии.

Ни одна республика не подготовила в Москве столько философских кадров, как Азербайджан в 70–80-е годы. Это не оцененная должным образом заслуга Фирудин-муаллима.

Во многом это стало возможным потому, что в Москве Фирудин-муаллим пользовался особым уважением среди коллег. Его связывали личные дружеские отношения с академиками Б.М. Кедровым, П.В. Копниным, С.Т. Мелюхиным, И.Т. Фроловым и многими другими выдающимися философами советской эпохи. Фирудин-муаллима просто боготворили директора институтов философии других союзных республик: академик АН Украины В.И. Шинкарук, академик АН Казахстана Ж.М.Абдильдин, академик АН Грузии Н.З. Чавчавадзе и др. Неудивительно поэтому, что ни одна его просьба не оставалась без внимания и поддержки. Симпатию этих выдающихся людей он заслужил благодаря своим человеческим качествам и преданности идеалам философии.

Его уникальный педагогический талант проявлялся в подборе кадров, способности увлечь учеников проблемами философии, объяснить им смысл и значение философских исследований для развития науки, искусства, литературы. Об этом могу говорить достоверно, потому что именно благодаря общению с ним я перешел от занятий в области технических наук в область философии.

Это было в 1971 году. После окончания Азербайджанского политехнического института я был оставлен в институте, преподавал теорию автоматического регулирования и успешно работал над кандидатской диссертацией в области технических наук, получил, в частности, два авторских свидетельства на изобретение. Казалось, что мой путь в науке очерчен. Наверное, ничего бы и не изменилось, если бы я не познакомился с Фирудин-муаллимом.

Произошло это в Институте литературы Академии наук, в отделе, которым руководил мой родственник – профессор Камран Мамедов. В его отделе по пятницам, к концу рабочего дня, собиралась узкая группа ведущих сотрудников Института: Азиз Мирахмедов, Мирали Сеидов, Гулу Халилов, Гасым Гасымзаде и др. К сожалению, этих людей уже нет на свете, но все они остались в моей памяти как доброжелательные, талантливые ученые, патриоты азербайджанской культуры.

Мне нравились эти встречи. Здесь велись непринужденные беседы о мировой и азербайджанской литературе, перипетиях политики и истории. Играли в шахматы, нарды. Я открыл для себя здесь очень много нового, могу сказать, что гуманитаризация моего технократического мышления во многом началась благодаря этим встречам.

Во время одной из таких встреч Азиз Мирахмедов сказал, что сюда должен прийти Фирудин Кочарли, для него я нашел интересную публикацию Джалила Мамедкулизаде. И, посмотрев на меня, добавил: «Сейчас ты увидишь живого философа».

Через какое-то время вошел высокий, статный человек, аристократической внешности. Он за руки поздоровался со всеми. Когда очередь дошла до меня, Азиз муаллим в шутку сказал: «А это наш физик – оппонент лириков». Эта шутка имела для меня серьезные последствия. Фирудин-муаллим стал расспрашивать меня, чем я занимаюсь. Спросил, знаком ли я с философией науки. Я ответил, что очень смутно представляю эту область.

Признаться, я полагал, что на этом наш разговор закончился. Однако, когда он уходил, неожиданно обратился ко мне: «Молодой человек, пойдемте со мной, я вам дам работы по философии науки, будущий ученый обязан знать философию своей области».

Мой родственник, Камран-муаллим, успел с иронией сказать: «Фирудин, оставь ребенка в покое, пусть занимается делом, не делай из него философа».

Институт литературы и Институт философии и права тогда только начинали осваивать новое здание Академии наук, построенное специально для гуманитарных институтов. Пятый этаж этого монументального здания занимал Институт литературы, а часть четвертого этажа – Институт философии и права. Я спустился с Фирудин-муаллимом на четвертый этаж. В кабинете с книжной полки он достал три книги и отдал мне. Все три книги были с дарственными надписями авторов. А авторами были Б.М. Кедров, П.В. Копнин, И.Т. Фролов. Эти имена мне тогда ничего не говорили.

Книги я прочитал на одном дыхании, кое-что даже законспектировал. Примерно через месяц пришел в кабинет Фирудин-муаллима, чтобы их вернуть. Он их взял и сказал: «Если прочитанное тебе было понятно и интересно, то можешь написать на их основе реферат. Ведь все равно тебе придется сдавать кандидатский минимум по философии. И реферат тогда пригодится». Сказав это, он дал мне еще несколько философских сборников, подготовленных Институтом философии Академии наук СССР.

К следующей нашей встрече я пришел с текстом реферата, в котором пытался выяснить философский подтекст метода моделирования. Реферат на него произвел хорошее впечатление, и он сказал: «Знаешь, ты можешь поменять направление своей научной деятельности, стать специалистом в области философии науки. Нам очень нужны специалисты в этой области».

К такому повороту событий я был абсолютно не готов. Единственное, что смог тогда сказать: «Разве это возможно, я же не имею философского образования…»

«Это возможно, – уверенно сказал Фирудин-муаллим. – Мы тебя сначала отправим на стажировку в Москву. Там тебе придется основательно изучать историю философии и логику. Я напишу письмо декану философского факультета МГУ Михаилу Федотовичу Овсянникову, думаю, он разрешит тебе посещать лекции на разных курсах. А в Институте философии Академии наук параллельно будешь осваивать новую специальность – философию науки. Если все будет нормально, через год сможешь поступить в аспирантуру…»

«Мне кажется, что у тебя получится, – заключил он, – мои друзья из института литературы очень хвалят тебя. Но если увидишь, что философия – не твоя сфера, можешь вернуться в свою специальность».

Романтические представления об учебе в Москве, возможность овладения совершенно новым направлением деятельности и, конечно же, юношеская беспечность и уверенность определили мое решение. Я стал заниматься философией…

Чтобы всесторонне оценить деятельность Фирудин-муаллима, следует прежде всего понять время и общество, в котором еще недавно мы жили. Философия развивалась под особым идеологическим контролем. Этим пользовались ограниченные люди, всевозможные карьеристы. У Фирудин-муаллима, как у успешного во всех отношениях человека, завистников всегда хватало…Они писали по любому поводу доносы в различные инстанции. Его обвиняли в антимарксизме, в пропаганде

идеалистических учений, в антисоветских настроениях в институте… Ситуация порой казалась безвыходной, но Фирудин-муаллим всякий раз каким-то чудом уводил Институт от удара. Вспоминая это непростое время, я и сейчас поражаюсь его целеустремленности и безграничной силе воли. Не было случая, чтобы он растерялся, потерял свое достоинство в потоке инсинуаций, злонамеренных обвинений.

Обстоятельства, к сожалению, стали совершенно абсурдными в 1984 году. В Центральном комитете партии Отдел науки и образования возглавил совершенно случайный человек, не имеющий никакого отношения ни к науке, ни к образованию. Стало невозможно работать под его нелепые установки. Именно тогда Фирудин-муаллим ушел с должности директора Института, оставив после себя большой коллектив философов-профессионалов.

Небезынтересно заметить, что после ухода Фирудин-муаллима с должности директора Института почти 20 лет руководство Академии безуспешно пыталось найти альтернативную кандидатуру. Однако все кандидатуры в буквальном смысле блекли на фоне личности Фирудин-муаллима.

Отсутствие признанного руководителя в Институте философии и права в трагические для нашей республики годы, в период социально-политических пертурбаций 90-х годов негативно отразилось не только на развитии философии и социально-политических исследований в республике, но и на состоянии всей духовной культуры Азербайджана.

Фирудин-муаллима отличали масштабность мышления, умение включать проблемы истории философии Азербайджана в контекст мировой философской мысли. Неоценима его роль в организации переводов на русский язык творений выдающихся мыслителей Азербайджана. Скольких трудов стоило ему организовать перевод работ Бахманьяра-аль-Азербайджани с арабского на русский! В конечном итоге, по просьбе Фирудин-муаллима, данную задачу решил крупный специалист по арабо-мусульманской философии А. Сагаддеев. Эти переводы с необыкновенным интересом встретила философская общественность СССР. Они способствовали преодолению узких, шаблонных представлений об истории философии Азербайджана

В 1980 году руководство журнала «Вопросы философии» предложило один из номеров посвятить Азербайджану. Фирудин-муаллим сам читал и отбирал статьи в этот номер, стараясь, чтобы в нем были представлены все основные направления философии. Он командировал меня в Москву, чтобы я работал с редакторами журнала и оперативно снимал возникающие по статьям вопросы. И когда в мае 1980 года вышел «азербайджанский номер» журнала, радость его не имела предела. Это действительно был большой творческий успех философов Азербайджана.

Вспоминается также история совместных трудов с Научным советом АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники. В 1983 г., по предложению Фирудин-муаллима, я встречался с академиком И. Т. Фроловым, который возглавлял тогда данный Научный совет. Возникла идея совместно подготовить серию книг под общим названием: «НТР и развитие научного познания», показать в них суть наметившихся в науке тенденций: информатизации, экологизации, космизации, интеграции.

О результатах встречи с академиком Фроловым я доложил на заседании Ученого совета Института. Указанная тематика и сейчас остается на переднем крае научного поиска.Тем не менее, моя информация не вызвала тогда особого восторга у некоторых членов Ученого совета. Наоборот, прозвучали голоса о нецелесообразности занятий общетеоретическими вопросами, не имеющими отношения к актуальным идеологическим потребностям республики. Более того, моя инициатива была представлена как обоснование лишних командировок в Москву. Признаться, я был удручен субъективностью ряда коллег.

Однако Фирудин-муаллим настоял на принятии положительного решения Уче-

ным советом. Его аргументы были столь сильны, что никто не смог их откровенно оспаривать. Запомнились его слова: «Я не понимаю, почему некоторые товарищи выступают против совместной работы с ведущими специалистами страны. Это ведь, кроме всего прочего, замечательная школа повышения квалификации наших сотрудников. Мы должны быть в курсе общенаучных тенденций,фундаментальных вопросов науки… Исследователь с широким кругозором всегда сможет решать на должном уровне частные, региональные задачи».

Фирудин-муаллим был внимательным человеком, он заметил на моем лице разочарование ходом обсуждения вопроса, которому мы с ним придавали особый смысл. Когда заседание кончилось, он попросил меня остаться. И обратился к своему заместителю, профессору Тофику Кафарову, которого очень ценил за его образованность и тонкий юмор.

– Тофик, объясни Низами, что будет с караваном, если он будет останавливаться на лай каждой собаки.

– Уж точно не дойдет до конечного пункта, – сказал с улыбкой Тофик-муаллим.

– Я думаю, теперь тебе понятно, – сказал Фирудин-муаллим, – не следует оглядываться на случайную критику, необходимо с энтузиазмом взяться за реализацию задуманного проекта. Все условия для этого мы создадим.

После ухода Фирудин-муаллима с должности директора Института с трудом удалось завершить данную работу. Препятствия возникали на каждом шагу. Наконец, в 1985 и 1989 г.г. вышли в свет книги указанной серии, которые получили высокую оценку научной общественности.

Фирудин-муаллим уделял огромное внимание публикациям сотрудников Института в центральной печати. Авторы этих публикаций пользовались особыми привилегиями, они получали благодарности, премии, их просьбы о командировке в любой город СССР удовлетворялись в первую очередь.

Вопросы защиты диссертации в Москве и других городах Советского Союза для него были святыми. Диссертант получал всяческую поддержку с его стороны.

Он был удивительно доброжелательным человеком, каждый сотрудник, каждый аспирант мог свободно рассказать ему о своих проблемах, будучи уверенным, что Фирудин-муаллим его поймет и поможет.

Помню его приезды в Москву, они всегда превращались в настоящее паломничество аспирантов в номер гостиницы, где он жил. Все чувствовали ответственность перед ним, все пытались отчитаться о проделанной работе. Пожелания, просьбы каждого аспиранта он записывал и буквально на следующий день их должным образом решал. Если не успевал это сделать, то обычно просил Рафика Курбанова, которого считал своим неофициальным представителем в Москве, от его имени обратиться в ту или иную инстанцию. Эти встречи обычно заканчивались теплым, товарищеским ужином в ресторане гостиницы Академии наук.

Фирудин-муаллим вообще был человеком гостеприимным. Особое удовольствие ему доставляло принимать гостей у себя дома. Это во многом, конечно, было связано с тем, что у него была прекрасная семья, замечательная супруга Зарифаханым, которая с полуслова понимала и всячески поддерживала Фирудин-муаллима.

Память обладает воскрешающей силой, и человек живет, пока его вспоминают. Фирудин-муаллим, ставший для поколений азербайджанских философов духовным отцом, навсегда остался в нашей памяти и по праву вошел в историю азербайджанской философии.

Мамедов Низами Мустафа оглу, доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, действительный член Российской академии естественных наук и Российской экологической академии, эксперт ЮНЕСКО

ЛЯМАН БАГИРОВА

Р А С С К А З Ы

Прачки

Людям тихого труда посвящается

Тишайшую в мире славу
Они на плечах несут.

М.Хамзина «Военным прачкам»

Тихо, ой, как тихо и скучно текла жизнь в одном из филиалов районных библиотек маленького города Энска. Изо дня в день лениво перетирались одни и те же разговоры, мысли, слова. Дни перетекали в месяцы, те – в годы, в десятилетия, но ни одна яркая светозарная мысль, ни одно пламенное чувство не посещали это царство сна и покоя. И можно было бы назвать его болотом, подчиненным одной своей внутренней жизни: время от времени где-то в глубине взрывались пузырьки гнева и обид, расцветали багровые кусты бабьих ссор, разливались ядовитым паром миазмы зависти и сплетен. Но и щедрость, и отзывчивость тоже жили в нем. В общем,как сказал один литературный герой: люди как люди, а вернее сказать – женщины как женщины! А где ж вы видели в библиотеках обилие мужчин?! Даже в крупных библиотеках, как правило, только с десяток мужчин (из руководства!) на две сотни дам! Что уж говорить о малютках филиалах… Ну, еще спорадические читатели мужеска пола полярных возрастных категорий – юные студенты и престарелые профессора. Тоска! Да, можно было бы назвать филиал районной библиотеки города Энска болотом, если бы не один случай.

Но обо всем по порядку.

В конце прошлого года маленький город накрыло бюрократическое поветрие. Какая-то странная перестановка началась в его чиновничьей жизни. Смещались руководители, пересматривались структуры. С высоких постов люди передвигались в подведомственные организации. Словно разыгрывалась какая-то доселе не известная шахматная партия. Еще не было ей названия, и никто не знал, красива она или нет, но фигуры по доске жизни двигались оживленно. Районная библиотека замерла в ожидании. Не сегодня-завтра должны были прислать новых работников или уволить старых…

***

Утро понедельника началось… неопределенно! Оно было не хмурое, и не солнечное, не ненастное и не погожее. И так и сяк! Сиреневое зимнее небо словно раздумывало – заплакать ему снежным дождем или улыбнуться бледным солнцем. И так, ничего не решив, замерло. И так же в ожидании знака небесного сиреневого дирижера замер серый оркестр – земля.

Екатерина Федоровна Царева, заведующая филиалом районной библиотеки, или как она сама себя называла – маленькая хозяйка ну, о-о-оче-еень маленького дома, знала дорогу до работы, как свои пять пальцев, могла пройти ее с закрытыми

глазами, и лицо ее с каждым пройденным метром становилось все серьезнее и суровее. Все одиннадцать месяцев в году, за исключением отпуска, она двигалась по одному и тому же маршруту – дом, выход из арки двора, маршрутка №38, шесть остановок, выход около здания бывшего райисполкома (а сейчас какая-то фирма с мудреным названием), 400 метров на север, минуя аптеку, переход на другую сторону улицы, фонарь…

Итак, классические: *Аптека, Улица, Фонарь…* Хорошо, что хоть Ночи не было. Ночью на работу не надо было ходить.

В пяти метрах от фонаря было скромное одноэтажное здание. Весь его вид и деревянная коричневая дверь (не облупившаяся, но порядком выцветшая) словно молили: «Я вам не помешаю. Тихо тут, незаметно в стороночке постою, ничьего места не займу, не гоните меня, не рушьте». Это и был филиал районной библиотеки.

Екатерина Федоровна любила свою работу. Вернее, за долгие годы свыклась с ней, а потом и полюбила. Выпускнице исторического факультета не нашлось работы по специальности, устроилась в библиотеку. Думала, на время – оказалось навсегда. За двадцать девять лет прошла путь от младшего библиографа до заведующей библиотекой. В ее подчинении были пять работниц – одна другой старше. Все замужние, с детьми, а некоторые и с внуками. И почти все – с осенней усталостью в глазах. Исключение составляла только тридцатитрехлетняя Мила. Лицо ее еще не приобрело выражения вечной заботы, какое обычно бывает у женщин с приличным семейным стажем. А в глазах, нет-нет да и вспыхивали озорные огоньки. Это немного разбавляло рутину коллектива, где все давным-давно знали друг о друге всё и были сцементированы не хуже бетонного блока.

А.Е.Архипов. «Прачки»

Екатерине Федоровне ее коллектив напоминал знаменитую картину художника Архипова «Прачки». На ней в строгой последовательности были расположены женские фигуры – от самой молодой (в дальнем углу картины, у окна) до самой старой, выжатой жизнью, – на переднем плане. Точно так же размещались столы библиотекарш в небольшом холле: у окна сидела Мила, и на столе ее беспорядочно теснились разноцветные органайзеры, папки для бумаг, веера, заколки, крохотные игрушки, открытки, тюбики с помадой и ярко-розовая чашка. От этой совершенно нерабочей пестроты рябило в глазах, но Екатерина Федоровна, которую коллеги за глаза называли «Царихой», не пеняла Миле. Ее яркий стол веселил, обнадеживал: «Держитесь, девоньки! Не все в мире черным-серо! Есть в нем и радостные краски!»

И закрывала глаза Цариха на сумасшедшее разноцветье Милиного стола и стеснялась признаться себе, что ждет, когда Мила забудет на нем то ярко-оранжевый шелковый платок, то очки в перламутровой зеленой оправе. К счастью, Мила особой аккуратностью не отличалась! Цариха ворчала на нее лишь для виду, а сама украдкой устремляла взгляд на разноцветное пятно – и на душе теплело.

Следующим стоял стол Тамары – полной рыхлой женщины лет 45. Была она на редкость словоохотлива, казалось, что вся энергия, выкачанная из тестообразного тела, сконцентрировалась в речевом отделе мозга. Говорила Тамара безостановочно и обо всем. Даже действия свои (в прошлом, настоящем и будущем) сопровождала комментариями примерно такого рода: «Вот, думаю, пойти мне или не пойти в магазин (туалет, аптеку, театр, рынок, кино). Что-то неохота, нет, встану, пойду, заодно и чаю себе налью, а его еще нужно поставить, нет, кроме меня, некому, что ли, вечно все я должна делать, нет, неохота, нет, пойду, ой, что-то голова заболела, таблетку бы принять, где-то у меня должна была быть таблетка, да где же она, черт бы ее побрал (яростные поиски в недрах сумки), а вот она, нет, это не от головы, а зачем же я ее с собой таскаю» и т.д., и т.п.

Унять этот речевой поток было практически невозможно. Тамара говорила во время работы, еды и даже, дремля в перерыве, умудрялась произносить несколько бессвязных слов! Как ни странно, на качество работы это не влияло – Тамара никогда не ошибалась ни в описании книг, ни в составлении карточек, да еще, если нужно было, успевала и другим помогать.И душой была щедра. Все маленькие рабочие праздники – дни рождения, Новые года, Восьмые марта – не обходились без Тамариной снеди: пирожков, салатов, пирожных, солений и компотов. Притаскивала она их из дома в огромных сумках. Едва отдышавшись, расставляла все на двух приставленных друг к другу столах, и с лица ее не сходило выражение заботы. Но, видя, как работницы с удовольствием поглощают яства, улыбалась широкой щербатой улыбкой – добрая душа ее ликовала!

Честно говоря, выдержать такое живое радио было трудно, работницы жаловались Царихе, и та несколько раз делала внушения болтушке. Тамара взбухала слезами, покрывалась пятнами и клятвенно давала обещание заткнуть словесный фонтан! Но выдержки хватило только однажды на полдня. Тамара сидела молча, и по багровеющей короткой шее коллеги догадывались, чего стоило ей молчание. Наконец, на какую-то новость из нее словно пробка из бутылки с квасом вылетел первый возглас: «А-а-а!», и вслед за ним понеслась стремительная пламенная речь. Шея приобрела нормальный оттенок, и все как-то сразу поняли, что молчание для Тамары опасно, что ее болтовня – не просто блажь, а какая-то особенность организма, возможно, болезнь. И мгновенно недовольный змеиный шип, задавленный гнев и грядущая бабья свара сменились сочувствием. В самом деле, не травить же хорошего человека только за то, что рот у него не закрывается. А где же тогда товарищеская солидарность?

Третьим по счету был стол Раисы – маленькой тихой женщины с вечно напряженным выражением лица. Черты его были мелкими и будто собранными в гофру – так обычно стареют люди с хорошим тонусом кожи: она покрывается сетью морщин, но не провисает. Раиса была татаркой, детство и юность ее прошли в глухой деревне. Она говорила по-русски с заметным акцентом и стеснялась его. В глазах ее словно навеки застыл испуг: она рассказывала, осторожно подбирая русские слова, что в детстве очень плохо ела, и мать, чтобы накормить ее, постоянно пугала каким-то человеком с красной бородой: «Ешь! А то придет Краснобородый и утащит тебя!» Существовал ли в реальности этот персонаж или был плодом отчаявшейся материнской фантазии, трудно сказать. Но однажды на деревенской улице появился заезжий торговец тканями. Пятилетняя Раиса, едва увидев его, дико взвизгнула и в мгновение ока взобралась, нет, даже взлетела на дерево!

Вся «вина» несчастного торговца была в крашеной хной бороде. Раиса просидела на дереве до вечера. Никакие уговоры и посулы не действовали на нее. Как перепуганный котенок, она забиралась еще выше, изо всех сил сжимая ветку, пока, наконец, кому-то не удалось влезть на дерево с другой стороны и схватить ребенка за подол платья. К вечеру поднялась температура, и в бреду Раиса, плача, выкрики-

вала: «Кзылсакал, кзылсакал» (краснобородый). Вся в ссадинах и занозах от коры, она пролежала в постели долгие три месяца, а когда поправилась, то наотрез отказывалась от одежды и еды красного цвета, и в глазах ее закаменел испуг.

Сидела она на работе всегда в одной и той же позе – двигались только руки. Тоже мелкоморщинистые, покрытые старческой «гречкой», они суетливо перебирали карточки каталога, заменяя ветхие на новые. Руки были недвижными только во время перерыва – сцепив их на животе и прикрыв глаза, Раиса покачивалась как китайский божок. Но на любой шорох отзывался ее по-звериному чуткий слух. И тогда на долю секунды из вечно испуганных узких глаз вырывался темный огонь, что-то древнее, воинственное проскальзывало в широких смуглых скулах, крыльях короткого носа, вздернутой верхней губе. Но – мгновение! – и воин в ее крови засыпал, и на смену ему вновь являлась маленькая испуганная женщина. У нее была большая семья: трое детей, два внука и куча родственников. В тесной роевой связи с их проблемами, радостями и печалями проходила ее жизнь, и она не мыслила себе иной.

Четвертым стоял стол Палны. Вообще-то ее звали помпезно: Цецилия Павловна, но гордое патрицианское имя пришлось не по зубам работницам библиотеки. Да и не только им. Как только имя не коверкали… Женщина была то Сесилия, то Цесиля, то Летисия, то Силя, Циля, Тиля. Стоическому терпению Цецилии Павловны мог бы позавидовать сам Атлант, но однажды соседский мальчишка выпалил ей одним духом: «Сисяпална», и тут она не выдержала.

На следующий день строго-настрого наказала называть себя только по отчеству, но и оно скоро трансформировалось просто в «Палну». Так и осталось.

Пална была строга и консервативна. На ее черном столе всегда стояла белая керамическая вазочка с перьевыми ручками. Иных Пална не признавала, заполняла формуляры книг только чернилами. Компьютера боялась, как огня, считая чуть ли не антихристом. Но память шестидесятичетырехлетней женщины была крепка, как гранит: Пална наизусть могла сказать, на какой полке находится та или иная книга, знала по памяти имена и фамилии всех читателей, и не дай Бог было кому-то задержаться с возвратом – гнев Палны настигал мгновенно.

– Ты долго книгу мутыжить будешь, ирод? А если она кому другому понадобится? И как это у людей совести не хватает…Чтоб завтра у меня на столе была!

Произносилось это все настолько беззлобным тоном, что никто не обижался ни на «ирода», ни на загадочный глагол «мутыжить». Незыблемость Палны успокаивала не хуже Милиного разноцветья – значит, крепка еще жизнь, надежен охранительный свет ее маяка.

Пятый, самый дальний от окна и самый близкий к центру стол принадлежал уборщице Майе. В крохотных и сплоченных коллективах стираются иерархические грани: все давно забыли, что когда-то Майя переодевалась и пила чай в малюсеньком закутке под лестницей. Там сейчас хранился только ее рабочий инвентарь, а сама Майя перекочевала в холл.

Это был самый старый член коллектива, почти всегда дремавший за своим маленьким обшарпанным столом. Сколько ни предлагали ей заменить его, сколько ни объясняли, что он портит весь вид холла, Майя не соглашалась. А в минуты наибольшего волнения поглаживала стол, словно боялась потерять его, и походила на большого седого ребенка, вцепившегося в драную игрушку. Тогда женщины сразу, как по команде, жалели ее и умолкали. А Майя отходила от волнения, засыпая. Низко склонив голову и сложив узловатые руки на коленях, она посапывала тонким старческим свистом. И в эти минуты почему-то становилось смешно и щемяще-горько.

По сути, ее давно можно было проводить на пенсию и взять на место более расторопного и энергичного работника, но ни Цариха, ни прочие и слышать ничего не хотели об этом. Знали, что одинокая Майя не проживет дома и недели. А потому и прибирали сами, устраивали импровизированные субботники, драили и холл, и ма-

ленький читальный зал до блеска, а Майя, сидя за столом, шептала бледными губами: «Спасибо вам, девочки, спасибо». И еще что-то говорила, но Тамарин неумолчный словесный ручей заглушал все.

Стол самой Царихи стоял на небольшом возвышении около стойки выдачи книг. Он – единственный из остальных был оснащен компьютером. Но Екатерина Федоровна пользовалась им нечасто: если нужно было отправить срочные документы вышестоящему начальству, подготовить отчеты, планы или выписать табель на получение зарплаты. В остальное время компьютер переливался заставкой на рабочем столе. Небольшой книжный фонд был изучен работницами назубок, а новой литературой маленькие филиалы баловали нечасто. Без компьютеров Цариха знала свое книжно-человеческое царство, умела навести в нем порядок и знала, что жизнь его будет идти так же размеренно и ладно, как и всегда. И диаметр круга жизни, как на картине Архипова, определен с математической точностью: от разноцветного дальнего стола Милы до старого ближнего стола Майи.

И вот – на тебе! Поветрие! Неделю Цариху гоняли в областную библиотеку, где она выслушивала нудные директивы, потом два раза вызвали в министерство, где сообщили, что в скором времени надо ожидать новых работников, и попросили представить список лиц пенсионного возраста на увольнение. Кроме 74-летней Майи, таких не было. Цариха не представляла себе, как объяснит старухе, что она больше не будет приходить на работу. Не представляла, что больше не увидит дремлющую уютную фигуру за маленьким столом, не услышит задыхающегося шепота: «Спасибо, девочки». Ну, нельзя так. Все понимала Цариха: и новые веяния, и реорганизации с реструктуризациями, но кожей чувствовала – нельзя! Погибнет Майя дома. Работа – ее дом.

Цариха решилась. Резко рванула дверь. На нее дохнуло воздухом библиотеки – бумаги, дерева и клея. В холле была пока только Раиса – хлопотала около электрической печки, заваривала чай.

– Я сегодня буду позже, Раиса. В министерство поеду. На совещание. Передай девочкам, – Екатерина Федоровна испугалась охрипшего своего голоса и еще больше легкости, с какой она соврала про совещание.

Раиса смешно наморщила лоб, будто считала что-то.

– Ха-ра-шо, Катрина Фодоровна. Скажу.

Цариха улыбнулась. Тяжеловато все-таки даются Раисе русские слова. Как бы Тамара не уболтала ее своими вопросами «что?», да «почему?», и «зачем поехала?» Ну, да, пока Раиса составит фразу, Тамара уже несколько речей выпалит и, может быть, устанет!

***

Опять дорога. Фонарь, улица, аптека… И снова маршрутка № 38, которая привезет Цариху уже в центр города к большому серому зданию. Министерство…

Узнает ли?... Сколько лет прошло…

– Вадим Руслановичу себя? – устало осведомилась она у охранника. И, заметив его недоверчивый взгляд, прибавила:

– Помощник заместителя министра. Я заведующая 3-м филиалом областной библиотеки – Царева Екатерина Федоровна.

Тот, по-прежнему бросая недоверчивые взгляды на замотанную платком тетку, позвонил по внутреннему телефону. И через минуту пробурчал Царихе:

– Проходите. Третий этаж, 8-й кабинет. – По тону его чувствовалось, что он ни капли не поверил, но раз уж Старшой приказал пропустить, то, что уж…

«Наверно, принял меня за бедную родственницу. И в чем его винить? – подумала Цариха, бросив взгляд в зеркало между этажами. – Совсем себя запустила. Бледная, в лице ни кровинки. Сердце колотится, как у зайца, руки влажные. Маникюр

давно пора обновить, волосы покрасить-уложить, да и пальто купить не мешало бы. Ну, была-не-была!»

С этими словами она толкнула зеленую дверь с золотой табличкой: «Булатов В.Р. – помощник заместителя министра культуры по библиотечной работе».

Через полчаса она вышла из кабинета еще более бледная, чем обычно, медленно спустилась по лестнице, перевела дух. А затем, развернув плечи, пошла к выходу, по пути кинув охраннику: «Всего доброго». И тон ее был снисходителен.

Уже развиднелось, с неба сошла обморочная сиреневая стынь, но ни один луч солнца не мог пробить плотные облака. Екатерина Федоровна не спеша пошла к остановке. 38-й автобус приехал сразу, и женщина подумала: какое же все-таки счастье вот так ехать в полупустом (рабочий день был давно в разгаре!), холодном автобусе, просто смотреть в окно и думать о своем.

За окном мелькали привычные здания, вывески, светофоры, памятники, и Цариха удивлялась им, словно видела впервые. А может, так оно и было на самом деле. Много ли заметишь, когда рано утром в толчее, не помня себя от спешки, мчишься на работу, а вечером в такой же толчее возвращаешься домой? Это надо же – как много новых лавчонок-магазинов открыли на пути ее маршрута, какие-то здания снесли, где-то вовсю идет ремонт, а она только сейчас это видит…

И все же мысли настойчиво возвращались к тому, что произошло меньше часа назад в кабинете заместителя министра.

А произошло в нем вот что. Вадим Русланович Булатов, а когда-то попросту Вазя – однокурсник Царихи был несказанно ошарашен и обрадован, узнав в постаревшей женщине бывшую веселую Рину Коваль – девушку с солнечной улыбкой и задорными ямочками на щеках. На должность помощника заместителя министра его, доктора исторических наук, назначили недавно, и он только знакомился с делами. Вазей называли его друзья и близкие – он смешно выговаривал букву «д», получалось не «Вадя», а «Вазя». Так и прилипло к нему это прозвище – смешное и милое одновременно. Был он человеком доброжелательным и открытым, и больше любил слушать, чем говорить. Это было добрым знаком. Из таких людей получаются хорошие руководители.

Когда первый шок (улыбки, ахи, повлажневшие глаза и расспросы: «как ты?», «что ты?», «где ты?») прошел, Цариха изложила свою просьбу:

– Нельзя ей дома, Вазя, понимаешь. Ну, нельзя. Умрет она дома. Пусть уж ноги волочит, а все же приходит. Мы ее дом. Вся жизнь ее в библиотеке прошла, пусть уж до конца будет с нами, пока вообще нас не расформируют.

Булатов слушал молча и барабанил по столу пальцами.

– Да зачем тебе нужно это болото? – вдруг заговорил он горячо. – Ведь ты не старая еще, видная женщина, тебе оно нужно – гнить в старых книжках, с одними и теми же разговорами? Понимаю, не все сразу, но начинать ведь с кого-то нужно. Зачем тебе этот прокисший раритет под названием Майя? Ну, навещайте вы ее дома, раз никого у нее нет, гостинцы приносите, пенсию она регулярно получать будет, но что ей тащиться каждый день в библиотеку? Ни толку, ни виду, ни проку. А если с ней что случится по дороге, так тебя же первую таскать будут, что, мол, немощного человека не уволила, и он вместо того, чтобы дома сидеть, чаи с вишневым вареньем гонять, на работу выходил.

– Не случится, – упрямо возражала Цариха. – Она недалеко от работы живет, ей два двора пересечь, и она уже на месте. А дома у нее нет никого, пойми, Вазя. Ни котенка, ни щеночка, ни попугая. Не может она их завести, потому что ухаживать за ними надо, а она не потянет.

– А с вами, значит, потянет? – усмехнулся чиновник. – Это каждый день утром вставай, одевайся, ноги больные в обувь всовывай, выходи из дома, вспоминай, не забыла ли свет, газ, воду выключить, и в случае чего возвращайся выключать. Потом

дворы пересекай, трюх-трюх-трюх! И через час с четвертью ценный работник уже на месте! И сама говоришь – живет недалеко. Значит, сможете каждый день ее навещать

– Не язви, Вазя, тебе не идет, – нахмурилась Цариха. – Я говорю тебе: нельзя так. Не в посещениях дело. Просто не сможет она дома. Может, ее и держит только то, что знает: завтра на работу! Пойми!!!

Несколько секунд прошли в молчании. Только слышно было, как Вазя выбивает по столу барабанную дробь.

– Какая была, такая и осталась, – сказал он. – Рина… Помнишь, почему тебя так называли в институте?

– Екатерина, Катерина, Рина, – пожала плечами Цариха.

Лицо бывшего сокурсника не выражало ничего хорошего, и ей стало не по себе. «Хреновый я руководитель – своих защитить не могу», – устало подумалось ей.

– Ты зеленый цвет умела носить так, что все только ахали, – улыбнулся Вазя. – Все его оттенки: от светлого до болотного. Царицей была в нем. Вот и прозвали тебя Риной, как Рину Зеленую.

– Так и та тоже была Екатериной, – тихо сказала женщина.

– Бог с тобой. Пусть остается ваша Майя еще на год. Там дальше видно будет. Ты лучше о себе расскажи. Муж, дети, внуки?..

Цариха почувствовала огромную усталость. Она что-то продолжала машинально говорить, отвечала на вопросы, рассказывала об успехах детей, сама о чем-то спрашивала, но все это было фоном. Главное было пройдено. Главное она сделала. Ее маленький мир, ее родные прачки – от Милы до Майи – были с нею. Пусть на год, но это тоже победа. А если можешь отстоять маленький мир, значит, сумеешь победить и в большом. Меняются только масштабы, суть остается прежней.

Расстались они с Вазей любезно. Тот дал ей свою визитку, просил не стесняться, звонить, если понадобится какая-то помощь. И вообще быть на связи. Цариха спрятала визитку в дальний кармашек сумки – знала, что лишний раз беспокоить начальство не будет.

«Болото», – усмехнулась она про себя, пройдя аптеку, улицу, фонарь и открывая дверь библиотеки. – «Нет, Вазя, зря ты так. И в болоте есть жизнь, и оно дает плодородный ил, и в нем расцветают дивные цветы. Смотря, как отнесешься… А чем мы, к примеру, не те же прачки с картины? Точно так же отмываем, оттираем книгами человеческие души, делаем их чище и…»

Екатерина Федоровна вздрогнула. На нее из холла смотрели пять пар глаз. Крохотный, родной до боли коллектив – пять женщин, пять ее девочек – стояли за столами и молча смотрели на свою Цариху.

Мила с юными искорками в глазах, Тамара – с тревожным блеском серых навыкате глаз, Раиса – с едва сдерживаемым темным огнем в узких глазах, Пална – с ироническим блеском из-под набрякших век и Майя… Ее карие глаза были покрыты старческой пленкой и оттого казались небесно-голубыми.

– Ну, что встали, девочки? Что случилось? Все хорошо, – улыбнулась Екатерина Федоровна. – Вот и солнышко прорывается уже. – Солнце действительно словно решило поиграть в прятки: то показывалось на мгновение, то снова пряталось за облака. – Работаем. Кто-то утром возился у плиты, чай заваривал, так можно мне чашечку чая? Или не положено?! – добавила она уже шутливо.

Разом выдохнули, захлопотали, зажурчали речью. Перекрыть Тамару было, конечно, невозможно, но и остальные вносили в этот неумолчный поток свои голоса: звенела смехом Мила, подтягивала низким грудным голосом Раиса, басила Пална.

– Благослови тебя Бог… Цариха, – шепнула Майя, и шепот ее услышали.

– Цариха! – повторили, как эхо, другие. – Цариха наша!

– Ваша, – улыбнулась Екатерина Федоровна. – А чья-ж еще?..

Павел Никанорыч

Всем детям, погибшим в войнах, посвящается

В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись,
ребёнок –
Последний гражданин села.

С.Маршак

Павел Никанорыч Скрепин, бывший пилот гражданской авиации, а ныне пенсионер, увлекался на досуге всем, чем только можно. Легче было перечислить то, что не входило в круг его хобби, чем то, на что падал его жадный до жизни взор. Он собирал мозаику из расколотых фарфоровых чайников, рисовал акварелью (масло недолюбливал – считал тяжелым для воздушного искусства живописи!), играл на гитаре, настаивал водку на черной смородине – получалась фирменная темно-розовая «скрепинка», составлял кроссворды, вырезал и выжигал по дереву, делал панно из разноцветных кристаллов соли, которую сам же выпаривал и окрашивал. И даже пытался выткать коврик на собственноручно собранном ткацком станке. Но потом бросил эту затею – уж больно подтрунивали над ней жена, дети и внуки. Беззлобно, но постоянно!

Занимался садоводством: хвастался знакомым необъятного размера тыквами, которые ему удалось вырастить, трясся над специально огороженным уголком сада, который засадил ценным видом крокусов, и по осени собирал в изящные шкатулки невесомую драгоценность – шафрановые тычинки. Они источали тонкий терпкий аромат, и жена Павла Никанорыча добавляла их в праздничную сладкую выпечку.И исходили нежным пряным духом высокие ноздреватые пироги с яблоками, булки с маком и творогом. И радостно становилось на сердце от этого духа. От него веяло покоем и уютом. Как и от большого отцовского самовара, по-стариковски ворчащего на столе. И от расписных чашек – Павел Никанорыч знал их узор наизусть, мог повторить с закрытыми глазами все линии знаменитого хохломского рисунка «травка» и все же не уставал удивляться человеческому таланту, творящему красоту.

Список *«хоббей»* Павла Никанорыча можно было бы продолжать и продолжать. Он обожал стряпать, причем отдавался этому делу со всей страстью. С ловкостью фокусника он разбивал яйца об угол плиты, легко взбивал, и его белая, изнеженная, вовсе не авиаторно-штурвальная рука так и порхала в воздухе! Что-то перетирал в ступке, принюхивался, недовольно покачивал головой, добавлял из заветных холщовых мешочков то щепотку майорана, то душицы, то черного перца и снова перетирал. Забеливал яичную смесь сливками (молоко – фи! – бюджетный вариант! А высокое кулинарное искусство не терпит экономии!), добавлял пыль пряностей, колдовал над чугунной сковородой (для каждого блюда – отдельная посуда!) и наконец – ах, бейте в литавры, вступайте струнные! – солнечный, пышный, пряный омлет ложился на керамическую тарелку! Заранее подогретую, чтобы не опало яичное чудо раньше времени, и красную, чтобы гармонировало по цвету!

А уж в засолке и заготовках разных не было Павлу Никанорычу равных. Уж на что жена была ревнивая хозяйка – моя кухня, и все тут! – но и она смиренно отсиживалась в комнате, когда Павел Никанорыч, священнодействуя, погружал руки в таз с нарезанными овощами. Солил, жамкал, ворочал тяжелые пласты капусты, пер-

цев, баклажанов, огурцов и прочей огородной братии. Кухня наполнялась острым соленым запахом, а Павел Никанорыч уже угадывал в этой сырой массе рождение шедевра – неповторимых солений по-скрепински. И когда они, яркие, словно разноцветные фонарики, сдобренные укропным и сельдерейным семенем, подавались к столу, Павел Никанорыч всякий раз волновался. Не ударил ли в грязь лицом, не ошибся ли в составе продуктов? Вдруг не одобрят дети и внуки?! А они и без того редко приезжают…

И, лишь убедившись, что едоков от стола за уши не оттащить, ликовал: «Верен глаз, верен! И память не подводит!»

А еще Павел Никанорыч писал. Уму непостижимо, как находилось у него на это время, но не одна тетрадка была исписана его мелким, убористым почерком. Писал (и довольно талантливо) стихи, романы, мемуары, принимал участие в литературных конкурсах, завоевывал какие-то призы. Издал даже несколько книг и щедро раздаривал их друзьям. Те бурно благодарили и, придя домой, лениво пролистывали несколько страниц. Потом убирали на полку, и книга стояла там, радуя глаз глянцевым корешком с надписью «П.Н.Скрепин. Сочинения.»

Автор догадывался о «полочной» судьбе своих книг, но это не особо его волновало. Слишком кипуча была его натура: с писательской деятельности переключался на что-то другое, потом на третье, четвертое. И все выходило у него ладно, красиво, а на удивленные вопросы, как, мол, у него все так спорится, отвечал словами академика Павлова: «Лучший отдых – перемена деятельности». А от себя уверенно прибавлял: «Если деятельность с любовью, то и сладится все!» И подмигивал при этом так весело, что и сомнений не оставалось – с любовью все получится!

Терпеть не мог Павел Никанорыч одного – уныния. Однажды швырнул в телевизор тапком, когда услышал, как какой-то современный поэт вещал со скучающей миной: «О чем писать? О чем нам говорить? Что наше время может породить? Лишь пустоту и звонкое бездумье».

Обычно спокойный и благодушный Павел Никанорыч побагровел, и лицо его выразило две последовательные эмоции: искреннее недоумение и мгновенную ярость.

Тапок, запущенный в телевизионную поэтову физиономию, не достиг цели. Летя по кривой траектории, он совершил жесткую посадку на спине мирно дремлющего кота Александра. Тот был назван так в честь собственной неведомой македонской породы. Так ее охарактеризовал продавец на рынке. Видно, уж очень хотелось ему сбагрить испуганного котенка обычного камышового окраса. Ушлый продавец на все лады расписывал мифическую, на ходу сочиненную македонскую породу, и Павел Никанорыч, не раздумывая, сунул худенькое тельце за пазуху, а продавцу немедленно отдал 500 рублей взамен просимых 400! На безмолвный вопрос жены кратко ответил: «Надо же платить за талант! Это ж какая фантазия у человека – на ходу изобрел породу, выдумал ей историю, расписывал достоинства и ни разу не сбился!»

Котенок, испытавший в своей короткой жизни немало превратностей судьбы, был назван в честь великого полководца и в дальнейшем соответствовал громкому имени. Превратился в роскошного шестикилограммового кота и держался с царским достоинством.

Тапок любимого хозяина поверг его в смятение. Он меланхолично подпрыгнул, недоуменно посмотрел на Павла Никанорыча и ушел в другую комнату. К хозяину он не подходил несколько дней, взял обиженную паузу. Павел Никанорыч, души не чаявший в питомце, несколько раз извинялся, но Александр был непреклонен и смягчился только после внушительной порции ухи. За рыбу кот был готов простить даже чёрта!

Но факт оставался фактом – Павел Никанорыч искренне не понимал, как может быть скучно.

«О чем писать, о чем писать? – продолжал ворчать он, вспоминая ненавистного поэта. – Глаз у людей, что ли нет? Да ты посмотри вокруг – разве исчезла красота, разве жизнь не богата сюжетами? Конечно, если никого, кроме себя, любимого, не видеть, так и писать, пожалуй, не о чем. Да и делать тоже. Такому, конечно, всегда будет скучно, хоть хороводы вокруг води!»

И в подтверждение своих слов приводил случай из собственной жизни. Рассказывал, поигрывая небольшим складным ножиком с коричневой ручкой. Лезвие его было тонким – стерлось от времени, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять: острый, как бритва.

Павел Никанорыч явно гордился им. Будто невзначай поглаживал, несильно упирал мясистый палец в острие, отчего по коже мгновенно расходились красные лучи, складывал и снова выбрасывал лезвие. Нож словно пел в его руке, ладно и ловко ложась в изгибы ладони.

– Настоящий золинген, – хвастливо повторял Павел Никанорыч. – Видите знак – два мальчика? Это фирма такая немецкая – самая лучшая по производству стали. На всех изделиях ставится знак – фигурки двух мальчиков.

Собеседнику приходилось долго вглядываться, прежде, чем он мог разглядеть у основания лезвия полустертые фигурки двух человечков.

– Звилинг, – торжественно произносил Павел Никанорыч, как-то по-особенному позванивая последними звуками: ин-нг, инн-нг! Казалось, что в горле бывшего летчика распевается неведомая птица с тонким металлическим голосом. – Звили-инг! Что значит – близнецы! – удовлетворенно припечатывал он слог «цы» и взглядывал на собеседника: «что, мол, каков я?». Собеседнику ничего не оставалось делать, как восторженно ахать. Довольный Павел Никанорыч распускал лучики-морщинки на пухлом лице, предвкушая начало действа. Мизансцена была готова: талантливый актер-рассказчик и благодарный слушатель.

– Фирма знатная, – вздохнув, начинал Павел Никанорыч, – аж с XVIII века. А началось все не с Близнецов, а с одного Близнеца. Оружейник Кирч в городе Золинген владел торговым знаком «illing» (близнец). И в 1731 году разрешил какому-то своему родственнику пользоваться этим знаком. А тот был смекалистым и, чтобы расширить дело, пригласил в него своего приятеля. И добавил его к знаку. Получился уже не «illing», а zwilling – близнецы. Так и существует этот знак по сей день. Только это все присказка. Сказка впереди.

На этом месте собеседнику надлежало податься корпусом вперед и изобразить на лице напряженное внимание. Ах, как жаждала его щедрая душа рассказчика!

– Случилось мне в самом первом своем отпуске поехать в Нижегородскую область. Было это в 60-х. И скажу вам, кто не видел октябрь в этих краях – много потерял. Едешь на машине, словно на ковре-самолете летишь. И ковер этот – желтый, зеленый, красный, коричневый, золотой – так и горит на солнце. Осины, березы, дубы, липы, рябины – у каждого листа свой оттенок, свой характер. Богатство-то какое! Дух захватывает от красоты. Вот уж и вправду, «лес, точно терем расписной». А еще вдоль дорог дома деревянные старинные со ставнями, наличниками кружевными, словно платками узорчатыми накрылись. И дома все в разные цвета выкрашены: зеленый, синий, желтый, розовый. Не то что у старообрядцев – те в основном из цельных бревен дома кладут, а бревна чернеют быстро, и кажутся дома темными и угрюмыми. Другое дело – из досок дом собрать, а потом выкрасить в веселые цвета. На душе радостно. И понимаешь, что не зря именно в этих местах родилось такое чудо, как хохломская роспись. А спроси́те меня, почему?

– Почему? – покорно вопрошал собеседник.

– А потому, – расцветал улыбкой Павел Никанорыч, что хохлома свой секрет дивный от природы взяла! И каждый цвет в ней – знак! Черный – земля-кормилица, красный и зеленый – жизнь, а золото – свет. Все то, что человек видел вокруг, пе-

реводил в узор. А дерево, по которому его наносили, – основа всего. Деревянная посуда легкая, теплая, наши предки на деревянных ложках-плошках выросли и здоровыми были. И цари ее не чурались, в почете она была на царском столе. Только вы привыкли видеть хохлому сверкающую, лакированную, переливающуюся так, что аж глазам больно от блеска, а я вот вам сейчас покажу…

С этими словами в Павле Никанорыче вновь просыпался фокусник!

Не то из недр шкафа, не то из кармана, не то вообще из воздуха мгновенно извлекалась и ложилась на стол перед собеседником темная маленькая ложка с облупившейся красной краской и почти стертым узором.

Далее выдерживалась театральная пауза, во время которой собеседнику надлежало пристально вглядываться в артефакт. Наконец, Павел Никанорыч торжественно изрекал:

– Такой была хохломская роспись перед самой войной и во время ее. Ни лака, ни ярких красок, ни хорошей обработки. Видите, сколько на ложке сколов и зазубрин? Это значит, что древесину не обработали как следует. Липа (а вырезают только из нее, потому что самая податливая и мягкая) должна отлежаться года два на открытом воздухе, а потом ее еще на год вымачивают в воде. Только тогда дерево становится нежным, как воск. Работать по нему – одно удовольствие. И когда вырезают будущую посуду – она еще белая, сырая. Так и называется: «бельё». Это уж потом ее грунтуют, «ва́пят» красной жидкой глиной – вапой, олифят, лудят алюминием и уж только потом по луженому слою кладут узор. А потом запекают в печах. И в них серебристый алюминий сразу становится золотым, а краски узора ярче. А уж потом лакируют, и появляется на свет то чудо, которое вы привыкли видеть. Но в войну какие уж там краски и лак… Самим бы уцелеть. А все-таки люди сберегли древний промысел, не дали ему угаснуть. А досталась мне эта ложка вместе с ножом от попа…

Павел Никанорыч отхлебывал из большой чашки и вещал словно былинный сказитель:

– Так вот, почти все ездили тогда диким образом. А тем более мне, молодому, неженатому еще, недавно окончившему училище, сам Бог велел! А что?! Приехал, поспрашивал людей на вокзале, кто где сдает комнату или дом, и поехал налегке. И на душе легко – все перед тобой, как на ладони, и думаешь, сколько еще интересных людей встретишь, сколько красоты вокруг увидишь. Когда молод и здоров – кажется, что и мир улыбается тебе.

Сказали мне, что в доме номер 4 по улице Демократической хозяин сдает комнату. Отправился я туда и все диву давался: дома старинные, деревянные, резные, есть и крепкие, есть и ветхие, покосившиеся, а названия улиц все как на подбор революционные: Трудовая, Демократическая, Чкалова, Чапаева.

Добрался до низенького – оконца чуть ли не в землю вросли! – домика, постучался в дверь. Вышел хозяин, и я чуть не отпрыгнул.

Поп! Щупленький, горбатый, седенький, хромой. Ряса по земле стелется, а трава около крыльца ему почти по пояс.

Попик словно из допетровских времен выступил – на голове высокая скуфейка и лицо такое строгое, иконописное, востроносое. Спрашивает и упирает на о:

– По какому вопросу пожаловали?

Объясняю все, как есть. Он смотрит на меня исподлобья и говорит так, словно тугую шкатулку растворяет – с придыхом.

– Пойдемте, покажу вам комнату. Возьму недорого – 15 рублей устроит вас?

Прикинул я: вроде нормально. Договорились.

И тут я заметил, что у него в руках болтается на цепочке вот этот самый нож золинген. Не по себе мне стало. А тут еще стемнело, и по полу синие тени пролегли. Половицы старые, скрипят, на них синий сумеречный свет, и поп этот с ножом так бесшумно двигается, словно плывет. Честно говоря – похолодело у меня внутри.

А хозяин, видно, почувствовал, поворачивается ко мне боком, так что одна сторона лица его освещена была, а вторая нет, да еще и подбородок выпятил – ни дать ни взять Иван Грозный, только низенький, хромой и горбатый!

Я напрягся, а он вдруг улыбнулся и снова как тугую шкатулку приоткрыл:

– Нож заметили? Вы не бойтесь. Это память и утешение мое. Друг, можно сказать. – И ласково погладил нож по рукоятке. – Садитесь, сейчас чай будем пить. Сахара, извините, нет, не употребляю, а вот мед настоящий липовый – сколько угодно. У меня позади дома улья стоят, так что мед свой.

Говорит так, а сам достает бесшумно самовар маленький, посуду. И тут я только заметил, что посуда у него деревянная. Кроме самовара железного, конечно. Чашки, ложки, тарелки, миски, даже чайник заварочный – все из дерева и украшено вот таким узором. – Павел Никанорыч указал на темную ложку.

Самовар засвистел. Хозяин ополоснул заварочный чайник, всыпал щепоть серого чая с какими-то травами и накрыл крышкой и полотенцем. Потом куда-то вышел и вскоре вернулся с большой миской меда.

– Угощайтесь. – Он придвинул ко мне чашку с чаем и тарелку. – Берите мед.

Сам он пил мелкими глотками, и на висках его выступили бисеринки пота.

– Нож этот мне от ребенка достался. Убило его на моих глазах. Не пожалел меня Бог – довелось увидеть такое... В июне 43-го, когда Горький[1] бомбили и удары пришлись по Сормовскому району (немцы все к заводу «Красное Сормово» подступались), в деревне Монастырка сгорели 80 домов. Разом. Пепелище одно было – черное, страшное.

Мне по сану и вере милостивым полагается быть и милосердие в других будить, но, ей-богу, никакого милосердия тогда я в своей душе не чувствовал, а только роптал на судьбу, что меня горбом наделила, и из-за этого я к военной службе непригоден. И только молиться могу, чтобы отвел Бог беду от нас.

Проходил я как-то мимо этого пепелища и вижу – стоит девочка лет четырех. В белой рубашке и легкой юбочке – лето ведь. Видно, место, где она стояла, – было ее домом когда-то, и она помнила об этом. У детей память короткая, но крепкая. Не всё запомнят, но если что зацепится в их голове – так уже намертво.

Как забрела сюда и откуда – неведомо. Может, спаслась случайно, гостила у кого-то, а как тут сейчас оказалась – Бог ее знает. И пока я со своим горбом и хромой ногой к ней ковылял, как около нее снаряд разорвался. Я на землю упал, а когда поднялся, ее уже не было. Девочки …

Доковылял я к этому месту, смотрю – в ручке зажата эта самая ложка – видно, ее была. И еще ножик вот этот немецкий. Наверно, кто-то из немцев обронил, а она нашла, и таскала с собой как игрушку. Открыть не смогла, по счастью. Хотя какое уже счастье…

И что удивительное – до этого Бог миловал – смерть вот так близко видеть не приходилось. А тут увидел и хоть бы что. Ни слезы, ни крика. Разжал я ей пальчики, взял ложку и ножик. И спокоен был. Никакого страха не было, что снова может снаряд разорваться и уже меня не будет.

А когда уже дома разглядел на этом ножике две детские фигурки, то зарыдал в голос. И все Бога спрашивал: «Отчего Ты дозволяешь, чтобы на оружии детские фигурки были, а живые дети погибают? Отчего, Господи? Какой у тебя в том резон?»

Не подобают священнику такие мысли. Не должен он сомневаться в справедливости Божьего промысла. Но я сомневался. Всей душой сомневался, всем существом своим. И не жалел об этом.

А потом, уже после победы, дал себе слово приумножать, сколько хватит сил, красоту на земле. Научился по дереву вырезать, киноварью и сажей узор наносить. Только вот блеска нет, ну, да и без него посуда в дело годится.

[1]Горький – ныне Нижний Новгород.

Ложечку девочки той я сохранил. Не касаюсь ее. Так и лежит у меня в дальнем углу комода. А ножиком и по сей день работаю. Вырезаю в свободное от служб время.

– Помирились с Богом? – спросил я.

Он подумал немного и скривился в улыбке:

– Я же Ему всю жизнь посвятил, куда от этого деваться… Смиряешься потихоньку. Только честно скажу, и Он это знает – не понимаю все равно. Как это можно, чтобы дети вот так ни за что ни про что погибали? Зачем же тогда им жизнь дарить? Сколько умных книг прочитал, все пытался сердце свое утИшить, но не понимаю. А теперь уже и поздно пытаться. Стар стал.

Он помолчал и вдруг спохватился.

– Да я вас заговорил совсем. Ложитесь, отдыхайте. Белье я вам свежее постелил, полотенце на спинке кровати, а умывальник и все прочее во дворе, если вдруг ночью понадобится. А я к себе пойду.

И что-то мне подсказывало, что не уснет он до утра, будет истово молиться перед образа́ми и искать ответа у них, у лохматой ели у окна, у звезды в небе: «За что, Господи, погибают дети?» И не образа́, ни ель, ни звезда не дадут ответа.

А наутро солнце наяривало вовсю!

– Вставайте, вставайте, – благодушно ворчал попик, и мне даже показалось, что ряса его стала светлее. – Умывайтесь, сейчас завтракать будем, я рыбы нажарил, лепешек испек, орехи есть, яблоки, мед. У нас места привольные, и Бог осени послал теплой. Успеете по лесу побродить, на красоту нашу полюбоваться. Никогда такого яркого октября не было, как сейчас.

– Видно было, что он искренне радуется постояльцу: соскучился по разговорам. Прямо, как я сейчас, – хитро щурился Павел Никанорыч. – И только об одном сокрушался, что я молодой, и мне с ним скучно будет. А я любил его слушать. Занятный был человек. И вырезать по дереву он меня научил. Все говорил: «Утешением будет. Красоту создавать – в радость»…

Тут Павел Никанорыч надолго умолкал и выпускал в потолок кольцо дыма. И смотрел, как оно увеличивалось, разрывалось и исчезало в воздухе. Собеседнику надлежало почтительно молчать.

– Дружили мы потом с этим попом, – как бы невзначай продолжал Павел Никанорыч. – Переписывались. Многому он меня научил. Как к жизни правильно относиться. Что ценить, а что забыть.

А спустя тринадцать лет получаю я бандероль с адресом: ул. Демократическая, дом 6. И подписано какой-то Еленой Васильевной. Открываю, а внутри письмо и тугой сверток.

В письме написано: «Я соседка вашего знакомого. Батюшка наш завещал вам это послать. Святой души человек был. Всем помогал. Дай Бог ему отдыха в Царстве Небесном».

А в свертке – ложечка деревянная, темная, вся в сколах и зазубринах, ножик этот золинген и записка:

«Это самое дорогое, что у меня есть. Вам – на память и в утешение. Сберегите. Храни вас Господь».

Вот и храню с тех пор. И в жизни стараюсь во всем красоту искать. Жизни ведь в любой момент может не быть. Так зачем же ее раньше времени убивать, судьбу дразнить? Хотя, конечно, унылому все скучно. Ему и писать не о чем, и радоваться нечему, и делать нечего от скуки. Только жить-то тогда зачем? Вы согласны со мною? Не отмалчивайтесь! Скажите, согласны?!

Собеседнику ничего не оставалось, как кивнуть. Мол, действительно, зачем?

И Павел Никанорыч торжествовал. Его правота всегда была незыблемой! Ну, а что против правоты возразишь?..

Красный граф

К 140-летию А.Н.Толстого

Эссе

В начале 40-х годов XX века тех, кто приезжал к писателю Алексею Николаевичу Толстому во флигель на Спиридоновскую улицу в Москве, встречал старый швейцар со словами: «Их сиятельства нет дома. Они уехали-с в горком по делам-с!»

Толстой – дворянин по рождению – умудрился не только не попасть под репрессии, но еще и занять высокое место в пролетарском обществе. Был он человеком на редкость противоречивым, поэтому и относились к нему полярно: одни любили, другие завидовали, третьи просто ненавидели и презирали. Ахматова, например, не удостаивала вниманием, Мандельштам вообще умудрился дать пощечину за сочувствие и преданность большевикам. Бунин на все лады издевался над прозвищем «Красный граф», данным Толстому по возвращении в СССР. И, тем не менее, все признавали, что он был писателем от Бога…

***

До 16 лет его звали Алеша Бостром. Он носил фамилию своего отчима и даже не подозревал, что его отец – граф Николай Александрович Толстой, четвероюродный брат Л.Н.Толстого и А.К.Толстого.

Историки до сих пор спорят, кто на самом деле был его отцом. Мать Толстого, писательница Александра Леонтьевна, чей прекрасный образ (а в молодости она была очень красива) с такой любовью выведен А.Н.Толстым в повести «Детство Никиты», приходилась дальней родственницей декабристу Н.И.Тургеневу. В 19 лет ее выдали замуж за графа Н.А.Толстого. Семейная жизнь не была счастливой. Н.А.Толстого все характеризовали как человека грубого и несдержанного и с сочувствием относились к молодой его жене. И, в конце концов, произошло то, что должно было произойти. На одном из рождественских вечеров в Самаре она встретила и полюбила земского чиновника Алексея Бострома. У Александры Леонтьевны уже было трое детей, и она ждала четвертого. Развод тянулся долго. 10 января 1883 года родился ребенок, а тяжба между супругами все длилась. Суд, в конце концов, принял сторону обманутого мужа, и детей присудили Николаю Александровичу. И Александра Леонтьевна, понимая, что может утратить и последнего ребенка, поклялась, что он сын Алексея Бострома! Однако граф-рогоносец в своем отцовстве не сомневался. Тем не менее, Александра Леонтьевна ушла к Бострому с десятимесячным Алешей, и ребенок был записан на фамилию отчима.

А дальше жизнь пошла своим чередом. Алексей Бостром окончил реальное училище в Самаре и отправился в Петербург. И тут Александра Леонтьевна, видимо, решив, что графский титул и фамилия помогут сыну больше, чем безвестная фамилия Бостром, начала хлопотать в суде о признании отцовства Николая Александровича. Тяжба эта завершилась успехом лишь в 1901 году, когда Алексею было 17 лет.

В Петербурге Алексей Толстой поступил в престижный Технологический институт. В свободное время писал стихи. А незадолго до защиты диплома бросил университет, чтобы целиком посвятить себя творчеству. В 1911 году у него уже был издан один роман – «Хромой барин» и несколько сборников сказок и рассказов. Пьесы шли в Малом Театре.

***

«Яблоко еще зеленое, прекрасный сорт, и, если не загниет раньше времени, то получится отличный апорт», – так метафорично охарактеризовал молодого Толстого маститый писатель В.Г.Короленко.

Апорт и в самом деле оказался отличным. В неофициальном табеле о рангах первым (непревзойденным по стилю) из писателей считался Иван Бунин, вторым – Алексей Толстой. И дело было не только в несомненном таланте, но и в колоссальном трудолюбии. Иван Бунин, весьма критически относившийся к Толстому (Иван Алексеевич был вообще остер на язык, и его характеристики окружающим особой добротой не отличались), отмечал: «В гостях Толстой напивался и объедался, по его собственному определению, «до безобразия», но, проснувшись на следующий день рано утром, обматывал голову мокрым полотенцем и тотчас принимался за работу. Работник он был первоклассный».

Работал Толстой всегда 6-7 часов в день беспрерывно, невзирая на самочувствие, настроение и недомогания. Причем проповедовал так называемый своеобразный кабинетный принцип «четырех столов»! И, естественно, больших кабинетов: надо же было где-то эти столы разместить!

Писал Толстой всегда стоя, за конторкой первого стола. Это была работа вчерне, так сказать, только скрепы, наметки будущего произведения. Затем переходил ко второму столу, где перепечатывал написанное на машинке. Потом садился за третий стол, где редактировал себя же! И это при том, что он обладал разборчивым, круглым, почти детским почерком! Но в этой схеме был определенный смысл.

Дело в том, что писатель всегда повторял: «Все, что написано мною, – гениально и исправлению не подлежит». Поэтому отпечатанное за вторым столиком он представлял, словно присланное от каких-то молодых авторов, творчество коих он, мэтр, должен отредактировать. При этом редактировал он якобы «присланное» от других, а на самом деле написанное самим собой, скрупулезно, яростно и безжалостно! За этой работой выпивал не менее 6-7 чашек крепчайшего черного кофе и выкуривал несколько трубок табаку, тоже крепкого. У него были три любимые трубки, и каждую из них в работе над правкой он набивал по три-четыре раза. На здоровье это, конечно, сказывалось не лучшим образом. Но отговаривать графа от принятого режима работы было бессмысленно. От отца, Николая Александровича, Алексей унаследовал буйную неукротимость нрава, и горе было тому, кто пытался ему возражать!

Отредактировав текст, он клал его на стол под стекло и опять шел к конторке создавать «скрепы и наметки».

Но оставался еще четвертый стол, пожалуй, самый волшебный. За ним Алексей Толстой, по собственному выражению, «галлюцинировал». Так он называл свой метод работы над персонажами и развитием сюжета. Он представлял своих героев настолько живо, что мог, как потом признавался, «даже подслушивать их». Для этого он окружал себя вещами той эпохи, в которой они жили. Так, при создании рассказа «Гобелен Марии-Антуанетты» его кабинет украшали предметы искусства в стиле рококо. Но больше всего в кабинете писателя было предметов, связанных с его любимым героем – Петром Первым.

Алексея Толстого даже называли «помоечником» или «папой Карло» в хорошем смысле этого слова. Он мог, вальяжно прогуливаясь по барахолкам, углядеть какую-то совсем невзрачную, ломано-штопано-погнутую вещицу и принести ее домой. И оказывался: XVIII, а то и XVII век! А благодаря своему техническому образованию граф мог реставрировать и даже буквально возрождать старые вещи! Практически вся мебель в Доме-музее А.Н.Толстого на Спиридоновской улице отреставрирована руками хозяина!

Когда началась Первая мировая война, Алексей Толстой как военный корреспондент отправился на фронт, а, вернувшись в Петроград, несколько месяцев страдал бессонницей. Ему все время чудились горы трупов. В Петрограде он застал революцию, которая тоже потрясла его своим хаосом и кровожадностью. В 1918 году Толстой фактически бежал за границу, где начал писать знаменитую трилогию «Хождение по мукам».

Работы за границей не было, писатель перебивался случайными заработками, денег не хватало, а слава тоже не торопилась посетить его. И тогда, по совету Максима Горького, Толстой решил попросить прощения у новой власти и вернуться на Родину. Она встретила его, правда, не расстеленными красными ковровыми дорожками (не до них молодой стране было), но хорошо и дружелюбно.

По приезде сразу Толстой нашел себя как писатель в жанре … фантастики. И опять его выручило техническое образование, основы которого он получил в Петербурге. Оно помогло ему при написании «Гиперболоида инженера Гарина» и «Аэлиты» – произведений, во многом аллегоричных, не совсем понятых и прочувствованных, но при этом настолько популярных, что в 1924 году режиссер Яков Протазанов снял по «Аэлите» одноименный фильм.

***

Талантливый человек талантлив во всем. Алексей Толстой был еще и невероятно страстным жизнелюбом. Так, оригинально, например, он утешал коллегу Михаила Булгакова в его жизненных передрягах: «Жен надо менять, батенька! Чтобы быть настоящим писателем, нужно жениться, как минимум, три раза!»

Сам граф Алексей Николаевич был женат четыре раза!

В 19 лет он женился на Юлии Рожанской, которую знал еще с Самары. Крепкая, статная (настоящая кровь с молоком!) невеста была в интересном положении и через три месяца подарила графу Алексею Толстому сына Юрия (1903-1908 гг.).

Все бы ничего, как говорится, живи и радуйся, но Алексея все больше стала охватывать тоска – быт и скука засасывали...В конце концов молодой граф не выдержал, сбежал от семьи в … Дрезден приобщаться к мировой культуре. А вернулся с новой возлюбленной – художницей-модернисткой Софьей Дымшиц. Она была тоненькая, хрупкая, изящная, как статуэтка, и говорила всегда чудесными неизбитыми метафорами. Так, например, капли дождя у нее были следами от босых ножек гномов, что весело шлепают по лужам. Поэтическое сердце Алексея Толстого было очаровано и счастливо! Вскоре Соня родила дочь Марианну. Жизнь потекла размереннее и… скучнее. Босые ножки гномов больше не шлепали по лужам, по ним просто ударяли капли дождя, лопаясь большими пузырями...

Дочку отдали бабушке, Соня уехала в Париж совершенствоваться в живописи, а когда вернулась, у Алексея был уже в разгаре новый роман. Он влюбился в замужнюю даму, поэтессу Наталью Крандиевскую-Волькенштейн. Граф Алексей Николаевич как лихой гусар отбил даму у мужа, женился на ней и усыновил ее ребенка. Впоследствии в браке родились еще два сына: Никита (тот самый, кому была посвящена повесть «Детство Никиты») и Дмитрий. Брак с Натальей Крандиевской продлился дольше и счастливее прочих, но и он не стал последним.

Четвертой (с октября 1935 года) и последней женой писателя стала ослепительная молодая красавица Людмила Кристинская-Баршева, пришедшая в дом Толстых в качестве секретарши в августе 1935-го.

И все жены – умные, тоже очень талантливые и очень красивые – обожали его. Талант притягателен…

В доме на Спиридоновке есть его портрет, написанный второй женой – Софьей Дымшиц. Есть в Доме-музее и портрет третьей жены графа – Натальи Крандиевской. Именно ее черты преломились в образах сестер Кати и Даши Булавиных в «Хождении по мукам». Наталья Крандиевская была прекрасной поэтессой, к сожалению, сейчас незаслуженно забытой. А в свое время ее творчество высоко ценили и предрекали ему большое будущее и Бунин, и Бальмонт, и Брюсов. Просто она, как это нередко бывает с талантливыми женами талантливых мужей, выйдя замуж за Толстого, ушла в тень, искренне полагая, что его слово в литературном мире гораздо ценнее и выше, чем ее.

А другая известная литературная героиня – девочка Мальвина из сказки про Буратино и Золотой ключик – образ собирательный. Кстати, Толстой решительно отверг идею простого перевода сказки Карло Коллоди и, сказав: «Переводить длинно, скучно, нудно. Попробую написать на основе Пиноккио новую сказку», создал свою бессмертную сказку. Считается, что одним из прототипов Мальвины была знаменитая роковая красавица Тимоша – Надежда Алексеевна Пешкова, сноха Максима Горького. В нее, яркую, улыбчивую, манящую, якобы страстно был влюблен женатый Алексей Толстой. По другой версии, прообразом «Девочки с голубыми волосами» стала Анна Ахматова, у которой с Алексеем Николаевичем были оче-е-ень сложные отношения. Более того, перешептывались, что Толстой коварно спародировал в образе Мальвины постоянную привычку Анны Андреевны поучать и назидать. «Мальчики, немедленно мыть руки и чистить зубы!», «Кто вас только учит, скажите, пожалуйста?!», «Итак, у нас сейчас урок чистописания. А сейчас – арифметики», – эти реплики Мальвины от Ахматовой.

И, тем не менее, как бы презрительно ни относились к «красному графу» его бывшие коллеги по литературному цеху из той, еще дореволюционной жизни, но справедливости ради надо сказать, что он многим помогал, за многих заступался, и благодаря ему многие деятели культуры не были репрессированы. Той же не любящей его Ахматовой он помог с изданием сборников ее стихов. «Выбивал» для других прибавки к пайкам, ходатайствовал об улучшении жилищных условий.

Во время Великой Отечественной Толстой вновь отправился на фронт как военный журналист. Именно ему приписывают авторство лозунгов «За Родину!», «За Сталина!», «Ни шагу назад». Все это были названия его статей, которые потом стали названиями транспарантов и плакатов.

«Красный граф» не дожил до Победы всего три месяца. За несколько дней до смерти в его дневнике появилась запись, невероятно точно характеризующая этого непростого и такого обаятельного человека:

«Смерть вплотную подступила ко мне. А я все еще хочу устроить на свой день рождения веселый пир, где будет много озорства и беспечности!»

***

Корней Чуковский вспоминал о нем:

«Он был…человеком, который, как чудилось мне, не выносил тяжелых впечатлений и малодушно отгонял от себя всякие безрадостные мысли о неприятностях, болезнях и смертях, когда смерть вплотную подступила к нему, встретил ее без жалоб и стонов, мужественно скрывая свою боль от других.

… И остался верен себе: за несколько недель до кончины, празднуя день рождения, устроил для друзей веселый пир, где много озорничал и куролесил по-прежнему, так что никому из его близких и в голову прийти не могло, что всего лишь за час до этого беспечного пиршества у него неудержимым потоком хлынула горлом кровь.

… Походка его была такая ленивая, спокойная, барственная. В нем было много импозантного, именно барственного…»

Граф…

Рассказывали, что на дверях его дома была прибита табличка с надписью: «Гр.А.Н.Толстой». И хоть осторожные друзья не раз советовали ему убрать сокращенное слово «Гр.» (граф), он вальяжно отшучивался:

– А где сказано, что «гр.» – это «граф»? Может, это «гражданин»? Вы что, против советских граждан?!

И похохатывал, лукаво улыбаясь…

Так и жил, не снимая табличку с двери. А кто там «Гр.» – «граф» или «гражданин», каждый понимал по-своему…

Вместо послесловия. Поставила последнюю точку в эссе про «Красного графа», и вспомнилось мне стихотворение Юрия Левитанского, написанное в 1983 году. Жаль, что Алексей Николаевич не дожил до своего столетия и не смог прочитать его. Оно бы пришлось ему по душе:

Я, побывавший там, где вы не бывали,
я, повидавший то, чего вы не видали,
я, уже *т а м* стоявший одной ногою,
я говорю вам – жизнь все равно прекрасна.

Да, говорю я, жизнь все равно прекрасна,
даже когда трудна и когда опасна,
даже когда несносна, почти ужасна –
жизнь, говорю я, жизнь все равно прекрасна.

Вот оглянусь назад – далека дорога.
Вот погляжу вперед – впереди немного.
Что же там позади? Города и страны.
Женщины были – Жанны, Марии, Анны.
Дружба была и верность. Вражда и злоба.
Комья земли стучали о крышку гроба.
Старец Харон над темною той рекою
ласково так помахивал мне рукою –
дескать, иди сюда, ничего не бойся,
вот, дескать, лодочка, сядем, мол, да поедем...

Как я цеплялся жадно за каждый кустик!
Как я ногтями в землю впивался эту!
Нет, повторял в беспамятстве, не поеду!
Здесь, говорил я, здесь хочу оставаться!

Ниточка жизни. Шарик, непрочно свитый.
Зыбкий туман надежды. Дымок соблазна.
Штопаный-перештопаный, мятый, битый,
жизнь, говорю я, жизнь все равно прекрасна.

Да, говорю, прекрасна и бесподобна,
как там ни своевольна и ни строптива –
ибо к тому же знаю весьма подробно,
что собой представляет альтернатива...

Робкая речь ручья. Перезвон капели.
Мартовской брагой дышат речные броды.
Лопнула почка. Птицы в лесу запели.
Вечный и мудрый круговорот природы.

Небо багрово-красно перед восходом.
Лес опустел. Морозно вокруг и ясно.
Здравствуй, мой друг воробушек,
с Новым годом!
Холодно, братец, а все равно – прекрасно!

При написании эссе были использованы воспоминания об А.Н.Толстом, книга «Современники» Корнея Чуковского, книга А.Н. Варламова «Алексей Толстой» М., 2008. (Жизнь замечательных людей).

Автор приносит искреннюю благодарность за предоставленные материалы.

Эффект невозмутимого лица

«Горьким словом моим посмеются» (Иеремия 20:8)

Имя поэта-пародиста Александра Иванова было знакомо многим, рожденным в СССР. Постоянный ведущий программы «Вокруг смеха» одним своим появлением на экране дарил хорошее настроение и вызывал на лицах улыбку.

Его эпиграммы, довольно хлесткие и желчные, люди цитировали как анекдоты, а поклонники и особенно поклонницы были готовы носить своего кумира на руках, что, скорее всего, не вызвало бы особой трудности: Александр Иванов был неимоверно худ, высок ростом и строен. Его даже за глаза иногда называли перпендикуляром. По иронии судьбы это прозвище соответствовало ему, как никакое другое: ведь в молодости Александр Александрович был преподавателем черчения.

Он был колючим, язвительным, очень замкнутым и невероятно честолюбивым человеком. У него должно было быть только самое лучшее. Он, например, гордился тем, что у него жена-красавица, ему льстило, что его цитируют, а его ироничной манере держаться подражают. И, тем не менее, он называл свою жизнь «беспардонной пародией».

***

…Москва. 1992 год. Спорткомплекс «Олимпийский». Книжный рынок, на который по выходным съезжалось много народу. Один из продавцов неизменно привлекал к себе внимание. Высокий, невероятно худой, он прятал лицо под кепкой и явно кого-то напоминал. На него недоуменно косились и шептались: «Он? Не он? Неужели?»

В изможденном и неряшливом человеке с трудом можно было узнать популярного телеведущего Александра Иванова…

Он стал за прилавок не по прихоти творческого человека, не из желания «быть поближе к народу» и узнать новые языковые перлы. Причина была куда прозаичнее – безденежье. Семья юмориста едва сводила концы с концами. И это при том, что недавно он был более чем обеспеченным человеком. Звезда экрана, поэт, юморист.

Программу Вокруг смеха» смотрела вся страна. Появление ее в эфире прославило Иванова. 18 октября 1978 года в 7 часов вечера перед голубыми экранами собрались многочисленные телезрители Советского Союза. На первой программе Центрального телевидения появился весьма колоритный ведущий новой передачи.

По задумке сценаристов, зрителей должны были веселить не только кинозвезды. Конкуренцию им составляли авторы юмористических скетчей и миниатюр. Но в успехе передачи никто не был уверен. Авторы в отличие от кинозвезд не являлись мастерами художественного слова и не владели даром риторики. Кто-то гундосил, кто-то шепелявил, кто-то обладал скрипучим неприятным голосом, кто-то гнал речь скороговоркой, как, например, Жванецкий. И, тем не менее, появление новых лиц на экране вызвало восторг у публики.

Для сотрудника «Литературной газеты» Александра Иванова роль ведущего стала дебютом. Она выпала ему по случайности.

Ведущим должен был быть прекрасный импозантный артист Ростислав Плятт, но он неожиданно заболел. Времени на поиски нового ведущего не было, и на эту роль позвали одного из авторов-юмористов. А после эфира стало ясно, что Плятту в передаче делать нечего. Она уже обрела великолепного ведущего – тонкого (в прямом и переносном смысле), саркастичного, элегантного и очень харизматичного. На следующее утро Иванов проснулся знаменитым!

***

Он родился в Москве в семье художников 9 декабря 1936 года. После школы поступил на факультет рисования и черчения Московского пединститута. По окончании вуза преподавал в столичном индустриальном техникуме, где ученики и дали ему прозвище «Перпендикуляр». И так бы и остался Александр Иванов преподавателем, не появись у него тайной страсти. Он сочинял стихи. Писал, как говорится, «в стол», пока совершенно случайно не открылся его талант пародиста.

В середине 60-х воздух был напоен свободой! Кругом царила атмосфера хрущевской оттепели. Писать стихи стало модным, редакции были буквально завалены творениями поэтов и писателей всех мастей. Но издавали не всех. Тогда по рукам стали ходить самиздатовские сборники. Один из них однажды попал в руки Иванову. Качество стихов настолько оставляло желать лучшего, что он не удержался: сочинил пародию и ради шутки прочел ее в компании друзей. Сквозь хохот расслышал слова: «Позабористей будет «Литературки».

Напророчили! Вскоре Иванов отправил свою пародию в «Литературную газету». Ее сразу приняли в печать, а Иванову предложили сотрудничество.

После этого у Иванова всегда в заднем кармане брюк были тоненькие книжки неизвестных поэтов. Он брал навскидку любые строчки и начинал сочинять пародии.

В 1968 году вышел первый сборник пародий Александра Иванова «Любовь и горчица». Новинку расхватали с книжных прилавков за считанные дни. Ею зачитывались, хохотали над ней. Автора стали узнавать.

В коммунальной квартире, где долгое время жил Иванов, он прослыл затворником. Ни с кем не водился, гостей приглашал редко, общался только по необходимости. Никто не мог назвать себя его близким другом, только приятелем.

В 1970 году судьба преподнесла ему еще один подарок – съемки в эпизоде детского фильма «Тайна железной двери». Он сыграл там милиционера и был до невозможности похож на книжного Дядю Степу!

Постепенно пришла популярность. Иванов сменил не только профессию, но и привычки, часто выезжал к морю. В одной из таких поездок на крымском побережье он познакомился с эффектной красавицей по имени Эля. Александр был сражен яркой красотой южанки и сразу же предложил переехать к нему в Москву. Как признавался позднее, предложение сделал весьма оригинально, сразу взяв быка за рога:

– Девушка, выходите за меня замуж. Я увезу вас в Москву и представлю высшему обществу!

Из отпуска он вернулся обладателем полноценной семьи: с любимой женщиной и ее сыном-подростком. И еще более вознесся! Жена-красавица, сын-умница, сам удачлив и успешен! Но это не была чванливая спесь, скорее удовлетворенное детское честолюбие. Не заносчивость, а именно вознесенность. Он не подчеркивал дистанцию между собой и старыми приятелями, просто стал более значительным. А это ему очень нравилось!

Казалось бы, счастье в личной жизни должно было сделать его со временем более открытым и внимательным к окружающим. Но вышло наоборот. Люди словно были по одну сторону жизни, он – по другую. Поэтому и узнал последним: Эля ему неверна, в его отсутствие встречается с другими мужчинами, ищет более успешного кандидата в спутники жизни.

Обман раскрылся на дне рождения Эли. К столу напросился один из соседей, а когда алкоголь развязал язык, сообщил Иванову правду. Разразился жуткий скандал, и в пылу ссоры женщина высказала мужу все: и что характер у него не сахар, и что она вообще никогда его не любила, а на переезд в Москву согласилась только потому, что надеялась поискать здесь другого мужа. Иванов выкинул вещи жены на улицу и ушел… в первый в жизни запой.

Несколько лет после разрыва он избегал любого общения с дамами. Спиртное стало для него насущной потребностью. Спиртное и работа…

В 32 года его приняли в Союз писателей. Он стал профессиональным литератором, первым в стране поэтом-пародистом, основателем нового жанра литературной пародии, причем его творения были куда лучше и изящнее первоисточника:

Пародист усталости не знает.
Пишут все. А он один читает
Горы графоманской чепухи.
Легче быть, наверно, землекопом,
Сутками сидеть над микроскопом,
Нежели всю жизнь читать стихи.

В коммуналке на Ленинском проспекте, где в то время жил Иванов, и там, и сям валялись поэтические сборники. Он скупал их пачками в книжных магазинах – ведь это была мука и вода для его хлеба пародиста.

Ты пиши, пиши, пиши,
Сочиняй весь век,
Потому что пародист
Тоже человек.
Он не хочет затянуть
Туже поясок.
Для него твои стихи –
Хлебушка кусок.

Через год вышел его новый сборник «Смеясь и плача». Поэта продолжали печатать на 16-й полосе «Литературки», в рубрике «Клуб 12 стульев». Но истинная слава Александра Иванова была еще впереди.

В начале 80-х годов на экране не было популярнее передачи, чем «Вокруг смеха». Может быть, немного с ней могла соперничать «Кинопанорама» и «Что? Где? Когда?» Но по жанру «Вокруг смеха» не было конкурентов. КВН, столь любимый в 60-е годы, был закрыт по цензурным соображениям. Слишком смелыми и острыми показались шутки. В пору обострения отношений с Польшей была закрыта передача «Кабачок 13 стульев». На этом фоне передача «Вокруг смеха» явилась отдушиной для советских граждан.

Кроме ежемесячного выпуска «Вокруг смеха», к эфиру готовятся специальные, приуроченные к Новому году, Восьмому марта, Седьмому ноября. Сколько артистов стали узнаваемыми благодаря ей: Александр Филиппенко с юмореской Жванецкого, Татьяна Догилева, Любовь Полищук, Леонид Ярмольник с номером «Цыпленок табака», Вячеслав Полунин с номером «Асисяй». В передачу впервые пришли со своими скетчами и эпиграммами Аркадий Арканов, Григорий Горин, Михаил Жванецкий, Михаил Задорнов. Телезрители впервые услышали в ней Надежду Бабкину и Александра Розенбаума. А на уже известных исполнителей Александр Иванов писал эпиграммы, сразу разлетавшиеся в народ. (Кстати, последним самородком, которого открыла «Вокруг смеха», был Михаил Евдокимов. Его пригласили на передачу из Барнаула, где он был... заведующим столовой).

Юмор в программе «Вокруг смеха» был высокой пробы. Пошлости не допускали. Это было исключено. Но цензура шуток была строжайшая.

Так, например, если цензура говорила, что про продукты не должно быть произнесено ни слова, то это должно было выполняться неукоснительно.

Иногда доходило до абсурда.

То есть, если было предписание: ни слова о мясе или молоке, то конферансье могли вызвать к руководству телевидения и распекать его примерно в таком духе:

– Почему вы сказали о мясе? Вам же было велено ни слова о продуктах!

– Я? О мясе? Когда?!!

– Ну, как же. Вот на 37-й минуте вы сказали фразу: «Вернемся к нашим баранам», то есть косвенно обмолвились про источник питания.

Создатели программы ходили по острию ножа. Иногда даже невинные намеки вызывали подозрение. Только ведущему позволялось практически все. Коллеги с юмором отзывались об этом факте так: «Эффект невозмутимого лица». Пародист вещал о недостатках в обществе с той же серьезностью, что и высокое начальство на пленумах. Иванов стал шоуменом задолго до распространения этого слова в информационном пространстве.

Он был интересен тем, что был необычен. Худой, длинноволосый, с вислыми усами, но при этом в костюме с иголочки, он выделялся своим шармом и импозантностью. Доходило до того, что заурядное имя и фамилию Александр Иванов принимали за псевдоним и на концертах настойчиво просили пародиста раскрыть свое настоящее имя.

Александр Иванов сидел за низким журнальным столиком телестудии «Останкино» и время от времени вальяжно объявлял выступающих. Рядом художник рисовал шаржи на исполнителей. Но из зрительного зала и по ту сторону экрана иногда казалось, что пародист скучает. И нередко это было правдой. Сан Саныч, как ласково называли его знакомые, не очень любил сценарную часть программы, отбывал ее как повинность. И по-настоящему оживал, только когда выходил со своими пародиями. Тут ему не было равных.

Многие поэты мечтали попасть в пародии к Иванову. Для них это была своеобразная путевка в большую литературу, лучшая реклама. Почтальоны пачками носили Иванову посылки со стихами. Некоторые авторы лично дарили сборники своих стихов пародисту. Да еще и отмечали карандашом строки, которые, по их мнению, лучше подходили для пародий.

На острый язык Иванову попадались и маститые поэты. Вознесенский, Доризо, Евтушенко, Искандер, Дементьев – кто только ни становился объектом искрометных и хлестких пародий.

Чего стоит, например, хотя бы пародия на подчас заумные стихи Андрея Вознесенского:

Беру трагическую тему
и окунаю в тему темя,
дальше начинается невероятное.
Вера? Яд? Ной? Я?
Верую!
Профанирую, блефуя!!!
Фуй…

Чихая нейлоновыми стрекозами,
собаки планируют касторкой на вельвет,
таракашки-букашки кашляют глюкозой.
Бред? Бред.
Пас налево. Семь треф. Шах!
Мыши перламутровые в ушах.

– БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД, БРЕД.

Реакция маститых была неоднозначной. Андрей Дементьев, например, поблагодарил передачу «Вокруг смеха» за дополнительный тираж сборника стихов! А задетый за живое поэт и писатель Фазиль Искандер ответил эпиграммой, которую сам Иванов считал лучшей из написанных в свой адрес:

Скорбен лик у Иванова,
Хоть пиши с него святого.
Благодушен в скорби он,
Как весенний скорпион.

Однажды на гастролях в Иркутске к Сан Санычу ворвалась экзальтированная дама, оказавшаяся учительницей русского языка и литературы. Она в самых пылких выражениях поблагодарила пародиста за творчество, а потом подсунула ему тоненькую брошюрку, сказав, что это самая низкосортная графомания и тут для Иванова непочатый край для работы. Александр, не глядя, схватил брошюрку и только на следующий день увидел на обложке имя автора: Даниил Хармс! (*Даниил Ива́нович Хармс (настоящая фамилия Ювачёв) 1905-1942) – русский и советский писатель, поэт и драматург.* – **Л.Б.**)

С концертами Иванов гастролировал по всей стране. И после них, как водится, почти всегда случались застолья. Окончить день дозой спиртного вошло в привычку. Впрочем, это было не ново для него. Когда-то спиртное помогло ему справиться с жесточайшей депрессией.

После одного из концертов в Ленинграде застолье в Доме литераторов посетила восходящая звезда Мариинского театра балерина Ольга Заботкина.

Как вспоминали друзья и знакомые, у нее был облик советской отличницы-красавицы. Целеустремленный взгляд, твердый маленький подбородок, широкий лоб, косы, уложенные короной вокруг головы. Небольшого роста, но очень ладная. О таких иногда говорят: «маленький монолит». Ей, кстати, довелось сыграть главную героиню в фильме «Два капитана» (1955 год) – Катю Татаринову, и эта роль как нельзя лучше соответствовала характеру актрисы, что называется, «легла на нее».

Ее окружали самые роскошные мужчины страны. Богемный мир, затаив дыхание, следил за ее бурным романом с Алексеем Баталовым, а потом долго судачил об их расставании.

Ради Оленьки Заботкиной Иванов оставил пагубную привычку. Как ему казалось, навсегда. Чудесный «маленький монолит» обещал надежную спокойную жизнь и долгое счастье. Но главным оружием за сердце Ольги было его искрометное перо.

Иванов решил переехать в Ленинград, чтобы быть ближе к любимой. Ухаживал шикарно – слава Богу, было на что. Заваливал цветами и подарками. Злые языки шептались: роман с Ивановым – это месть Заботкиной Баталову. Но Ольга почувствовала: Александр ее любит по-настоящему, и сердце ее дрогнуло.

Успех в личной жизни совпал с взлетом в карьере. Вскоре после знакомства с Ольгой Александра пригласили принять участие в первом выпуске «Вокруг смеха». Теперь уже балерина сделала благородный жест – покинула сцену и уехала вслед за мужем в Москву. В 80-м, через два года после знакомства, они сыграли пышную свадьбу.

Ольга была красавицей, очень обаятельной, прекрасной хозяйкой. Кроме того, она серьезно следила за имиджем мужа, выбирала ему костюмы, галстуки, сорочки. И надо сказать, что учеником Иванов оказался на редкость талантливым. Он потрясающе, даже как-то музыкально умел носить вещи, а вместе с тщательно уложенной прической облик получался сногсшибательным: красивый, элегантный мужчина! Ольга всегда с гордостью говорила: «Я жена Сан Саныча Иванова». Ей нравилось находиться в тени знаменитого мужа, а он светился от счастья.

Они купили квартиру в престижном доме около метро «Аэропорт». Ольга Заботкина (вот уж, действительно, говорящая фамилия) заботливо и изысканно обставила ее. Оба мечтали о детях. Но вердикт от врачей был безжалостен: детей им иметь было не суждено. Всю нежность они отдали питомцам – котам и собакам.

Ольга стала, что называется, тенью мужа, его серым кардиналом. Ее так и называли друзья семьи. Она не пропускала ни одной записи «Вокруг смеха», сопровождала мужа на гастролях, присутствовала на всех посиделках вместе с ним. Была начеку. Подвыпивший Сан Саныч мог покачиваясь переходить от столика к столику и приставать к людям с невнятными разговорами. Жене приходилось идти на уловки, чтобы избежать скандала. Однажды она вызвала даже «скорую», чтобы увезти захмелевшего мужа в гостиницу. Для Иванова невинное застолье могло вылиться в запой.

В семье постепенно назревал скандал. Сан Саныч начал упрекать жену в чрезмерной бережливости, даже скупости. Она не позволяла ему шиковать, покупать вещи в дорогих магазинах. Он вынужден был шить костюмы у портных Литфонда строго в порядке очереди, но при этом с большими скидками. Ездил на метро, а не на такси. Причина такой экономии была проста и горька: Ольга не давала ему денег в руки, чтобы он не потратил их на выпивку.

Семейная жизнь с царственной красавицей больше не приносила ему ту радость, о которой он мечтал в первые дни брака. В начале 90-х пришла новая беда: Иванов остался без работы. Передаче с ее тонким интеллигентным, лишенным всякой пошлости юмором, нелегко было вписаться в современный грубый мир.

Когда замаячил вопрос о закрытии передачи, Иванов был встревожен, но не запаниковал. Был уверен, что возможности есть, просто надо искать, экспериментировать. Но, несмотря на все его усилия, передачу все же закрыли.

Последний выпуск «Вокруг смеха» с легендарным ведущим Александром Ивановым вышел в свет осенью 91 года.

Словами *«Прощайте. Не поминайте лихом. Вспоминайте хоть иногда»*, сказанными как будто в шутку, Сан Саныч попрощался со зрителями. Никто в зале и не понял, что эти слова были произнесены всерьез и навсегда.

Начало 90-х с бешеным ростом цен, ваучерной вакханалией, призывами к забастовкам, нескончаемыми и путаными финансовыми пирамидами требовало нового юмора. Вчерашние нарядные, доброжелательные зрители, ценившие тонкий юмор и изящный сарказм, теперь трудились на двух или трех работах, приходили домой измочаленные. Им не нужны были изысканные грани иронии, им надо было бездумно посмеяться и сбросить с себя тяготы дня. Своего рода душевный душ, смывающий усталость.

Передача «Вокруг смеха» больше не отвечала потребностям зрителя. На смену ей пришли сериалы про бандитов, бразильское мыло, программы бесчисленных целителей, заряжающих через экран воду и излечивающих все недуги. Может быть, единственным светлым пятном среди этого низкопробного ширпотреба явились «Петербургские тайны», 1994 года. Не сериал, а действительно добротный многосерийный художественный фильм с хорошей актерской игрой и продуманным сюжетом.

Денег катастрофически не хватало. Книжный рынок в Олимпийском, куда Иванов ходил как на работу, его сборники пародий покупали все меньше. Стоило на какое-то время выпасть из поля зрения публики, не появляться на экране, как о нем и о передаче стали забывать. Ущемленное самолюбие (и честолюбие) Иванов по привычке топил в алкоголе. Но, помимо зеленого змия, Сан Саныч решил еще удариться в политику. Литературные пародии сменились политическими памфлетами. Поэт стал борцом за перестройку, причем вел борьбу оригинальным способом – писал политические пародии на тогдашних партийных лидеров, считая это лучшим средством выражения собственной общественной позиции.

Иванов пришелся ко двору новой власти. Познакомился с Ельциным, стал доверенным лицом первого мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака.

Но, уйдя в политику, Иванов утратил очарование своего литературного творчества прошлых лет. Жанр литературной пародии, взлелеянный им, умер еще при его жизни. Он остался первым и единственным поэтом-пародистом СССР.

Наградой за верность новой власти стали щедрые гонорары. Иванов смог приобрести виллу в Испании. Но возврат к бывшей роскоши обострил пагубную привычку – любовь к зеленому змию. И как следствие – резкое ухудшение здоровья. Невозможно было без комка в горле смотреть на одно из последних его появлений на экране – в передаче, посвященной Кларе Новиковой. На кухне у знаменитой юмористки некогда известный ведущий ел борщ и выглядел при этом так, что Клара Новикова, словно на минуту забыв, что стоит перед камерой, жалостливо наклонилась над Ивановым и почти шепотом спросила: «Еще подлить?»

Ольга Заботкина не оставила мужа в трудный час. Ее усилиями у Иванова были периоды трезвости. Это продлевало ему дни и давало возможность выступать перед зрителями до последнего дня.

В июне 1996 года в разгар президентских выборов Иванова пригласили в Москву выступить в поддержку Бориса Ельцина. Сан Саныч оставил жену в Испании и поехал один. Правда, поговаривали, что причиной его отъезда был якобы звонок от «друзей» с известием о присуждении ему Госпремии. Такая вот злая шутка…

Никакой Госпремии, конечно, не было. Но вдали от «маленького монолита» Сан Саныч сразу же ушел в тяжелый запой. И сердце не выдержало.

12 июня 1996 года в номере гостиницы «Россия» Александра Иванова не стало. Ольга срочно вылетела в Москву для организации похорон. В это время кто-то проник на их виллу в Испании и выкрал весь архив поэта. Все то, что он писал для себя…

Только после смерти юмориста стало известно – он с юности писал лирические стихи. Только все это после кражи на испанской вилле было утрачено. Во всяком случае, не опубликовано под именем автора – Александра Александровича Иванова, бессменного ведущего передачи «Вокруг смеха», одного из светлых островов нашей памяти.

P.S. Ольга Заботкина пережила мужа на пять лет. Последние несколько лет сильно болела, почти не выходила на улицу, никого не приглашала к себе. «Я не хочу, чтобы вы меня такой видели», – отвечала друзьям по телефону. Ее не стало 21 декабря 2001 года. Желала быть упокоенной в родном городе – Санкт-Петербурге. Так и поделили они с мужем две столицы: он в Москве, она – в Санкт-Петербурге.

Примечание: При написании статьи были использованы источники: «Не писал стихов – и не пиши» Слава и падение пародиста Александра Иванова»; «Смерть на дне стакана...» ivanov-portal.ru. и «Жизнь и смерть Александра Иванова». А также стихи-пародии самого А.А.Иванова. Автор приносит благодарность за использованные материалы.

КОГДА МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ…

Несмотря на тяготы военного времени, писатели, поэты, издатели Украины продолжают работать, осуществлять интересные проекты, в том числе в сфере азербайджано-украинских литературных связей. И в этом важном процессе им, по уже сложившейся традиции, активно помогает посольство Азербайджана в Украине.

За предыдущие два с половиной года посольством Азербайджана в Украине проделана громадная работа. Это и экономические, и культурные, и образовательные, и просветительские программы. Ценность всех этих проектов – в простой и доступной форме подачи материала для большой аудитории, которая впервые и по-настоящему открывает для себя и страну под названием «Азербайджан», и азербайджанский народ. В самый разгар пандемии сотрудники нашего посольства во главе с послом Эльмирой Ахундовой осуществили перевод на азербайджанский язык сборника «Ходжалы. Хроника геноцида», а также рассказов и повестей о первой Карабахской войне – «Байрактар».

В этом году литературные связи обогатились сразу несколькими знаковыми проектами.

Так, в популярном украинском журнале мировой литературы «Всесвіт» (Вселенная) в номере 1-6 вышла солидная подборка стихотворений азербайджанских поэтов. Подзаголовок – «Как страдает высохшее устье реки – спроси у ручья непокоренного» взят из стихотворения великого азербайджанского поэта Расула Рза. Его стихи перевела Анна Малигон. В подборку также включены поэтические произведения Вагифа Самедоглу и Нурангиз Гюн в переводе Леси Мудрак, Гулу Агсеса и Салима Бабуллаоглу в переводе Игоря Павлюка.

А если учесть, что в конце прошлого года в газете «Адабият» целая полоса была отведена переводам стихотворений украинских поэтов на азербайджанский язык, то можно утверждать, что поэтические связи двух братских литератур находятся на высоком уровне культурного и творческого взаимодействия.

Второй знаковый проект – издание на украинском языке второго и третьего тома романа-эпопеи Народного писателя Азербайджана Эльмиры Ахундовой «Гейдар Алиев. Личность и эпоха» – «Кремлевская пятилетка», осуществленный издательским домом Дмитрия Бураго, который объединил коллектив высокопрофессиональных переводчиков и редакторов под руководством профессора В.М.Брицына. По глубочайшему убеждению Дмитрия Сергеевича Бураго, *«мы должны изучать нашу общую историю, чтобы избежать трагических ошибок в будущем. А личность и путь Гейдара Алиева, надеюсь, будут служить примером для многих поколений политиков нашей страны»*.

В период 44-дневной Отечественной освободительной войны посольством были установлены в Харькове памятник Низами Гянджеви и скульптурная композиция из трех фигур: украинского философа-просветителя Григория Сковороды, азербайджанского писателя-просветителя Мирзы Фатали Ахундова и казахского поэта-философа Абая Кунанбаева (подробнее см. «Литературный Азербайджан» №12, 2022 год).

Открыли аудиторию и установили барельеф первого посла АДР в УНР Ю.В.Чеменземинли в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, перевели его книгу «Студенты», о жизни и деятельности азербайджанского студенчества в период 1905-1920 гг. Кроме того, совместно с Конгрессом азербайджанцев Украины города Днепр открыли в знаменитом Политехническом университете Азербайджанский культурно-деловой центр.

На вопрос «Какое значение имеют эти культурологические проекты в плане развития и укрепления азербайджано-украинских связей?» Эльмира Ахундова ответила:

«Вы знаете, я убеждена, что в самые тяжелые времена культура не должна молчать. И в какие-то моменты именно культура становится сильнейшим пропагандистским оружием, против которого становятся бессильными самые грозные орудия. Вспомните: в блокадном Ленинграде полуживые от голода ученые провели торжественное собрание и отметили в Эрмитаже 800-летие азербайджанского поэта Низами Гянджеви. А ленинградские музыканты, собрав все оставшиеся силы, 9 августа 1942 года в зале Ленинградской филармонии исполнили Седьмую симфонию Дмитрия Дмитриевича Шостаковича… Потрясающий факт: все 80 минут, пока звучала музыка, орудия врага безмолвствовали: артиллеристы, защищавшие город, получили приказ командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова – во что бы то ни стало подавлять огонь немецких орудий. Во время исполнения симфония транслировалась по радио, а также по громкоговорителям городской сети. Её слышали не только жители города, но и осаждавшие Ленинград немецкие войска. Новое произведение Шостаковича потрясло слушателей, вселило уверенность и придало силы защитникам города…

Мои украинские друзья – писатели, поэты, переводчики – говорят мне, что такие проекты, которые мы сейчас осуществляем совместно, также придают им силы жить, творить, продолжать активно работать. И я рада, что благодаря инициативам посольства, музы не молчат, когда говорят пушки. Конечно, очень хочется, чтобы эта война побыстрее закончилась, чтобы мир пришел на землю Украины. И мы в торжественной обстановке представим наши проекты представителям украинской общественности…»

Еще один важный проект, осуществленный в Украине – это издание на украинском языке романа «Голова» Народного писателя Азербайджана Эльчина.

Издание романа – это совместная работа посольства Азербайджана в Украине и журнала «Всесвіт». Автором идеи этого издания, а также предпосланного к книге предисловия является посол Азербайджана в Украине Эльмира Ахундова. Перевод осуществил главный редактор журнала, известный украинский критик, литературовед Дмитрий Дроздовский.

Эльмира Ахундова отметила, что задуман этот проект был незадолго до войны. И это удивительно, что его удалось осуществить, несмотря на все трудности военного времени.

«В этом, конечно, заслуга Дмитрия Игоревича, – говорит Эльмира ханым. – *Я познакомила его с прозой Эльчина, и он влюбился в его роман «Голова». Я попросила его перевести произведение на украинский язык, и он взялся за эту нелегкую работу. Мы постоянно были на связи, потом к работе подключился «украинский» азербайджанец, блестяще знающий оба языка, Мехман Салманов. Он в процессе перевода уточнял для Дмитрия многие языковые и этнографические детали. Подлинные фотографии и карты того времени предоставил в наше распоряжение сам писатель. Так что работа была командная, в прямом и переносном смысле этого слова.*

Формальный сюжет романа – завоевание Российской империей Закавказья в конце XVIII-начале XIX века. В романе присутствует широкий геополитический фон, а именно: борьба между великими державами Францией и Великобританией, Россией и Османской Турцией, а также иранскими правителями Каджарами за сферы влияния и параллельно с этим борьба за выживание мелких грузинских царств и азербайджанских ханств в Закавказье. Но это именно формальная, внешняя канва романа. Куда важнее его внутренние коллизии, отражающие самый сложный и противоречивый спектр человеческих взаимоотношений и эмоций.

Роман, повествующий о ситуациях и коллизиях стародавних времен, оказывается весьма актуален для дня сегодняшнего. Схожий романному сценарий едва не повторился в начале 90-х годов XX столетия, когда внутренние раздоры вкупе с притязаниями армян на наши земли поставили Азербайджан перед угрозой расчленения и утраты большей части территорий. Можно себе представить, насколько этот роман отвечает современным реалиям сегодняшней Украины, чья независимость в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств также оказалась под угрозой. Я считаю издание романа нашего выдающегося писателя в братской Украине большим литературным событием и благодарю всех, кто к нему причастен»…

Об этом, а также о художественных достоинствах замечательного романа размышляет в своем коротком эссе переводчик книги, писатель Дмитрий Дроздовский:

«Роман «Голова» Эльчина – история о «русском мире», который приносит разрушения. Это история конца XVIII века о том, как Российская империя приносит в Закавказье «образование и культуру», а на самом деле смерть, дестабилизацию, уничтожение традиций.

Эльчин – мастер психологического рисунка в прозе. С первых страниц роман погружает читателя в глубокий мир внутренних переживаний героев. Ты отчетливо видишь, как кто себя ведет во время дивана, что ощущает, что говорит, а что скрывает.

Роман поверг меня в изумление: ты настолько незаметно погружаешься в диалоги, что со временем начинаешь проживать жизнь героев «Головы». Динамика романа настолько интенсивна, что она близка читателям нашего безудержного века. Такое ощущение, что читателю удалось найти универсальный хронотоп: перед нами не прошлое, а ***вечное****, которое находит себя в разных исторических процессах и персоналиях.*

Давно не читал настолько в психологическом плане глубокой прозы: я будто бы присутствовал во время встреч Гусейнгулу-хана. Эльчин показал гордость и достоинство азербайджанских людей. И, кроме того, вместе с точным изображением реальной действительности – как в историческом, так и в психологическом плане – писатель сумел воссоздать «портал» в невидимо-видимый мир бытия, в то онтологическое пространство, где происходят невообразимые, удивительные вещи. И они, тем не менее, влияют (еще как влияют!) на нашу жизнь. То невидимое «черное» минус-пространство в романе «Голова» раскрывает таинство процессов мироздания, показывая, как все тонко переплетено в нашем мире. И в то же время Эльчин создает свой глубинный онтологический мир при помощи высокохудожественного слова. Он прописывает его при помощи образов, которые остаются в памяти.

«Голова» – роман, в котором соединяется история и метафизика, реальность и надреальность. Великий талант писателя, мастерство прозаика – критерии, которые над временем.

Эльчин написал о событиях XVIII века, но именно там, именно в них – корень зла для понимания нынешней войны в Украине, именно в тех военных столкновениях обнажается природа зла, раскрывается метафизика «русского гуманизма». Поэтому работал над переводом романа с первых дней войны. Вокруг тебя – одна реальность, а ты каждый день войны 2022 года погружаешься в иную реальность, в которой и кроется ответ на многие вопросы дня сегодняшнего. Роман актуальный и рельефный в плане понимания истории. История Цицианова и история «Головы» – это встреча жизни и вечной жизни, тела и энергии, физики и метафизики. Эльчин– непревзойдённый рассказчик, который умеет соединять мистику и историю.

Сегодня в нашей стране, в Украине мы понимаем, почему война с Россией должна была случиться. Империя не мыслит иного пути, она всегда экспансивна, но Российская империя ненавидит чужие культуры, она стремится поработить или же уничтожить их. Так было и во времена Гусейнгулу-хана.

Роман «Голова» – как набат, он ударяет в 2022 году с особой силой. Сегодня, когда взгляд мировых медиа обращен к Украине, мы видим, что война дня сегодняшнего – это результат многовековой колониальной политики со стороны России.

И еще: меня подкупил первый эпизод в романе – разговор с Бытием, скажем так, разговор с тем загадочным миром надреальности, который удивляет до глубины души.

И до конца писатель удерживает интригу, до самого финала не понимаешь, к чему все это приведет и почему произошло. Мистика? История? Фатум? Магия? Что же повергло «Голову» в метафизическое пространство? Пускай читатель сам найдет ответ.

*Роман «Голова» мастерски написан, это психологическая историческая проза, достоверная, жестокая, а потому – **настоящая**. Сегодня ревизия прошлого – в мировом литературном тренде, но Эльчин не просто воссоздает историю, он показывает ее метафизическое лицо. «Голова», отрубленная, вечно молчащая, ужасающая, – это символ эпох, символ борьбы Добра и Зла. Сколько таких отрубленных голов в мировой истории? – но мало кто решился посмотреть в глаза Бытию, Вечности, тому метафизическому миру, который говорит с нами на страницах романа Эльчина.*

В романе особенный синтаксис. Это предложения, которые соединяются между собой, словно нити в ткани, словно в ковре нашей жизни, слово в ковре, на котором узоры прошлых эпох. Это «живой» роман, в котором при помощи мастерства писателя удалось реконструировать, подобно современным 3D технологиям, реальных исторических деятелей – тех, которые пришли сеять раздор и проливать кровь, и тех, которые защищали свои земли от завоевателя. Это азербайджанский взгляд на историю, и, читая, восхищаешься гордостью героев, которые до конца остаются верными своей земле, своей культуре, они готовы умереть, но не покориться.

Искренне благодарен Мехману Салманову за огромную помощь при работе над переводом романа. И искренне благодарен Посольству Азербайджана в Украине и уважаемой Эльмире Ахундовой за возможность подарить украинскому читателю произведение, в котором ощущается просвет, «зазор» в метафизику бытия. Сегодня такого просвета часто очень не хватает в мировом литературном процессе.

Спасибо также и другу – поэту Салиму Бабуллаоглу за поддержку в работе над романом, который является настоящим событием мировой литературы. Теперь и украинский читатель может в этом убедиться».

Поистине, надо было дождаться издания этого романа на украинском языке, чтобы понять, сколь выдающееся произведение художественной прозы подарил нам Эльчин. К сожалению, в Азербайджане круг подлинных любителей чтения стремительно сужается. А жаль. Романы, подобные «Голове», могли бы многому научить нас, сегодняшних. И уж во всяком случае, предостеречь от трагических ошибок наших дедов и прадедов.

ИЗ ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Переводы Ирен ТАСАЛОВОЙ

Кармен Конде АБЕЛЛАН

(1907-1996)

Соловей

Под ребром в груди моей
Распевает соловей.

И в устах твоих, как песня,
Поцелуй мой все слышней.

Сколько птиц слетится вместе
В этой соловьиной песне!

Вот ладонь моя, я жду
Соловья на прежнем месте.

Ты уста сомкнул, и вот
В них душа моя живет.

Береги ее – как птицу
Мое сердце бережет.

Тот клочок земли

Разоренье. Нагие луга.
И без пастбищ стада.
Деревушки, где ил затянул берега,
И в печали вода.
Люди сломлены горем
И мрачной своей нищетой.
Сострадают богатые рудами горы
Поселянам с седой головой.
Бездыханны сухие луга,
Что съедает огнем,
И дома, что стояли века,
Смерть встречают
с распахнутым ртом...
...Юность тщетно надеялась скрыться,
По земле волоча за собой
забытья багряницу.

Пабло НЕРУДА

(1904-1973)

Мне нравится, когда ты молчишь

Мне нравится твое безмолвие и та иллюзия отсутствия,
Когда мой голос (только отклики) твой слух едва ли разберет.
Мне кажется, твой взгляд невидящий уже отмерил расстояние,
И кажется, что поцелуями моими твой заполнен рот.
Как всё вокруг тебя заполнила моя душа в своей незримости,
И ты сама идешь, укутана моей невидимой душой,
Ты словно бабочка, парящая души моей в опасной близости,
И это слово «меланхолия» так схоже для меня – с тобой.
Мне нравится твое молчание, как подтвержденье отстраненности,
Ты словно бабочка, что в жалобе крылами тихо шелестит,
Я не касаюсь тебя голосом, звучащим эхом в отдаленности,
Позволь: теперь мое безмолвие с твоим безмолвьем помолчит.
Позволь теперь поговорить с тобой, поговорить с твоим беззвучием,
Светящимся в тени лампадою, простым, как тонкое кольцо.
Ты словно ночь, такая тихая и словно с тишиной созвучная,
Твое молчанье – небо звездное, в своем свечении простом.
Мне нравится твое молчание, твое немое отстранение,
Болезненное отчуждение, как будто бы ты умерла.
Одной улыбки мне достаточно и пары слов произнесения,
О, сколько же во мне той радости –
что всё лишь выдумка моя!

Федерико Гарсиа ЛОРКА

(1898-1936)

****

Пульсируют звуки фламенко,
Звучат в моем сердце, как эхо.
Душа распевает о вечной
Любви, что питает легенды.

Все ищут земные богатства,
Про ценности сердца забыли.
В любви поспешите признаться
Всем тем, кого полюбили.

Антонио ОЛИВЕР

(1903-1968)

***

О, февральские дни в белоснежной стране.
Ветви, ветви –
всё тянутся к свету
И нетронутости в вышине.
Я глядел неустанно на это,
И теперь я еще в том саду.
В свитках памяти денно и нощно
Я ношу в себе ту непорочность –
Как чисты туберозы в цвету...

Я тебе благодарен, Любовь, за такую находку.
Так давайте творить,
коли в жизни есть теплый февраль.
На миндальных деревьях повис
вдохновенья хрусталь,
Опустились на землю светила небесные кротко,
И бессмертие с ветром гуляет промеж синих гор,
И бессмертие с ветром ведут меж ветвей разговор.

Стезя

Как стих из восьми слогов –
Восьмилопастная мельница.
Слова белой тканью стелются,
И парус – сплетенье слов.
Чтоб звонче пела строфа,
Все кружится белая мельница,
Все вертится, вертится, вертится...
И ветер разносит слова.
Встает колесо из воды
Над шумом колодца глубокого,
И радость рожденной строфы
Расправит ветрила затоками.
Вертись, восьмисложный стих,
Раскройся, как парус, от воздуха.
Пой, мельник, чтоб голос не стих –
И ветер не ведает отдыха.
Ссыпается слог в жернова,
И лопасти песни вращаются.
Слова, словно ветер ловя, –
Все выше вода поднимается!..

Побережье Кабо-де-Палос

В вечернем свете,
как плоть и дух,
земля и море, слиянье двух.

Как дух и тело,
вода и твердь,
чтоб час и милю преодолеть.

О, что смогло бы перебороть:
земля и море –
как дух и плоть.

Педро САЛИНАС

(1891-1951)

****

Желать тебя — признание того,
Что я тебя люблю.
И ты согласна сдаться,
Не говоря при этом ничего.
Да – тишиной. И губ твоих касаться
Губами – вот их вечный смысл.
Ни слово, ни объятье мне не скажут,
Что наш союз на самом деле был,
Твоей любви никак мне не докажут,
Нет – никогда. Мне говорят листы
Своею белизной и телефоны,
И карты, знаки судеб обреченных, –
Не ты.

Я обнимаю, не спросив тебя
О том, что знать мне до безумья страшно,
Что нет тебя, что все уже неважно,
Когда ты есть, но не любя меня.
Я обнимаю, не раскрывши глаз,
Не подойдя к тебе, не прикасаясь,
Без вопрошаний тщетных и без ласк...
И тем от одиночества спасаюсь –
Лишь тем, что я люблю. Тебя. Сейчас.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Маска

Новелла

Маска, лежавшая в витрине лавки старого еврея Мельхиора рядом с множеством страшных масок, изображавших в основном обитателей ада, просила об одолжении. Яркая венецианская карнавальная маска с миндалевидными отверстиями для глаз, красивым маленьким пурпурным ртом и дугообразными бровями умоляла забрать ее, освободить от ужасных соседей, кривых размалеванных, страшных уродцев. Маска за время своей долгой жизни стала настоящим философом. Знала многое из жизни людей и масок. Встречалась с разными масками. С теми, что защищали лицо от физических травм и, конечно, с теми, что позволяли скрываться и оставаться загадкой.

Три века назад маска принадлежала знатной венецианской даме, носившей маску в дни карнавала. Дама обожала карнавалы. Маска очень любила свою хозяйку, ей доставляло удовольствие прикасаться к нежной коже, пропитываться ароматом ее духов, и самое главное, участвовать в безумной игре. Дама, надевая маску, становилась свободной, фривольной, распущенной. Она провоцировала мужчин; их глаза, сверкавшие сквозь прорези мужских масок, светились огнем желания. Но самые драматические мгновения происходили без присутствия маски. Дама снимала маску, забрасывала ее в дальний угол, и все остальное происходило без ее участия. Всего несколько раз дама осталась в маске в минуту близости с мужчиной. Маска догадалась, что дама была знакома с кавалером и не желала быть узнанной. Маска помнила, как участилось дыхание, закрылись глаза, и выступила испарина над верхней губой у дамы.

Много воды утекло с тех пор. Дама давно умерла и забыта, осталась только маска, вспоминавшая о даме. Некоторое время она лежала в пыли на чердаке, среди забытых вещей, ставших ненужными новым владельцам. Однажды заброшенный чердак проснулся. Темноволосая кудрявая девочка забралась на чердак. Она обнаружила там сокровища, о которых даже не мечтала. Старинные платья, веера, мантильи. Все, что будоражит воображение и позволяет жить в сказке. Девочку не смутили разрушения, нанесенные временем. Материя, изъеденная молью, кружева, превращающиеся в прах, при прикосновении. Девочка надевала длинное платье со шлейфом, обмахивалась веером и представляла себя на балу, на карнавале, в окружении блестящих дам и кавалеров. Сначала ей хотелось позвать на чердак своих подружек, но потом она оставила эту мысль. Ей так хотелось сохранить в тайне свой новый мир! Маска попалась ей на глаза не сразу. Девочка успела перемерить все платья, обойти все заплетенные паутиной углы, прежде чем в самом дальнем она увидела пристально смотрящее на нее лицо. Она отступила на шаг, приготовилась защищаться в случае нападения. Противник молчал и не двигался, и тогда девочка решительно подошла и осторожно взяла в руки маску, дождавшуюся своего часа. Маске необыкновенно повезло, она не зря пролежала в забвении около трех веков. Попади она в руки сорванцу мальчишке или девочке, лишенной воображения, ее тут же разорвали бы на куски, просто из озорства, чтобы посмотреть, из каких частей сделана странная игрушка. Маска, в отличие от других предметов, найденных девочкой, почти не изменилась. Только лак, покрывавший ее, потрескался в нескольких местах, оставляя впечатление неглубоких морщин.

Девочку заинтересовала маска, незаметно улыбающаяся уголками губ. Маске очень хотелось стать любимой игрушкой девочки; она ужасно скучала долгие годы одиночества и забвения. Ей это удалось. Маска стала самой близкой подружкой девочки, забросившей все остальные игры, своих настоящих подружек из плоти и крови. Девочка придумала увлекательную игру: она надевала маску и воображала себе новую жизнь. Маска принимала участие в играх наравне с девочкой. Она шептала ей на ухо слова ее новой роли, диктовала, как нужно вести себя. Диапазон ролей оказался ограниченным. Маска и длинные прихотливо украшенные платья позволяли изображать только знатных дам. Однажды маска подвела ее к старинному зеркалу, спрятанному в глубине за сундуками и ширмой, куда девочка не отважилась заглянуть. В зеркале из венецианского стекла, оставшимся незамутненным, словно прозрачная гладь горного озера, несмотря на солидный возраст, появились два изображения – девочки-подростка и рядом дамы в бальном платье. Обе они были в масках. Вернее на них была надета одна и та же маска. Девочка не испугалась второго изображения. После знакомства с маской она мало чему удивлялась. И все же она обернулась, надеясь увидеть за спиной даму, отражавшуюся в зеркале. За спиной – никого. Вместо дамы ей ответила маска.

– Она не вернется так скоро. Я хорошо ее знаю. Она пришла из любопытства. Её интересовало, кто сейчас носит ее маску. Мы же с ней были подруги, совсем, как с тобой теперь, – маска опустила уголки рта, превратившись в грустную маску Пьеро.

– Расскажи мне о ней, она показалась мне такой красивой, даже в маске! И грустной! А какая она без маски?

Маска не отвечала. Она обиделась. Маска была уверена, что ушедшая в мир иной дама была такой очаровательной только благодаря ей, маске. Как преображалась дама, стоило ей надеть на лицо маску! Куда девалась напыщенная важная скучная матрона, изрекавшая прописные истины, вызывая зубную боль и колики в животе у всех, кто имел несчастье общаться с ней. А вот стоило ей надеть маску, карнавальный наряд, стоило ей увериться в том, что никто не заподозрит в ней всеми уважаемую дону Лизу, тогда в ней просыпалось остроумие, она становилась грациозной, легкой, волнующей. Маска помнила блеск ее глаз и влажные губы. Ей очень хотелось рассказать обо всем своей новой подружке, но она не стала этого делать. Благоразумная маска предпочитала не навязывать своего мнения девочке. Пусть разберется во всем сама.

Девочка росла так же быстро, как когда-то старилась дама. Через четыре года после знакомства с маской девочка превратилась в воздушную сильфиду. Внимания, которым она была обделена в детстве, теперь хватало с избытком. Временами ей казалось, что его слишком много. Появились поклонники, некоторые чрезвычайно настойчивые. Внешняя очаровательная оболочка не изменила застенчивой и скрытной натуры девочки. Она по-прежнему доверяла только маске. Когда ее особенно одолевали поклонники, она забиралась, как прежде, на чердак и вела беседы с любимой подружкой. Маска вспоминала ушедшую даму. Она была уверена, что дама появится вновь. Захочет посмотреть на то, как взрослеет девочка, новая владелица ее маски. На все вопросы девочки маска отвечала, как ей казалось, откровенно. Но в последнее время девочке стало казаться, что маска ничего не понимает в ее жизни, что все, происходящее с ней, не могло происходить ни с кем другим. Девочка все реже поднималась на чердак, и маска приготовилась к долгому ожиданию. Карнавалы, где маска могла бы блистать, канули в Лету. Всего два раза девочка надевала ее на детские праздники, где все происходило совсем не так, как на средневековых карнавалах. Однажды случилось то, к чему маска была давно готова. Девочка прибежала среди ночи. Схватила маску, прижала к себе и стала шепотом рассказывать ей самые последние события. Она рассказала о самом неотразимом кавалере, о том, как он любил ее, как она поверила ему, как они были счастливы.

– Кто бы мог подумать! – жаловалась девочка. – Столько прекрасных слов он сказал о моей красоте! Он так хотел, чтобы мы с ним не расставались никогда! Он столько раз повторял слово «навсегда». А сегодня утром он заявил мне, что идет на войну, он должен выполнить свой долг, что он мужчина и что я должна его понять! Он обещал вернуться!

Маска поморщилась, рот искривила презрительная усмешка. Рассказать девочке о том, что у мужчин всегда находятся отговорки после того, как женщина ответила взаимностью. О том, как они теряют интерес и устремляются на поиски новой добычи. Она не поверит! Не сейчас! Позже, много позже, после того, как она пройдет путь дамы, ее первой хозяйки.

Девочка совсем не была похожа на даму. Та в обыденной жизни изображала скучнейшую хозяйку дома, и, только надев маску и окунувшись в карнавал, она оживала. Две разные дамы преспокойно уживались в одной. У нее была не одна, а две маски. Одна из них – ее лицо, на котором время и ношение второй маски оставили неизгладимые следы. Время не пожалело ее нежной кожи, избороздило морщинами гладкий лоб, резцом нанесло горестные складки у рта, выбелило волосы. Вторая маска подарила ей прищур глаз, капризно поджатые губы и гримасы: удивления, радости, счастья. Маска, оставаясь неподвижной, как и полагается маске, смогла повлиять на ее обладательницу. Оскал застывшей любезной улыбки дама приобрела исключительно благодаря настояниям маски, убедившей свою хозяйку, что улыбка, даже неестественная, даже скрытая маской, повлияет на тембр голоса, привлечет к ней собеседника.

Девочка не умела прятаться под маской. Молчаливая и сдержанная, она замыкалась в себе, плакала по ночам и не могла сдержать слез средь бела дня, если ее уж очень обижали. Прошло достаточно много времени, прежде чем она пережила первое свое разочарование и почти успокоилась. Она стала менее доверчивой, без прежней наивности слушала речи мужчин. И все-таки ей не удалось избежать еще одного разочарования. Захлебываясь слезами, она рассказывала маске о том, каким он, Он оказался лжецом. Маска решилась на то, чего она никогда не сделала бы для своей первой хозяйки. По мнению маски, дама в свое время прекрасно освоилась в лживом мире, и ей не нужны были чудеса для того, чтобы выжить и выполнить то, что ей назначено было судьбой. Девочка оказалась другой, маска пришла к выводу, что девочка не может и не хочет надевать маску, чтобы защитить себя. И тогда маска предложила девочке свои услуги. За три века ожидания новой владелицы она смогла научиться невероятным чудесам. «Милая, я предлагаю тебе нечто необычное. Я помогу тебе увидеть истинное лицо людей, окружающих тебя. Один из вечеров побудь в маске и посмотри, как изменятся твои друзья. Твое настроение и эмоции не отразятся на незащищенном лице. Постарайся лишь владеть голосом, я тебе помогу и в этом, а об остальном не заботься. Ты можешь произносить любые слова, твой собеседник обязательно выдаст себя. Не видя твоей реакции, он станет самим собой, и тогда ты поймешь, стоит он твоей любви либо нет». Девочка задумалась. Столь необычное предложение маски помогло бы ей идти вперед, не боясь обмана и разочарований. Она согласилась.

Маска и не предполагала, как она повеселится, сколько нового она узнает из жизни новых поколений людей, заключив простой с виду договор. Случай не заставил себя ждать. Девочку пригласили на вечеринку в большой красивый дом, к ее новым друзьям. В приглашении указывалось, что гости могут прийти в обычных костюмах, однако желающие могут надеть карнавальные костюмы. Девочка не ожидала такой удачи. Она спокойно могла надеть маску и посмотреть на друзей под новым углом зрения. Первой, к кому она подошла, оказалась ее давняя подружка, с которой они учились вместе в колледже. Подруга казалась очень оживленной, глазами она искала в толпе кого-то. Заметив подошедшую к ней девушку в маске, она

окинула ее внимательным взглядом, пытаясь угадать, кто скрывается под маской. Девочке очень не хотелось быть узнанной, и она молчала.

– Мы знакомы? Маска, признавайтесь, мы встречались с вами! Вы мне кого-то напоминаете, я только не могу припомнить, кого! Ах, да! Вы похожи на одну тихоню из нашего колледжа. Мы ее называем между собой «Святоша!» – подруга засмеялась. – Хотя вряд ли вы – Элиза, та ни за что не надела бы маску. Она всегда такая правильная и никогда не спрячется под маской.

– Как вы ее называете? «Святоша»? – маска изменила голос девочки. – Интересно! Разве я похожа на Святошу? Я пришла сюда повеселиться, так же, как и вы! Правда, я здесь мало кого знаю, попала сюда случайно, и мне интересно послушать то, что вы знаете об этих людях. Похоже, вы знакомы со многими из них?

– Конечно, – оживилась подружка, – вот посмотрите на того парня, видите, высокий, светловолосый, вон тот, что прыгает рядом с цыганкой? Видите?

Девочка повернулась в сторону человека, о котором говорила ее подружка, и увидела парня, накануне признавшегося ей в любви «до гроба». Она даже засмеялась, когда он сказал эти самые слова «до гроба», чем рассердила его. Сейчас девочка наблюдала, как он лихо отплясывал быстрый джайв, крутя во все стороны партнершу, одетую цыганкой.

– Вы только на него посмотрите! Похож он на несчастного влюбленного? Как по-вашему? А ведь вчера только он признавался Святоше в любви! Да, да! Я знаю это из достоверных источников!

– И кто же вам об этом рассказал?

– Он! Конечно, он! Из нее слова не выудишь, она такая скрытная. А он поспорил с дружком, что сумеет уломать даже Святошу. Об этом пари знают все. Только она не знает! Она, бедняжка, ни сном, ни духом.

– А почему бы вам не сказать ей об этом?

– Кому? Мне? А зачем! Если бы она хотела, то сама рассказала! А если она такая гордая и святая, пусть сама и разбирается.

– Вы ненавидите ее? За что?

– Я?!!! За что мне ее ненавидеть! Мы, можно сказать, подруги. Просто каждая идет своим путем! Она – сверкающей дорогой правды и добродетели, а я – своей извилистой тропой. Мне хочется всего попробовать. Понимаешь? Я хочу веселиться сегодня, пока я молода и хороша собой. Вот когда я стану старой и никому не нужной, тогда я вспомню о святости и стану всех учить правильной жизни! А что, разве я не права? А ты, мне не хочется говорить тебе Вы, ты ведь так же молода, как я, ты не думаешь, что я права? Пошли, потанцуем и выпьем чего-нибудь, а то от наших разговоров меня тошнит.

Подруга потащила ее за собой. Вручила бокал с джином, попутно рассказывая обо всех, кто попадался на пути. Всех наградила меткими характеристиками. Ей удалось в нескольких словах определить характер персонажей. Каждого из них она одела в маску: весельчака, медведя, красавицы, жадины, карьериста. Девочка заметила эту странность и сказала об этом подруге.

– А как тебя называют твои друзья? Ты ведь всех одарила прозвищами! А у тебя оно есть?

– А зачем тебе? Какая ты, однако, хитрая! Я ведь не знаю даже, как тебя зовут, не вижу твоего лица. Разболталась. Хочется иногда поговорить по душам, сказать все, что думаешь о людях. Лучше всего рассказать обо всем незнакомому человеку, он же не сможет потом воспользоваться твоей откровенностью. Это я недавно поняла, после того, как моя самая близкая подруга всадила мне нож в спину, увела моего парня.

Девочка знала об этой грустной истории, случившейся совсем недавно. Теперь она поняла, кого выискивала в толпе подруга.

– А что ты будешь делать, если увидишь их вместе сейчас?

– Я ради этого и пришла. Сделаю все, чтобы он вновь увлекся мной, а потом, когда он окончательно влипнет, брошу его! Я мечтаю об этом! Увидеть ее лицо, когда она поймет, что он вернулся ко мне!

– И зачем тебе все это? Зачем столько усилий ?

Девочка увидела на лице подруги проступающую маску злюки: капризно сжатый рот, опущенные ресницы и складку между бровями. Внезапно подруга оживилась, словно получила импульс из другого конца полутемного зала, вскинула голову и устремилась вперед, совершенно забыв о девочке в маске. Девочка наблюдала еще некоторое время за тем, что происходило в противоположном конце зала. Она увидела, как подруга взяла за руку юношу, одетого монахом, прижалась к нему всем телом и стала продвигаться вперед туда, где красивый брюнет уверенно вел в танце упитанную мулатку, извивавшуюся змеей.

Мужчина в маске, изображавшей Мефистофеля, подбежал к девочке, обнял за талию и зашептал:

– Донна, как долго я тебя искал. Последний раз мы встречались с тобой на карнавале в Бразилии, помнишь? Мы танцевали самбу и вспоминали о прежних временах, о Венеции, о том, как весело мы проводили время! Ты чудесно выглядишь, моя дорогая Лиза!

Девочка попыталась вырваться, захотела объяснить своему незнакомому спутнику, что он обознался, но вместо этого маска, приклеившаяся к ее лицу, стала говорить за нее. Она вспоминала обо всем, чего не могла знать девочка и к чему она не имела никакого отношения. Ей захотелось закричать, убежать, спрятаться от настойчивого Мефистофеля. А маска ломала ее, делая податливее, уступчивее. Проходя мимо слабо освещенного зеркала, девочка увидела в нем себя в маске, зажатую между двумя персонажами: мужчиной в маске Мефистофеля и женщиной в бальном платье и в такой же маске, как у нее. Оба держали ее за талию. С каждым мгновением изображения дамы и кавалера в маске Мефистофеля становились реальнее, а девочка таяла, словно свеча. Раздавшийся за ее спиной игривый смех подружки разбудил девочку, стянувшую, наконец, маску, приклеившуюся к лицу. Только тогда она почувствовала, как объятия разомкнулись, и она осталась одна; картинка в зеркале помутнела, и оказалось, что это вовсе не зеркало, а картина, написанная в стиле импрессионистов.

После вечеринки, принесшей ей много сюрпризов, девочка дала себе слово не прибегать больше к помощи маски, пусть даже очень мудрой. Долго не могла забыть о возникших из небытия даме и ее кавалере, чуть не задушивших ее. Выбросить маску на помойку она не решилась, не представляя, что она может преподнести тому, кто найдет маску и решится надеть. Она оставила ее там же, где когда-то нашла, на старом пыльном чердаке.

Девочка вспомнила о маске еще один раз. В тот день, когда решилась отдать свою руку и сердце самому искреннему из всех, кто любил ее. Девочка поднялась на чердак, отыскала заброшенную, забытую маску. Надела ее, подошла к старинному зеркалу, заранее зная, что увидит в нем. Ее ожидания оправдались. Почти сразу же рядом с ней возникла донна Лиза, хозяйка маски. Девочке не нужно было задавать вопроса, донна знала, о чем хочет спросить ее девочка. Она покачала головой, подошла к зеркалу и написала на пыльной поверхности пальцем в перчатке: «Тебе не нужна маска. Она тебе не поможет. Ты всегда будешь верить людям и ходить с обнаженным лицом. В этом твое счастье и горе».

Девочка, ставшая донной Элизой, отдала маску старому еврею Мельхиору, большому знатоку антиквариата. Мельхиор нашел самое подходящее место для маски. Он поместил ее среди таких же карнавальных масок, как и она. По стечению обстоятельств маска оказалась единственной женской маской в окружении хищных мужских масок.

Непредвиденные встречи

Дорожный этюд

Уезжаем сегодня ночью. Немного волнуюсь, но это естественно, если представить маршрут, авиакомпании и все остальное. Занимаюсь багажом. Сложный выбор для женщины, выбор одежды. Вперед! Беру самое необходимое. 8 кг багажа, включая подарки для родных. Думаю об украинских беженцах, вынужденных уложить в одну сумку все, что они хотели бы увезти с собой. Всю жизнь!

Атмосфера аэропорта особая. Самые разные люди на какое-то время объединены пространством, наполненным ожиданием, надеждой и печалью. Темнокожая женщина с маленьким мальчиком, почти младенцем; он кричит и падает на пол. Мать с непроницаемым видом берет мальчика за руку и тащит по полу, не обращая внимания на непрекращающиеся крики. Некоторые пассажиры оборачиваются, но большинство привычны к таким эксцессам.

Таможня во Франкфурте суровее, чем в других местах. Таможенник вытаскивает из чемоданов и сумок все, что ему кажется подозрительным. Есть возможность сравнить поведение работников разных национальностей; понимаешь, что правила важны, но менталитет остается решающим фактором.

Многочасовой полет – испытание для всех, но для самых маленьких и самых старых еще тяжелее, чем для остальных. Сидеть на протяжении часов в кресле без движения требует терпения и смирения. Банальность путешествия через материки и океаны могла поразить воображение людей XIX века, но в настоящее время страсть к перемене мест никого не удивляет. Охота за развлечениями становится приоритетом у обеспеченных людей.

Мое место у иллюминатора позволяет мне наблюдать за балетом облаков, необъятностью неба. Воображение прогуливается в небесных сферах, заблудшие души начинают интересоваться моей скромной персоной. Облако принимает форму волка и приближается ко мне, волк готов заговорить. «Вам чай или кофе?» Волк исчез так же быстро, как и появился.

Моя соседка, покрытая традиционным платком, передает мне мой кофе. У нее кавказская внешность.

Спрашиваю ее, не являются ли она и ее спутник иранцами? Мое предположение подтверждается. Они иранцы. Завязывается беседа. Она с мужем едут к сыну, резиденту Канады. Мне любопытно узнать, как они живут в Иране. Женщина немногословна. Я ее хорошо понимаю. Она следует рекомендациям иранских властей. Они живут в Ширазе. В городе, богатом литературными традициями. Согласно предписаниям ислама, женщина всегда должна оставаться скромной и неболтливой. Но когда она узнала, что я азербайджанка, то немного расслабилась. Да, ее сыновья живут за границей. Старший сын в США, а младший – в Канаде. Ее сын американец недавно женился на иранке, родившейся в Штатах. Она показывает мне фото молодоженов. Молодая женщина в платье с разрезом до бедра улыбается своему мужу. Я смотрю на мою покрытую соседку и угадываю во взгляде удовольствие от того, что ее невестка позирует в смелом платье. Ей это не позволено. Она гордится сыновьями и их жизнью. А почему бы ей и ее мужу не жить с одним из сыновей? Ответ прост. Они не хотят зависеть от потомства, хотят остаться независимыми. А какая жизнь в Иране? Я настаиваю, рискуя быть невежливой. Нормальная жизнь, дама уклончива. Вам не надоело носить платок? Я провоцирую иранку. Нет, мы привыкли. Вступает в беседу ее муж: «Nice to meet you». Дежурная фраза намекает на мое поведение, не подобающее женщине, какова бы ни была ее национальность. Я улыбаюсь и поворачиваюсь к небу за стеклом.

Вопрос религии актуален и в наши дни. Столетия назад произошло то или иное трагическое событие в тысячелетней истории религий. С тех пор много воды утекло; случались войны, распри, стихийные бедствия, но почти ничего не изменилось в восприятии религий. Мифы продолжают главенствовать. Старые религиозные обиды неувядаемы. Христиане и мусульмане враждуют. И внутри религий продолжается схватка. К примеру, мусульмане традиционно разделены на две ветви ислама: шиитов и суннитов. И обе фракции не очень жалуют друг друга. Похоже, что вражда – всего лишь предлог. Раздел между своими и чужими приводит к сплачиванию своих. Заканчиваю отступление, слишком болезненное не только для меня, но и для большинства населения Земли. Со дня моей встречи с иранкой произошло много событий. Немного времени прошло, но жизнь людей влилась в водоворот, более опасный, нежели природный катаклизм. Мне кажется, что война в Украине стала триггером для всплеска страданий, сдерживаемых до сих пор.

Молодая иранка 22 лет, Махса Амини была убита стражами полиции нравов, потому что она неправильно надела платок. Поднялась волна гнева. Женщины во многих провинциях Ирана вышли на улицы, чтобы потребовать права на жизнь, на свободу. Их слоган: Женщина, Жизнь, Свобода.

Погружаюсь в воспоминания. В 2012 году я встретила иранских женщин и была удивлена этой встречей. В том году я проходила стажировку во Франции, долгожданную, страстно желаемую стажировку, признаюсь. В самолете рядом со мной сидела молодая женщина замечательной красоты. Конечно, мне было любопытно узнать, откуда она. Очевидно, что она не европейская, а восточная женщина. Айша. Это имя я выбрала для красавицы. Ее звали иначе, но мне она представлялась Айшой, любимой младшей женой Пророка Мохаммеда, настолько она была красива и изящна. Она молчала. Впрочем, я тоже.

Второй раз я увидела ее в группе стажеров, в той же, что и я. Несколько иранок также входили в эту группу. Но меня озадачила их одежда. Некоторые носили джинсы, что не вызывало особого удивления, весь мир, независимо от пола, носит джинсы. Однако одна дама поразила мое воображение. Ее блузка с глубоким декольте привлекала внимание. Взгляд неумолимо стремился нырнуть в ложбинку между грудями. И я ношу декольте. Любая женщина стремится время от времени выглядеть соблазнительно. Но у иранских женщин все иначе, учитывая ситуацию в их стране. Иногда я совершаю поступки, о которых потом сожалею. На этот раз я стала провоцировать даму:

– Мадам, вы красивы. Слов нет! Но я спрашиваю себя, разве в вашей стране, в Иране женщинам разрешено носить такую одежду?

– Насколько мне известно, мы не в Иране.

– Конечно. Тем не менее, вы не боитесь, что кто-нибудь сообщит в ваше посольство во Франции, что вы носите не подобающую иранской женщине одежду?

– Вы этим займетесь? Я правильно вас поняла?

Я смутилась. Естественно, я не собиралась становиться доносчиком. Убедилась в том, что иранки за словом в карман не полезут и что они смелые и независимые.

Цель нашего путешествия (я путешествовала с мужем) – Нанаймо, небольшой город рядом с Ванкувером. Город расположен на острове Ванкувер. Очень красивый остров, омываемый Тихим океаном. Все красоты природы сосредоточились на этом острове. Как если бы Боги захотели показать свою щедрость. Океан, озера невообразимой красоты, скалы, горы, леса, потрясающие виды на океан, животные и птицы. Дикие. Одни – добродушные милые звери, такие, как олени, белки, зайцы, а другие не очень – кугуары, кабаны и медведи. Много птиц. Диких гусей я приняла за лебедей. Вспомнила потом сказку «Гуси-лебеди». В самом деле, похожи. Воздух, вода, небо, буйная растительность. Рай, да и только. На этом острове много ежевики. Прозвала этот остров – ежевичным островом.

Выхожу из дома, надеясь собрать ежевику, чтобы сварить домашний джем. Медленно бреду по дороге, обсаженной с обеих сторон кустами ежевики. Срываю ягоды, стараясь не уколоться. Слышу сначала звук мотора, а затем вижу, как большой внедорожник останавливается рядом со мной. Мужчина в черном комбинезоне выходит из машины и приближается ко мне. У него на шее висит пластиковая плошка. Он – «охотник» за ежевикой, как и я. Смотрит на небольшую кастрюльку, наполовину заполненную ягодами, представляется и пускается в длинную беседу о пользе ежевики. Я молчу, предоставив ему возможность блеснуть познаниями. Даже его специальная одежда говорит о многом. Мужчина оценил мое внимание и делится со мной своим самым лучшим рецептом ежевичного ликера. Я одобрительно киваю. Мужчина уточняет, что его жена не в восторге от его пристрастия к чудесному ежевичному ликеру. Причина понятна, стоит лишь посмотреть на него. Мужчина доволен моей реакцией и спрашивает, откуда я приехала. Действительно, я не слишком разговорчива. Из Азербайджана. У меня нет мании величия, и мне известно, что название моей страны ни о чем не говорит большинству американцев, канадцев, европейцев. Я рассказываю о Каспии, месторождениях нефти, о бывшем СССР. Вижу слабый интерес и довольствуюсь этой спонтанной реакцией. Чтобы произвести впечатление после признания о пристрастии к ликеру, он рассказывает о своей недвижимости. Два больших дома в Нанаймо, один дом в Калифорнии и прекрасная вилла на Бали. К тому же он выплатил все ипотеки. Счастливчик! Воздерживаюсь от того, чтобы уточнить свое финансовое и семейное положение; улыбаюсь в ответ. Господин понимает, что тема исчерпана, желает мне хорошей «охоты» и уезжает. У меня нет желания попробовать рецепт ликера. А вот джем удался.

Следующая встреча могла стать роковой. Встреча с привидением канадского острова Ньюкасл. Я с ним не встретилась, нет. Повезло. Расскажу историю.

Решили поехать погулять по живописному острову Ньюкасл. Молодые взяли с собой велосипеды, а я хотела прогуляться пешком. Такого типа прогулку здесь называют «trial». Молодые уехали, мой муж остался сидеть на скамейке, он подвернул ногу, а я пошла гулять одна, мне не привыкать. Обещала вернуться скоро, учитывая расписание катеров. Последний катер отбывал с острова в 17.30. Мы приплыли на остров к двум часам, и у меня было достаточно времени, чтобы насладиться красотами острова и неописуемыми видами на океан. Вхожу в лес, я спокойна, мне любопытно идти по тропинкам почти девственного леса. По крайней мере, для меня, горожанки, подобный лес кажется девственным. Встречаю людей, идущих в разных направлениях. Парочки или группы людей. Задаю себе вопрос, разумно ли гулять одной? Погода чудесная, птички поют, иду довольно быстро, но каждое мгновение ожидаю появления зверя. Если появится олень или белка, то все нормально, а если черный медведь? (Меня, правда, успокоили, сказав, что гризли не живут в этом райском уголке, только лишь черные медведи). Или кугуар? И что я буду делать? Более позитивная мысль приходит на ум. Для медведей это место, вероятно, слишком оживленное. Число туристов, посещающих райский остров, довольно значительно. А кугуары? Их встречают даже в жилых кварталах. Иду вперед, горжусь собой, своей смелостью. Время от времени останавливаюсь на видовых площадках и любуюсь океаном. Вижу парусники вдали. Сравниваю их с морскими птицами. Нахожу сравнение романтическим и внезапно осознаю, что солнце садится. Смотрю на часы. 4 часа пополудни. Говорю себе, что моя прогулка должна закончиться через полчаса. Спокойна и уверена в себе. Мобильник звонит, смотрю на экран. Дочь. «Мама, ты где? Мы уезжаем, дети устали. Папа тебя ждет. Ты не заблудилась? Не задерживайся. Там есть таблички с маршрутом. До скорого. Целую». Естественно, я отвечаю, что все хорошо, что я не заблудилась, что наслаждаюсь прогулкой и самое позднее, через полчаса я дойду до мужа. Я почти уверена в том, что говорю правду. Во всяком случае, я надеюсь.

Иду быстрее и подхожу к таблице с туристическим маршрутом в месте, где тропинка раздваивается. На карте четко обозначены две тропы. Либо вы выбираете короткий путь, тогда идете через лес, либо длинный, по берегу океана. Выбираю океан. Признаюсь, что солнце, спускающееся все ниже, и угасающий день подтолкнули меня в эту сторону. Не хочу шарахаться от каждого куста, ожидая, что оттуда выпрыгнет дикий зверь и вцепится мне в горло. Ни малейшего желания. Поэтому сначала поднимаюсь по тропе, потом спускаюсь и внезапно застываю на месте.

Вижу другую табличку с текстом, повергшим меня в ступор. Речь идет не о диких животных, которые встречаются в лесу. О привидении, завсегдатае этих мест. Привидение Ньюкасла, Канака Питер, убийца с топором. Я лихорадочно читаю все, что написано на доске. Оглядываюсь вокруг, словно ожидая увидеть привидение, похожее на фантомы в триллерах. Никого не вижу, я одна, но начинаю по-настоящему бояться. Решаю отдалиться как можно быстрее от этого проклятого места, прежде чем наступит ночь и ужас затмит мой разум.

Иду по узкой тропинке вдоль океана и внезапно замечаю, что иду к скалам, выросшим из океана. Понимаю, что лучше вернуться назад, но при одной мысли, что придется снова пройти мимо места, где обитает привидение, отказываюсь от такой возможности. Линия берега изрезана острыми скалами, одна другой страшнее. Взбираюсь на скалы, прыгаю, ползу. Внимательно изучаю линию берега в надежде вновь увидеть спасительную тропу. Увы. Одни лишь скалы. Перед двумя огромными валунами останавливаюсь в нерешительности. Камень гладкий, могу упасть на острые скалы внизу.

Боюсь ли я смерти? Задаю себе главный вопрос и отвечаю на него без колебаний. Нет. Не боюсь. Я немолода, моя жизнь полна событий и встреч. Большое государство, в котором прошла моя молодость, развалилось. Монстр СССР, чье исчезновение не мог себе представить почти никто, распался. С тех пор его стали называть «Колосс на глиняных ногах». Если вы присутствовали при распаде большого государства и ваша жизнь круто изменилась, если вы пережили войну (в нашем случае война в Карабахе), отъезд ваших близких, в подобном случае можете быть уверены в том, что страх смерти не очень тревожит ваше подсознание. Но другое несчастье может произойти с вами. Инвалидность. Тем, кто видел войну, знакомы инвалиды, потерявшие руку, ногу, глаз. Подобное несчастье для меня хуже смерти.

Вновь оцениваю риск взобраться на валун и выбираю океан. Пролезаю между скалами, спускаюсь в воду. Не могу снять одежду, не знаю, куда ее положить. Снимаю обувь. Погружаюсь в воду одетой, сумка с документами и кроссовками на плече. Медленно продвигаюсь, щупаю ногой дно. Благодарю Бога за не очень холодную воду. Середина сентября. Я в воде по пояс. На одной из гладких скал вижу крюк, вонзенный в камень. Изучаю его. Похоже, крюк для того, чтобы привязать лодку. Небо голубое, вода прозрачная, безветренно. Внезапно замечаю парусник, похожий на красавицу-яхту из приключенческого фильма. Яхта медленно проплывает мимо, вижу двух мужчин на палубе. Машу руками, кричу изо всех сил. Правда, я не зову на помощь. Степень ужаса не достигла апогея. Я кричу «Hello». Ну да. Вы угадали. Они отвечают «Hello» в свою очередь. В Канаде, если видят женщину, которая одна взбирается на скалы и погружается в воду в одежде, то объясняют такое экстравагантное поведение единственным возможным образом: женщина – любительница экстремального спорта. Мужчины хорошо воспитаны, а потому они тоже машут руками, отвечают мне «Hello» так же громко, как и я, и удаляются.

Следующая скала более подходит для покорения, взбираюсь на нее и слышу звонок мобильника. Моя дочь. «Мама, я возвратилась, беспокоюсь о тебе. Я звонила уже два раза, ты не ответила. Я поговорила с капитаном катера, он может послать спасателей, ты мне только пришли свою локацию и подожди там, на месте». Конечно, это было наилучшим решением.

Но я почти так же упряма, как и мои дети. Я отвечаю, что все хорошо, немного заблудилась, совсем немного, но знаю, в каком направлении идти, это главное. Буду на месте через полчаса. Те самые полчаса. Сразу после разговора, придавшего мне сил, вижу настоящую тропу, идущую вверх. Я почти счастлива.

Выхожу из воды, медленно бреду вверх по дорожке, вижу, что могу продолжить мой путь по твердой земле. Сажусь на землю, любуюсь океаном, не вспоминая о страшном привидении. Солнце собирается погрузиться в океан и напоминает мне о том, что надо поторопиться. Поднимаюсь и быстрым шагом иду по тропе. Брожу по лесу еще час, подозревая, что выбрала не то направление. Небеса были милостивы ко мне. Ни единого зверя, способного причинить мне вред, ни одного фантома. Меня заботили время и выбранное мной направление.

Наконец, я встречаю на повороте пару. Мужчина и женщина держатся за руки. Признаюсь, меня уколола зависть. Женщина доверчиво опирается на мужчину. Они тоже немного заблудились. Сказала себя, дорогая, успокойся, ты не одна плохо разбираешься в туристических указателях. Они, как и я, хотели успеть к последней лодке. Мужчина немного пошутил по поводу моих взъерошенных волос, воды, текшей ручьями с брюк, хлюпающих кроссовок, всего моего облика, кричащего о крайней степени одиночества и избегнутой опасности. Я говорила и не могла остановиться, встреча с ними оказалась для меня счастливым случаем. Они стали расспрашивать меня, откуда я родом, где учила французский. Я отвечала наобум, чувствовала себя пьяной от счастья. Избежала реальной опасности, не похожей на мысли, поселяющиеся время от времени в голове и ввергающие в депрессию.

Вижу дочь, бегущую мне навстречу. «Мама!» Похоже, она так же счастлива, как и я. «Наконец!» Она смеется, обнимает меня, говорит с моими попутчиками. Чувствую облегчение.

Мой муж сидит на той же скамейке, что и несколько часов назад. Он почти не смотрит на меня, чтобы не наговорить лишнего. Хорошо понимаю его. Могу представить, что он чувствовал все это время, пока ждал жену, всегда поступающую посвоему. Его мобильник не работал. Он узнавал новости от дочери. Сердитый и довольный одновременно.

Мы успели. Последний катер готовился к отплытию. На лодке капитан посмотрел на меня с большим любопытством. Оказалось, что он был в курсе моих странствий, к нему обратилась моя дочь с просьбой найти меня, если я не смогу выбраться сама.

Новый знакомый нашел на телефоне карту с маршрутом по Ньюкаслу. Место с привидением и раздвоение тропы. Мужчина показал мне мой выбор, путь, пройденный мной по побережью, изрезанному скалами. Впечатляюще. «Мадам, вы прошли путь в 8 км по очень сложной тропе, как настоящая спортсменка. Вы немного промокли, но это не страшно». Он улыбается, и я вижу огонек в его глазах, который я расцениваю, как вызов, брошенный хрупкой женщине. Мои предположения оправдались. «В следующий раз я пойду по этой же тропе». Его спутница смотрит на меня с одобрением. Она ничего не говорит, но я вижу, что она довольна.

Возвращение домой оказалось столь же непростым, что и моя прогулка по острову Ньюкасл. Три пересадки. Естественно, что путешествие предстояло утомительное.

Странное совпадение ожидало меня. С молодости знаю, что все совпадения, как правило, согласованы удивительным образом. Правда, я не открыла для себя, кто ими дирижирует.

В самолете, вылетающем из Калгари во Франкфурт, моей соседкой оказалась…ну да, иранка, молодая, симпатичная, без комплексов. Сначала я не смогла определить, какой она национальности. Она с Востока, внешность не обманывает, но из какой страны?

Она села по-турецки на кресло и изучила меню на экране, установленном на кресле перед ней. Выбирала судоку. Мы обмениваемся несколькими словами на английском. Ее английский лучше моего, бесспорно. Говорим о полетах, пересадках, авиакомпаниях. Она спрашивает меня, из какой я страны. Ей это тоже интересно. Из Азербайджана. «Я так и думала», – говорит она. Она из Ирана. Я улыбаюсь в ответ.

Конец сентября. Столкновения иранцев с полицией во многих провинциях страны стали главной темой медиа во всем мире и, конечно, в азербайджанской прессе.

Не могу удержаться от соблазна задать ей вопрос о ситуации в Иране и что она об этом думает. Я говорю о роли женщин, об одежде, которую им навязывают. Она не казалась ни раздраженной, ни страдающей, напротив, спокойной и уверенной в себе. В удобном спортивном костюме, иранка не оставляла впечатления женщины, которой можно было бы что-то навязать.

«Не переживайте, мадам, ничего серьезного. Я понимаю, что вы, азербайджанцы, очень внимательны к тому, что происходит у нас. Все-таки большая часть вашего народа живет в Иране. Я только что говорила с братом, он живет в Тегеране, он успокоил меня. Все образуется через несколько дней». Она улыбается мне. Ее открытая улыбка утешает меня.

Погружаюсь в раздумья. Два берега реки Араз разделили азербайджанцев на две неравные части. Большая часть осталась в Иране. Другая часть страны была оккупирована Россией. На самом деле, можно говорить о Северном Азербайджане, нашей светской республике, и Южном Азербайджане – провинции Ирана. Понятно, что граждан независимого Азербайджана интересует судьба иранских азербайджанцев.

Некоторые шахи Ирана были азербайджанского происхождения. Великий персонаж персидской истории был азербайджанцем. Шах Исмаил I Сефеви. Политик и поэт. Он утвердил азербайджанский язык в качестве государственного языка.

Если вспомнить о том, что азербайджанское население в современном Иране лишено возможности обучаться на родном азербайджанском языке, нет ни одной школы с преподаванием на азербайджанском, понятным станет возмущение угнетенных людей. Азербайджанский язык изгнан из государственных учреждений. А число азербайджанцев, живущих в Иране, достигает 20 миллионов. Нас в независимом светском Азербайджане – 10 миллионов, ровно половина. Проблема налицо.

Моя соседка в самолете – персиянка, вероятно. В противном случае, она бы рассказала о сложностях азербайджанцев в Иране.

Мы еще раз пересеклись с отважной женщиной в аэропорту во Франкфурте, таком же огромном, как футбольное поле, где нужно было сориентироваться и быстро передвигаться, особенно если у вас пересадка, и ваш самолет улетает через полчаса.

Она нашла средство передвижения, автокар, перевозящий пожилых людей и инвалидов. Она не была ни старой, ни инвалидом. Тем не менее. Я и мой муж воспользовались ее силой убеждения.

Она объяснила водителю, что самолет улетает через 20 минут и что размеры аэропорта не оставляют ни малейшего шанса слабой женщине и двум немолодым людям, крайне утомленным после длительного полета, вовремя добраться до таможни аэропорта. Красавец водитель, молодой блондин с голубыми глазами проникся сочувствием. Мы с комфортом доехали до таможни за 5 минут. Там мы с ней расстались. Иранка улетела в Тегеран, я с мужем – в Баку.

Вернулась к пункту отправления.

Круг замкнулся.

Новые встречи ждут меня в жизни, надеюсь, но это – другая история.

Свобода лучше, чем несвобода

Эссе

Понятие свободы меняется, впрочем, как и многое другое в нашей жизни. Свобода афганской и иранской женщины превратилась в шагреневую кожу, сжимающуюся с каждым днем и могущую превратиться у всех на глазах в смешной клочок выцветшего пергамента, на котором зафиксированы пыльные догмы религиозных радикалов. Афганским женщинам практически запретили учиться. Муллы порешили, что самое разумное поведение для женщин – замкнуться в четырёх стенах, раздумывая над тем, что могло бы понравиться мужчинам её семьи.

Иранские женщины прошли долгую дорогу угнетения, прежде чем они решились возмутиться и выступить против мулл и их дискриминационной политики.

Те, кто родился в неволе и только умозрительно представляет, что возможна другая жизнь, какое-то время мирятся со своей участью. Тем более в странах, где религия диктует свои правила, где женщине уготована роль послушной и безропотной служанки своего господина. В наши дни теократических государств не так уж много: Иран, Афганистан, Саудовская Аравия, в частности.

Судьба иранских женщин особенно волнует нас, если вспомнить о том, что в Южном Азербайджане иранского государства проживают миллионы наших соотечественников. Триггером выступления иранских женщин послужило убийство в тюрьме Махси Амини 17 сентября 2022 года. Предлогом помещения молодой женщины в тюремную камеру, а впоследствии и убийства, послужило «неправильное ношение платка». Можно ли придумать более извращенный безобразный предлог для убийства? Вероятно, можно, при желании. А если пойти дальше, можно убивать и без всякого предлога, тем более женщину в религиозной стране, где в качестве основного закона выступает шариат.

После невиданных доселе массовых выступлений против режима, которые прошли по всему Ирану, муллы решили «смягчить» свою политику. В том варианте, в котором они представляют себе «смягчение».

«Как сообщают медиа, власти Ирана впервые за 43 года заявили, что женщины могут обходиться без хиджаба. На днях аятолла Хаменеи заявил в своем выступлении, что «хиджаб является необходимым условием шариата, рожденным исламом, и это веление, которое предписано шариатом. Важность хиджаба несомненна. Всем должно быть известно, что хиджаб – важное предписание шариата, и его необходимо соблюдать. Однако тех, кто не носит хиджаб, нельзя обвинять в неверии и в том, что они враги революции».

Почему женщины и сегодня подвергаются насилию и угнетению? «Слабый пол» и этим все сказано. Женщина физически слабее мужчины. Она не всегда может дать отпор сильному полу. Конечно, у нее есть другие преимущества. Женщина научилась превращать свою слабость в силу. Но такая политика приносит успех не всегда.

Еще одна страна, где мусульманские законы превалируют, – Саудовская Аравия. В последнее время там подули ветры перемен. С 2018 года женщинам разрешили водить машины.Тем не менее, женщина остается под опекой мужчины. Это значит, что она не может без разрешения опекуна принимать более или менее значимые решения. Одним из удивительных законов является развод, полученный по инициативе мужчины, когда муж даже не считает нужным проинформировать жену о том, что он развелся с ней. В последнее время суды обязали сообщать женщинам о том, что мужья разводятся с ними. Мера вызвана тем, что мужчины злоупотребляли своим правом тайного развода без согласия женщины.

И самая последняя невероятная новость: женщина стала международным судьей. В 2022 году ФИФА включила Ануд аль Асмари в число 8 представителей Саудовской Аравии, судящих международные матчи. Либерализацию нравов связывают с усилением влияния принца Мохаммеда бин Салмана. Молодой принц внешне, по крайней мере, стремится к созданию более благоприятного имиджа для своей страны. Полагаться на то, что в конечном итоге женщины в Королевстве обретут те же права, что и мужчины, преждевременно. Вспомним скандал с убийством саудовского журналиста Джамаля Хашогги. В заказе на убийство подозревают принца. Насколько подозрение обосновано, судить сложно. Очевидно лишь то, что авторитарный способ правления, когда ситуация в стране зачастую зависит от настроения правителя, не позволяет особенно надеяться на стабильный прогресс в области прав человека. Еще одна сенсационная новость пришла из Саудовской Аравии. Создано военное подразделение из женщин. Немного похоже на «потешный» полк, хотя амазонки в свое время завоевали себе репутацию бравых воинов.

Отдадим должное политике принца. В числе прочих нововведений он снял табу со светской музыки. «Сегодня, Слава Аллаху, мы можем спокойно играть на площадях, в парках, любых общественных местах, включая рестораны», – говорит музыкант Эль-Муханна.

Общество только выиграет от либерализации теократического режима.

Раскрепощение женщин, их активное участие в жизни общества принесет пользу и мужчинам, и государству в целом. Представьте, что вся материальная тяжесть заботы о семье лежит на плечах мужчины. Правда, он освобожден от забот по ведению домашнего хозяйства. В некоторой степени от заботы по воспитанию детей, однако материальная составляющая довлеет, невозможно с этим не согласиться. Материальный фактор, в свою очередь, становится главным аргументом в угнетении женщины. Раз она ничего не «зарабатывает», значит, целиком и полностью зависит от воли ее «опекуна».

Приведу аргумент, как мне кажется, способный растопить «железную волю» некоторых мужчин в их стремлении главенствовать. Возможность не брать на себя ответственность за все, что происходит в семье и за ее пределами. Молодой азербайджанец как-то признался, что его привлекают самостоятельные девушки, у которых есть свое мнение, профессия и интересы. С такой девушкой-партнером он готов создать семью, зная, что она будет ему опорой в любой ситуации. В случае активного участия женщин в общественной жизни появляется надежда на улучшение нравов в силу того, что от природы женщины менее агрессивны. Потенциал женщин велик. Разговоры о том, что женщине неподвластны те или иные области знаний либо искусства, спорта, лишены всяких оснований. Конечно, есть определенные ограничения. К примеру, женский бокс, на мой взгляд, не самое лучшее занятие для женщины. Повторюсь, это мое личное мнение.

История афганской девушки Надии Надим, вынужденной иммигрировать в Данию в 2000 году из Афганистана, показательна. Ее мать Гамида в 20 лет осталась одна с пятью маленькими дочерьми после того, как их отца, полковника Надима, убили талибаны. В Дании Надия стала известной футболисткой, завоевавшей международное признание. На этом ее карьера не закончилась. В 2022 году она получает диплом врача, продолжая играть в футбол. Ее мечта – вернуться в родной Афганистан и помочь тем, чью жизнь разрушили талибаны. Будем надеяться, что ее мечта сбудется. Так же, как и мечта иранцев, как женщин, так и мужчин; тех, кто стремится обрести свободу и освободиться от страшного теократического режима мулл.

НОВОЕ ИМЯ

АННЕ БУЛИЧ

Где мои шестнадцать лет,
точёная фигурка,
перетянутый корсет,
колоколом юбка?
Где нездешняя любовь
яростной задумки?..
Грозный рык прошедших львов
не слыхать за дымкой.

Попробуйте по стихам дать психологический портрет автора. Корсет, юбка-колокол – это мода, по меньшей мере – 50-х годов прошлого века. И ностальгия по юности.

Невозможно поверить, что автору самому на момент написания текста – 16 лет, и нет никакого серьезного прошлого. Может, это геномный опыт краковской прабабушки, музицирующей и поющей чувственные романсы? А двоюродная сестра прабабки – Булич Вера, жившая в Финляндии, в 1934 году выпустила стихотворный сборник «Маятник». В этом аристократическом роду дар ясновидения передавался почему-то лишь по женской линии.

Почему неистовый графоман так и не научится до конца жизни слагать настоящие вирши, а некий подросток с первой попытки преодолевает высоту?

Это и есть тайна поэзии, суть которая не наработанная (хотя Николай Гумилев грозился из каждой кухарки слепить приличного стихотворца), а врожденная. Особенный поэтический слух сродни музыкальному. Если есть чувство соразмерности и спряжения слов казалось бы неспрягаемых, то остальное приложится. Приложится как тема или, наконец, сама Судьба.

Кем будет Анне Булич? детским ли поэтом или поэтом большего диапазона – сегодня предугадать сложно; но то, что она поэт по праву рождения – это несомненно. Еще одно явление на нескудеющей абшеронской почве – выжженной жгучим солнцем, просоленной морем и ветром, и сдобренной бескорыстным прахом поэтического прошлого.

Марат Шафиев, член Союза писателей Азербайджана.

***

Поиграем в «классы»:
первый и второй,
потрясем у кассы
сумочкой пустой.
А в вагоне общем
стыдно личных слез;
поле перетопчем
ножками колес.
На чуток присядем,
но не прозевай
выпускной десятый,
выход через рай.

***

Моей тете – Булич Вере

Санкт-Петербург и Белый
тебя провожает домой,
хрустит под шагами снег белый,
от белизны сам не свой.

Стихами насыщен воздух:
рифмуется гением вслух
сирень и нездешние звезды –
ядреный и сочный дух!

Мост разведен.
И Невою,
скованной крепким льдом,
вы, скоротав путь невольный,
входите в мраморный дом.

Муфтой согреты руки
и поцелуем – глаза...
Выпали крестные муки,
над Финским вокзалом – гроза.

Ломом железным лед сколют –
талой водой шумит.
Смешанный с грязью осколок
серебряной нитью прошит.

Кормление воробья

Слёзы замерзают на щеке,
в снег смахну я капельки жемчужин;
воробьишка ищет корм вотще –
подбери мою слезу на ужин.
Я сыта по горло жизнью всей,
на губах горчит от поцелуев –
подкрепись надеждой, воробей,
по весне мы снова загарцуем.
По весне нам снова гнёзда вить,
крошками от пиршества питаться.
Песенкой твоею, может быть,
буду я ещё не раз спасаться.

***

Не бойся уходить.
не боюсь,
не побегу за уходящей тенью.
Останется лишь тоненькая грусть –
и ею так сподручно резать вены.

***

Я – сильная, я – слабая:
гляди,
как сердце бьёт отчаянно
в груди.
Кровь – горяча, а ритмы – вразнобой,
святая – я и грешница –
не меньшая.
Уходишь?
А разве не такой
должна быть любящая тебя женщина?

***

Я на холсте рисую твой портрет,
пусть на чело медвяный льётся свет:
на лоб открытый, светлые глаза…
Откуда только здесь взялась слеза?
Её замажу.
Красок сквозь
всё мироточит свежий холст.

***

Все, что хочешь,
кроме…
Любовные игры
с девственницей.

***

Пусть зовут меня: малышкой,
но мой труд совсем не лишний.

По небу ракета вьётся,
но в сачке моём взорвётся.

В дом мой прилетевшей пуле
я показываю дулю.

Танки, что ползут червями,
скину к непролазной яме.

Стену акварелью крашу,
станет дом намного краше.

НАШИ ГОСТИ

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК

(Россия)

Говорят, что настоящий писатель должен прежде всего знать жизнь в самых разных ее проявлениях. Если следовать этому принципу, то уже при первичном знакомстве с биографией Виктора Трифоновича СЛИПЕНЧУКА становится очевидно его право называться тем самым настоящим писателем.

Его судьба – это судьба поколения тех, кто был рожден в «сороковые, роковые», взрастал в переломные 1950-е, юнел в оттепельные 1960-е, мужал в эпоху брежневского развитого социализма… Тех, кто пережил драматический распад огромной, некогда единой страны, но не потерялся и в новом XXI веке – возможно, потому, что всю жизнь занимался своим Делом…

Первое стихотворение будущий литератор написал в 14 лет. Работал в геологических партиях, слесарил, отслужил в армии… Выпускник Омского сельскохозяйственного института, он некоторое время работал зоотехником на Алтае, именно тогда написал первую книгу – правда, она была узкоспециальной, посвященной проблемам овцеводства, но не осталась незамеченной в научных кругах. В 1966-м был участником совещания молодых поэтов Урала и Сибири, где его приметил Ярослав Смеляков и помог опубликовать стихи в «Литературной России», снабдив их напутственным словом. Несколько лет проработал редактором на Барнаульской телестудии. Но, видимо, именно то самое «джеклондоновское» начало не давало ему спокойно осесть в редакторском кресле, и он уходит в море простым матросом на рыболовном траулере. Непродолжительное время спустя он уже первый помощник капитана, позже инженер-рыбовод. Через несколько лет романтика времени и личная неуспокоенность приводят его на одну из Всесоюзных ударных комсомольских строек, где он работает плотником-бетонщиком и по совместительству собкором краевой газеты «Молодежь Алтая». В начале 1980-х Виктор Слипенчук – слушатель Высших литературных курсов при Московском Литинституте им.Горького. Принят в Союз писателей СССР в 1982г. Позже руководитель областного лито при газете «Новгородский комсомолец», директор Литфонда Новгородской писательской организации, редактор и ведущий радиожурнала «Литературный Новгород», главный редактор новгородской газеты «Вече». Во второй половине 1990-х перебирается в Москву, где живет и сегодня, продолжая активно, несмотря на достигнутый «аксакальный» возраст, заниматься творческой работой. Среди произведений писателя – полномасштабные романы, повести, рассказы, поэмы, в разные периоды он пробовал себя в разных жанрах: путевые заметки, хроники, основанные на реальных событиях и пережитом опыте, фантастика, сказки для взрослых… Можно сказать, что его формула творчества – это то самое знание жизни и человека плюс свободная творческая фантазия, помноженная на профессионализм, выработанный за долгие годы присутствия в литературе. Член-корреспондент Академии российской словесности, награжден Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы», а также дипломом Московской городской организации Союза писателей России «За верное служение отечественной литературе». Произведения писателя переведены на многие языки, по ним выпущено несколько радиоспектаклей и театральных постановок. В 2023-м Виктор Слипенчук планирует принять участие в традиционной Международной книжной выставке в Азербайджане, идут также предварительные переговоры о возможной постановке его поэмы «Чингисхан» в одном из бакинских театров. Приветствуем нашего гостя на страницах журнала и желаем удачи в дальнейших творческих начинаниях.

Крылатый боевой конь

Рассказ

Сердце торкнулось и побежало-побежало, и я проснулся. Я спал на ватниках, постеленных на полу, и, привстав, сразу увидел две конфеты. Настоящих, в прозрачных фантиках. Я подоткнул их под резинку трусов и выскочил на улицу. Обычно мы с мамой приходили в колхозный детсад первыми – она, как заведующая, а я — как слишком маленький, которого поутру не с кем оставить.

Сегодня она меня не разбудила, и я, как большой, сам побежал в детсад. Всё было чудесным. Солнце уже поднялось, и улица была, как на ладони. Две конфеты вызывали массу неожиданных мыслей. Они просто взрывали мой мозг внезапно открывшимися возможностями. Десятки решений бурлили в моей голове, и я наконец решил, что одну из конфет дам Павлику Башта, мальчику из старшей группы, который бегал лучше всех, но не хотел играть с нами, мальчишками из средней. У меня возник план задобрить его. План был замечательным, но Павлик мог не согласиться стать моим боевым крылатым конём всего за одну конфету.

За две он, конечно, не устоит, размышлял я. Но вторую конфету мне хотелось попробовать самому. Однажды я уже пробовал такую в прозрачном фантике. Очень, очень сладкая конфета. Намного слаще сахара. Мне захотелось удостовериться, я даже приостановился.

Но если он не захочет за одну?! Мысль обожгла, я со всех ног припустил по дороге что было сил. Если он не захочет, то я ему скажу: бери вторую, чёрт с тобой! Так чертыхается повариха, когда водовоз требует полного трудодня за одну внеплановую бочку.

Подбегая к детскому саду, увидел многих мальчишек из старшей группы, вылезших на забор. Павлика среди них не было.

Мама стояла возле летней кухни в окружении воспитательниц. Все они были в белых халатах (по ним мы легко отличали их от других работников). Чтобы не привлекать внимания, я побежал к другой калитке. Я не хотел показывать, что моя мама заведующая детским садом, чтобы потом меня не дразнили «маменькиным сыночком».

Меня окликнула Мария Васильевна, воспитательница нашей группы. Приоткрыв калитку, сказала, чтобы помыл руки. Сейчас будем завтракать на веранде, а потом всем детским садом пойдём на речку купаться. Сообщение о том, что после завтрака всем детским садом пойдём на речку, словно подбросило в огонь сухого хвороста.

Я пригнулся, чтобы никто не думал, что я маменькин сыночек, и опять со всех ног помчался к главному корпусу. Я только один раз мельком оглянулся на маму (она стояла ко мне спиной), но всё равно по лицам воспитательниц догадался, что мама молчаливо усмехается мне какой-то своей далёкой мыслью.

В такой день не жалко будет отдать и вторую конфету. Я представил, как Павлик мчится по зелёному пойменному лугу, а я не отстаю, потому что держусь за удила, крепкие верёвочки из парашютных строп, которые он приносит из дому как свою личную сбрую. Меня охватила внезапная радость. Для такого сильного скакуна, как Павлик, не жалко никаких конфет, думал я и в умывальной нос к носу столкнулся с ним.

– А, это ты! – сказал Павлик.

И предупредил, что если в другой раз буду так лететь, то он не посмотрит, что моя мама заведующая детсадом, и подставит мне ножку, чтобы я разбил нос.

Он нарочно сказал про маму, чтобы обидеть, он знал, что никому не понравится, когда ко всему, что ты ни делаешь, примешивают маму.

– Где твоя сбруя? – спросил я.

– А что?! – испугался Павлик.

– А то, что хочу попросить тебя побыть моим боевым крылатым конём.

– Ты?! Меня?! Боевым крылатым конём?

Павлик стал насмехаться надо мной.

– Ты кто такой? – спрашивал он меня. – Ты думаешь, если твоя мама заведующая детсадом, то я соглашусь?!

Он бил очень больно, но я молчал. Я знал, что Павлик будет так говорить, потому что на его месте каждый бы так говорил, потому что Павлик – это лучший крылатый боевой конь.

– Да ты знаешь, кем был мой отец до войны?

Павлик побледнел, и я подумал, что всё сорвалось, потому что когда-то давным-давно, когда меня и в помине не было, отец Павлика был председателем нашего колхоза, а теперь он с трудом ходит на костылях. И тут на моё счастье зазвенел звонок на завтрак.

– Не торопись! Завтракать будем на веранде, – сказал я и предложил, что за каждую его пробежку от забора до забора я согласен быть конём Павлика столько раз, сколько он захочет.

– Ну, ты совсем уже белены объелся, – сказал Павлик и побежал на завтрак.

Пока умывался, слышал, как в старшей группе он объявил, что завтракать будем на веранде. По голосу Павлика догадался – он простил меня и гордится новостью. Если успею, скажу ему, что после завтрака пойдём на речку. Я представил, как мы бежим по траве, по золотым одуванчикам и ромашкам, набивающимся между пальцами, и до того разгорячился, что пришлось подставлять голову под рукомойник. Холодная вода освежила, и я поспешил на веранду.

Мне опять повезло. Павлик ждал меня.

– Смотри, – сказал он и растопырил боковой карман на своих коротких штанах с отстёгнутыми лямками.

Карман был набит парашютными стропами.

– Но я всё равно не буду твоим крылатым конём, ты плохо бегаешь, – сказал Павлик и стал задаваться, что от забора и до забора слишком мало места для крылатого коня. – От забора и до забора бегают лошадки-водовозки.

– После завтрака мы пойдём на речку, – сказал я. – А теперь, смотри!

Я вытащил из-под резинки две настоящие конфеты в прозрачных слюдянистых обёртках и одну пообещал отдать Павлику, если он согласится быть моим крылатым конём. Он как увидел конфеты, так сразу же и сглотнул слюну.

– Настоящие, в фантиках, – восхитился он, а я опять спрятал конфеты под резинку, потому что к нам подбежал Мишка Рубанюк.

Мишка был старше меня на пятнадцать дней, а ростом был маленьким, словно из младшей группы. Его интересует всё, что интересует меня. Он и за столом сидит рядом со мной, а вчера попросил, чтобы я разрешил ему иногда говорить в группе, что он старше меня. Я не разрешил. Я сказал, что пусть вначале обгонит меня ростом, а потом говорит. Мишка покраснел, как варёный рак, потому что понял, что его разоблачили, что он хочет быть выше ростом за счёт других.

– Смотри, – подбежав, сказал Мишка и растопырил карман точь-в-точь, как Павлик.

Я увидел пучок смятого ворсистого шпагата, перетянутого суровой ниткой, и нарочно загородил карман, потому что сразу догадался, что это не шпагат, а жалкая сбруя для боевого коня. Конечно, она не шла ни в какое сравнение со сбруей из настоящих парашютных строп, внутри которых протянуты крепчайшие шёлковые нитки, которые многие рыбаки используют на лески. Я не хотел, чтобы Павлик увидел Мишкину сбрую, но он увидел и сразу стал насмехаться над нами.

– Ой-ё-ёй, какая хорошая сбруя! – деланно засмеялся Павлик. – Как раз для лошадки-водовоза.

Он побежал за стол в свою старшую группу. А я сказал Мишке, чтобы он не садился со мной за столом – я с ним сидеть не буду. Мишка сгорбился, стал ещё меньше. И опять покраснел, как рак. Так тебе и надо, подумал я. И ушёл от него. И нарочно сел в самой гуще пацанов, чтобы рядом не было ни одного свободного места. Мишка Рубанюк просто опостылел мне своей дружбой.

После завтрака нас повели на речку. У старших была своя воспитательница, а с нами была Мария Васильевна. У шоссейной дороги мы смешались со старшими, а за дорогой нас снова разъединили, потому что старшим надо было идти на вторую ямку (она дальше), а нам – на третью (ближайшую излучину, где море песка, где без дождей речка совсем обмелела).

Мишки Рубанюка я не видел, после завтрака он старался не попадаться мне на глаза. Зато за шоссейной дорогой Павлик Башта сам подошёл ко мне.

– Давай свои конфеты, только не хнычь, если упадёшь и нос разобьёшь.

Я напомнил Павлику, что мы условились за одну конфету. Но он сказал, что, как только наденет сбрую, мы помчимся сразу до второй ямки, минуя третью.

– Это тебе не от забора до забора.

Мы вместе посмотрели вдаль пойменного луга, усеянного золотыми цветами одуванчиков, а потом он вытащил из кармана свою великолепную сбрую с двумя поперечными перехватами верёвочками и сказал:

– От второй ямки до третьей так и быть ты будешь боевым крылатым конём.

Это была неслыханная удача. На виду у всех проскакать боевым крылатым конём самого Павлика. Но я не стал выдавать свою радость и, вытащив из-под резинки конфеты, сказал:

– На, чёрт с тобой!

Я никогда не видел вблизи сбрую боевого крылатого коня, а только на Павлике. Теперь она лежала на траве и оказалась намного лучше, чем я думал.

Если ты боевой крылатый конь, то надо накинуть стропу на плечи, пропустить под руками, и первая поперечная верёвочка, что ближе всего к спине, становится чересседельником, а другая, что ближе к наезднику, получается тачанкой-ростовчанкой. Она удерживает поводья, чтобы они не распадались и не запутывались. Если настала очередь наезднику стать конём, то ему не надо никого ждать, а надо сразу запрягаться в сбрую со своего конца.

У этой великолепной сбруи много, очень много неожиданных значений. Но пока она лежала на траве, я хорошо рассмотрел её и понял, что только пусть придёт время, я сам сделаю такую, а может быть, и лучше. И оттого, что я понял, такая радость меня охватила, что я не мог стоять на месте. Всё моё тело трепетало от нетерпения.

– Павлик! Давай помогу!

– Вот ещё, – сказал Павлик и сообщил, что конфеты сосательные.

Он одну конфету положил в рот, а другую – вместе с фантиком в карман. Но меня уже не интересовали конфеты. Я сгорал от нетерпения. Наконец, Павлик облачился в боевого крылатого коня, и мы помчались.

Ликующие лица, смеющееся солнце и простор неба и луга я схватывал глазами, как птица, не чувствуя ног.

– Губкин! Башта!

Я слышал этот оклик. Но сердце не отзывалось. Простор жизни переполнял меня, и я не мог остановиться.

За стеной ивняка Павлик замедлился, и я чуть не сбил его с ног

– Хватит! – выдохнул он. – Мы уже на первой ямке.

Тут только я увидел за ивняком излучину речки и взрослых, ныряющих ласточкой с крутого берега.

– Теперь твоя очередь быть конём, – сказал Павлик.

Я не стал ждать, пока он распряжётся, и быстренько со своего конца надел сбрую.

– Ты, наверное, где-нибудь подсмотрел, что она двусторонняя?! – удивился Павлик.

Я промолчал. Я не хотел тратить время на разговоры.

– До второй ямки. И хватит, мы слишком далеко убежали, – предупредил Павлик и предложил: – Хочешь, я поделюсь и откушу тебе полконфеты?

– Нет, не хочу, – сказал я, потому что никакие конфеты теперь не могли сравниться с тем, что вдруг открылось мне.

– А я и не знал, что ты так хорошо бегаешь, – сказал Павлик, и я засмеялся, потому что теперь знал, что это была правда.

И мы опять побежали.

И опять простор зелёного луга и неба вскакивали в меня и переполняли сердце. Павлик не успевал за мной. Стропы то натягивались, то ослабевали, но это только прибавляло сил. Я бежал галопом, как самый настоящий крылатый боевой конь. Как только чувствовал, что Павлик сейчас натянет поводья, я, рванув, подпрыгивал, бросаясь вперёд всем телом.

Из-за стены ивняка выбежали мальчишки старшей группы.

– Вот они, вот они! – кричали они, расступаясь.

Павлик бросил поводья, и я на ходу, не останавливаясь, сбросил сбрую. От одинокой ракиты отлепился маленький Мишка Рубанюк. Я узнал его, я узнал бы его и за сто километров. Он стал спускаться к речке, а издали казалось, что он погружается в землю. Мне что-то кричали и Павлик Башта, и другие пацаны, но я не слышал ничего. Я не хотел слышать. Простор неба и луга вошли в меня, и я растворился в них.

Когда выбежал на берег третьей ямки, все уже были заняты своим делом. Кто-то строил домики на песке. Кто-то по-лягушачьи плашмя прыгал на воду. А большинство бегало туда-сюда, обрызгивая друг друга. Вода и солнце, шум и гам были рядом, но не касались меня, и я со всем своим неохватным простором решил впрыгнуть в этот ликующий мир.

Я кинулся вниз, как птица, как необъезженный крылатый конь. Чтобы ни на кого не наскочить, я взял правее купающихся. Я взял прямо на широкий и рясный куст ивняка. Я знал, что перелечу через него и бомбочкой, поджав ноги, плюхнусь в свободное пространство воды и солнца.

У меня всё получилось. Я ни на кого не наскочил и пролетел над ивняком, словно крылатый боевой конь. Я нарочно не выпрямлял ног, пока не коснулся дна. А когда коснулся, сразу разжался весь, как тугая пружина.

Дно оказалось илистым и вязким. Я засучил ногами и заспешил, чтобы выскочить из воды. Меня никогда не учили плавать, и я стал барахтаться. Теперь я взмахивал руками, как большая всамделишная птица. И всякий свой взлёт невольно гасил движением крыльев вверх. Я не мог вынырнуть, но страха не было. Глаза сами открылись, и взбаламученная жёлтая муть стала застить свет, и, чтобы не захлебнуться, я стал пить её.

Совсем рядом над головой засветилась серебряная сверкающая полоска. Я знал, что мне надо хотя бы коснуться её. Хотя бы зацепиться за неё глазами. И тогда я снова увижу и солнце, и весь-весь ликующий день. Но у меня не получалось. Жёлтая вода не давала дотянуться и с каждым взмахом крыльев отодвигала её. И тогда, чтобы приблизиться к ней, я стал пить воду и глазами, и крыльями, и всем-всем своим телом. Вода вливалась в меня, не останавливаясь. От разрывающей рези глаза вылазили из орбит, и, чтобы помочь им, я пил и пил. Но жёлтой воды становилось всё больше и больше. Она вытесняла весь простор жизни, который ещё минуту назад я впервые открыл в себе.

И тогда я замедлил движение рук и перестал взмахивать ими, как крыльями. Я сжался и медленно опустился на дно. Я вновь почувствовал его илистую вязкость, но ни на секунду не забывал о светлой полоске вверху. Я искал её сквозь жёлтую муть и, не отвлекаясь, собирал в себе весь простор жизни, который ещё был во мне, до которого эта жёлтая муть ещё не добралась. Я собирал его в серебряный живой комочек, и что-то необъяснимое вдруг стало поднимать меня.

Я увидел светящуюся полоску и почувствовал, что под сердцем комочек шевельнулся. И тогда молчаливо я шепнул ему: подожди, ещё рано, ещё жёлтая муть может перехватить нас. И мы замерли. Но светлая сверкающая полоска услышала наш разговор и стала тихо-тихо подплывать к нам. Она подплывала всё ближе и ближе, и живой комочек, притягиваясь к ней, поплыл внутри меня к моим глазам. В какой-то момент, словно от электрической искры, я весь разжался и, словно крылатый боевой конь, изо всех сил взмахнул крыльями. Я ударил ими с такой силой, что полоска разорвалась и зазвенела. Она зазвенела, как тысячи сверкающих брызг.

Я увидел солнце, ликующую детвору и одинокого Мишку Рубанюка, испуганно показывающего рукой на круглый лоснящийся мячик. Мячик, медленно всплыв, постоял под кустом, а потом опять медленно погрузился в воду. У меня не было никакой мысли, что этот мячик – я.

Никто не обращал внимания на призывы Мишки, пока Мария Васильевна вдруг не вскинулась вместе с халатом. И уже на бегу резко не откинула его. Она с разгону бросилась в воду, как раз на то место, на которое указывал Мишка. И опять не было никакой мысли, что она бросилась мне на помощь.

Я подумал о маме и сразу увидел её, потому что мои глаза теперь были большими-большими, как небо и как простор нескончаемого дня. Она сидела в летней кухне вместе с поварихой и пила чай. Она подняла стакан, и чайная ложечка вдруг выскользнула из стакана.

– Ой, Боженьки! – вскрикнула мама и выронила стакан.

Он со звоном разбился о железное ведро. Я хотел поднять чайную ложечку, но здесь всё исчезло и забылось.

Я не помнил, как меня откачали и как привели в детский сад. Я вспомнил себя только во время тихого часа. Мы сидели на ступеньках глухого крыльца главного корпуса. Тени больших деревьев ласково шевелили листьями, и все разговаривали боязливо вполголоса. Говорили о злых водолазах, живущих в воде и утаскивающих утопленников. О том, что если бы не Рубанюк, то я утонул бы по-настоящему. Девочка Ольга Вольхина, знавшая все буквы в алфавите, надеялась, что в следующий раз Рубанюк не увидит, и тогда я утону по-настоящему, и водолазы утянут меня, и тогда в группе они все вместе на это посмотрят.

Кто-то сказал, что тонуть – это очень больно, и все сразу зашикали на Вольхину и пообещали: если она утонет, то её спасать не будут, а сразу отдадут водолазам. Вольхина стала хныкать, что боится их. А Мишка Рубанюк сказал, что она хочет всё знать за счёт других. И если она такой останется, то с нею рядом никто сидеть не будет. Он посмотрел на меня, но я промолчал.

Из-за корпуса вышла мама, торопливо взглянула и ушла. Никто не мешал нам сидеть на крыльце во время тихого часа. Я спросил у Мишки:

– А где Павлик Башта?

– Он спит, – ответил Мишка. – Павлик сказал, что если бы ты не утонул, то он бы дал тебе подзатыльник.

Я опять промолчал. Мне было понятно всё. Всё-всё, до самого донышка. Почему Мишка так говорит и почему – Павлик. И почему мама прибегала и торопливо ушла. И почему Вольхина хотела, чтобы я утонул. Всё-всё я понимал, но это понимание не радовало меня, а лишь навевало грусть открывшейся жизни.

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА

У нас в гостях Вера Хамидуллина: писатель, переводчик, издатель. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Руководитель литературного проекта «Современные авторы – детям», председатель комиссии по детской литературе Союза российских писателей. Она не только сочиняет стихи, но и много переводит. Переводы Веры Хамидуллиной вошли в антологию татарской поэзии "Из века в век".

О поэте

Поэт от сердца пишет и в сердцах...
Он сердцевед, принявший близко к сердцу
Сердцебиенье старца и младенца
И средоточье мира в их глазах.

Воспеты возрождение и крах
Эпох и городов. Через скрижали,
От таинства рожденья к горней дали
Мироточит душа его в стихах.

Его благословили небеса,
Чтоб тонкая словесная фреза
Снимала лыко липовое с будней.

Он развязал повязку на глазах,
Он видеть образа нас обязал.
И в храме Музы стало многолюдней.

***

Первая моя рукопись называлась прописью.
Там мама мыла раму и всё такое...
Там не витала ещё над словесной пропастью
И не пугала ворон междустрочным воем.

Ножки поджав по-турецки на стуле венском,
Каждую букву промакивала промокашкой.
И не сжималась душа от тоски вселенской,
И не внушала другим, что пишу о важном.

Пальцы в чернилах были, душа прозрачной –
В мультиках с мамонтёнком, котёнком, Умкой...
И не хотелось что-то переиначить:
Истины прописные в шальные думки.

Вытряхну из портфельчика свои книжки...
Много их или мало, но все не точно.
Что о них думать: вышло оно – как вышло.
Надо, как в прописях, – начисто с новой строчки...

По постулатам

По постулатам жила, по закону разума...
Пичкала жизнь то мудростью, то наивом.
Дни составляла разнообразными пазлами,
И выходила в итоге картинка криво...

Стала с зарей вставать и рассвет вычерпывать
И заносить наитие на бумагу.
Все, что писала, умела потом зачеркивать,
Не поднимая до ранга девиза с флагом.

Город вздыхал и фыркал – не соболезновал.
Городу нужно было, чтоб городила.
В части макулатуры была полезная,
А в остальном я городу не подходила.

Да и кому понравится баб язычество
И ворожба над словом до пустословия.
Нет, чтобы кухню с ванной до блеска вычистить,
Как полагается низшему их сословию!

Дождь грозовой соседствует с дикой засухой,
Зимние снеговороты с капелью весен.
Тикают часики где-то в районе запазухи,
Время летит, временами года уносит.

И за щекой расщелкиваются семечки,
И пересаливаются борщи-омлеты...
С каждым рассветом карабкается мое времечко
На верхотуру, точнее к верховьям Леты.

Ёжик

Ёжик из лесу пришел,
Молоко и хлеб нашел:
Это мы для кошки
Положили в плошку.
Он пофыркал,
Он понюхал...
Что ему не нравится?
Он свернулся,
Развернулся
И назад отправился...
Мы, наверное, тарелку
Не туда поставили,
Или очень мало хлеба
В мисочке оставили.
Ёжик сам решил загадку.
Через час привел ребяток.
Кушают ежатки –
Значит, все в порядке!

Рыжий кот

Очень странный рыжий кот
Ходит в небе круглый год.
Я встаю – и он встаёт.
Я иду – и он идёт.
Вместе с ним ложусь я спать:
Он за горку, я в кровать.
Днём со мной играет в прятки:
Из-за туч глядит украдкой,
То спина мелькнёт, то хвост…
Но уж если в полный рост
Он встаёт на небе синем,
Мир становится красивым.
Это сыплет кот со спинки
Золотистые шерстинки.
Только я не понимаю,
Как они нас согревают?
Мне бы взять кота в ладошки,
Приласкать его немножко…

Пусть мне имя назовёт
Этот странный рыжий кот!

Я простудился…

Я простудился. Лежу и болею.
Дождь за окном. Я его пожалею.
Бегал по лужам он между домами.
Вот и чихает так громко громами.

Горло завязано тучкой-платочком…
Он простудился, как я, это точно!

П Е Р Е В О Д Ы

РАЗИЛЬ ВАЛИЕВ

Человек

Я этого мира частица, кусок.
Пусть маленький, но материк.
И пропасти есть у меня, и холмы,
Я к этим красотам привык.

Я в мире один, мир похож на меня.
Я волосом – лесом оброс.
Мне Солнце – как счастье. Мне радость – Луна.
Я взмок от дождей и от рос.

Вулканом взрывается ярость моя,
И стелется грустью туман.
Как слезы, прозрачны мои родники,
Слова – будто ветер-буян.

Спокойна озерная гладь моих глаз,
А где-то, подняв якоря,
Срывается к острову-сердцу, мечта –
Сквозь годы плывет и моря.

На острове том в сундуке бытия
Хранится архив моих дней.
Жаль, чистых страниц не осталось совсем.
Postscriptum допишут поздней.

Как древние руны, мне память хранит
Легенды былых Атлантид:
Все земли тонули и гибли, когда
Мой мир еще не был открыт.

Тогда не Землей называлась Земля,
И жизнь по-другому текла.
В наследство от предков мне дан материк –
Я ветка, отводок ствола.

Я тот человек, что канатами строк
Идет к достиженью высот.
Меня не утопишь, – дрейфует, плывет
Мой мир, мой спасательный плот.

Обещание

Рай тебе не обещаю –
Полномочий нет таких.
Из богатства – лишь стихи
С ароматом каравая.

Небо не смогу отдать я...
Только звезды и Луну
Словно карту разверну,
Осыпая благодатью.

В сердце радости истоки
И печаль не расплескал.
Не беда, что дом мой мал –
Небеса мои высоки.

Может, счастлива не будешь...
Но и горя не хлебнешь.
В двери рая не войдешь,
Но дорогу в ад забудешь.

АЛЕКСАНДР ДИМИДОВ

ГОЛОСОМ ЖВАНЕЦКОГО

Монолог

Я перестал праздновать свои дни рождения дома.

Перестал.

Ну, потому что не рентабельно. Дарят ерунду, говорят вежливую чушь. А у меня продукты – от чистого сердца. У меня приготовлено с душой. Медальоны из молочной телятины с черносливом, балычок, сортовая икра по маслу на домашней французской булке. И капля, бегущая по изгибу запотевшего стекла, только что из холодильника.

Вроде, с этикой все в порядке, в смысле отношений. И эстетика радует глаз. Мясом, фруктами, закуской радует.

А уберем посуду, помоем. Откроем конверты, посчитаем. Математика подводит, сука.

Повезло нам с гостями. Мировые ребята. Бригада «Добей врага». Три инвалида. Двое по возрасту. Один по уму. Ну, видимо, какой младенец, такие и волхвы.

И с ними эта Люся, которая считает, что у нас когда-то было.

Я не помню, богом клянусь. Ни сном, ни духом. Но она так считает. Мне неловко смотреть на ее прищур. На нездоровый юношеский румянец, предательски обагряющий дряблую кожу щек. Она шепчет мне безумную мысль, что любовь с возрастом, как вино, становится только лучше. С вином я согласен. Хотя, о конечном продукте брожения можно поспорить. Она считает, что мармелад на спирту. Я думаю – уксус. Она по образованию химик. В конце концов, мне приходится целовать ее материнские руки, убеждая, что и то, и другое, в любом случае, мне запретил врач.

Что они могут пожелать?

Двое – на феназепаме, третий – без почки, четвертый – после инфаркта, с пылу с жару. Конечно, здоровья.

Если вспомнят, как оно выглядит.

Сеня, желать человеку счастья после сорока – неприлично. Как рассказывать про Деда Мороза ветерану Чеченской войны. Нет, меня не оскорбляет. Но ставит вопрос о ментальных способностях желающего.

Где вы видели это счастье? Спроси на трезвую голову, вы изобразите испуг, как будто вас только что подвел мочевой пузырь.

Вот так и счастье: неожиданное тепло где-то внутри, потом минутная легкость. Только без позора.

Они, конечно, станут есть и пить, не прожевывая, глотая в перерывах медикаменты. Где еще они смогут так вкусно поесть? И желать мне творческих успехов. Хотя, по глазам вижу, что пьют больше за то, чтобы я не отделялся от коллектива. Вот так и вижу в глазах: «за твой успех, сволочь!»

Люсенька, дорогая моя. Любой мужчина после шестидесяти, даже самый ухоженный, – это, в лучшем случае, крейсер на пристани. Все надраено. Все блестит и сверкает. Но без торпед. Дорогостоящая электроника снята. На месте компаса – фанерный круг. Боевая начинка давно отправлена в утиль. Нет, он еще может своим ходом. Но лучше вдоль берега. Надежнее. Если что – подтащат баграми.

Ребята! Все мы верили в судьбу. А судьба – та еще шкура. Мечтала стать шубой, путешествовать по миру. Но всю жизнь так и пролежала на полу, тихо греясь у камина.

И мы не полетели в космос, не запустили реактор и не изобрели нанокристаллы. Но зато без радиации, без ожога легких и тюрьмы по статье "шпионаж", смогли собраться здесь все вместе.

За что и предлагаю выпить.

В свой день рождения я делаю подарок жене. Я кормлю оставшихся друзей в ресторане и даю ей отдохнуть от меня еще при жизни. От суеты. От накрытого стола. От шума гостей. А потом сбегаю на дачу и ночую с котом.

С ним всегда есть о чем поговорить. Два старых ловеласа. Один из которых иногда притворяется действующим, а второй – верящим в его притворство.

Мудрости нам не занимать.

Спасибо за внимание!